

Гл ч.1,2,3

Юрий Шерлинг

ШУТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА XX ВЕКА

Книга вторая

Москва

2006

ЧАСТЬ I

ИСКУССТВО УБИВАТЬ ТАЛАНТЫ

РАЗОРВАННОЕ СЕРДЦЕ

- Прибавь, шеф! – скомандовал я таксисту. - На хвосте серый «Москвич» - оторвись! Магарыч за мной.

...Я прилетел из Хабаровска. На «партийном судилище» крайкома КПСС меня, основателя, директора и художественного руководителя Камерного еврейского музыкального театра (КЕМТа), с треском вытурили с должности, предварительно облив ушатом сплетен, интриг и доносов.

В аэропорту «Домодедово» неожиданно задержали, препроводили в комнату милиции и без всяких объяснений защелкнули на запястьях наручники.

Бунтовать, объясняться с «представителями власти» - бесполезно, оставалось ждать дальнейшего развития событий.

И я ждал, стараясь разгадать причину ареста. Ясно, «компетентные органы» развернули охоту за мной, стремясь лишить руководства КЕМТом. Но ясно и другое - сделать это непросто. На наших спектаклях не раз присутствовали иностранные послы, журналисты, работники дипмиссий. О КЕМТе и обо мне знали за границей. К тому же, в то время все негативное, связанное с советским еврейством, расценивалось в мире как антисемитизм и неизбежно вызывало ответную реакцию.. А это советским властям, стремившимся представить миру СССР как демократическое государство и избавиться наконец от пресловутой «поправки Джексона-Вэника»,* осложнявшей торговые взаимоотношения с США и другими странами, было невыгодно.

*О какой «свободе» могла идти речь, когда евреев-«эмигранцев» из СССР по-прежнему выпускали с трудом. Так, в 1985-м – 820 человек, а в 1990-м – уже 61230.

Скомпрометировать руководителя, как известно, проще всего на бытовом уровне. И потому мне перво-наперво попытались подстроить ДТП. Но просчитались. В тот раз за рулем моей «Вольво-Бертоне» сидел не я, а водитель театра. Тогда спровоцировали ссору с «гаишником» у Киевского вокзала, возбудили уголовное дело, обвинив меня в сопротивлении представителю власти и нанесении ему телесных повреждений (п.1 ч. II ст.191` УК РСФСР, от трех до пяти лет лишения свободы). И снова осечка: из-за отсутствия доказательств народный суд отказался в подготовительном заседании принять дело к рассмотрению.

За что же я арестован сейчас?

В памяти вдруг отчетливо прозвучала угроза в мой адрес - «Провокатор! Будешь сидеть!» высокого партийного функционера из отдела пропаганды ЦК КПСС. Его специально командировали в Биробиджан на приемку спектакля КЕМТа «Золотая свадьба», написанного мною и поэтом Наумом Олевым к празднованию 50-летию образования Еврейской автономной области. (В СССР существовала такая иезуитская форма цензуры - *прием* спектакля, жертвой которой пал не один из них). Сюжет спектакля прост. В нем рассказывалось с юмором и подначкой, как евреи со всего света с радостью едут в Биробиджан, якобы ставший альтернативой религиозному Израилю. И это в то время, когда чудом уцелевшие от сталинских репрессий, нищеты и таежных комаров-кровососов

* О какой «свободе» могла идти речь, когда евреев-эмигрантов из СССР по-прежнему выпускали с трудом. Так, в 1985-м -820 человек, а в 1990-м – уже 217833.

евреи из Биробиджана бежали. В финале из-за кулис в середину сцены свозили детали железной конструкции. Соединившись, они составляли огромную пятиконечную звезду. К самому концу конструкцию разъединяли и увозили за кулисы. Таким образом «международная солидарность трудящихся» Соединившись вдруг распадалась. Чекистским нюхом

партийного функционера (все они из одной «конторы»!) цековский посланец усёк в этом антисоветскую подоплеку. Однако запретить спектакль - одно из основных мероприятий юбилейного торжества, на которое в Биробиджан впервые съехались иностранные журналисты, он не мог: заменить нечем. Пришлось дать «добро» в расчете на то, что публика-дура криминала не поймет. Но мне цековец пригрозил: «Провокатор! Будешь сидеть!»

...И вот я сижу. В милицейской предвариловке Домодедовского аэропорта. На этот раз, кажется, в роли не только «хулигана», сексуального маньяка, перетрававшего всех актрис КЕМТа, но и - антисоветчика, «организатора сионистских сборищ», как об этом говорилось на заседании крайкома КПСС. Обвинение нешуточное. Вызовет бурю возмущения и протеста, едва о нем узнают на Западе. Только бы удалось повидаться с Гансом*... С его помощью я этим скотам вставляю!

... Около двух часов ждал, когда приедет «воронок» и переправит «преступника Шерлинга» в один из московских казематов, где сидеть ему до «судного дня», а там уже влепят «под завязку» и отправят подыхать «куда Макар телят не гонял».

* Мой друг Ганс Штейнфельд – собкор в Москве норвежского радио и ТВ

Заманчивая, прямо скажем, перспектива! Вполне реальная... Но поверьте, даже этого кошмара не боялся. Вместо Сердца – кровоточащая рана. У меня отняли театр – моего «сына». Я родил его, воспитал, обучил, своими руками выпустил в жизнь. Он состоялся, добился успеха, признания, славы... А теперь...

Меня объявили негодным отцом, лишили отцовства.

Изгнали из театра.

Я снова на улице.

Не прощу!

Уеду!

Вырвусь из этого сраного государства, где нет ничего святого!

...Отправляясь в Хабаровск, я допускал вздрючку, выговор за не понравившуюся руководству «Свадьбу», или участвовавшие в театре распри. Но мысль об увольнении и в голову не приходила. Сердце у нас с КЕМТом одно на двоих, можно ли жить с разорванным сердцем?.

...Дверь по-хозяйски распахнулась, и вместо конвоиров в предвариловку вошел мой давешний кагэбешный соглядатай Валерий Горин.

- С возвращеньцем, Юрий Борисович! – тонкие губы в приветливой улыбочке.

Ах, сука! ! Сторожишь?! Вынюхиваешь?!

Сжалась, готовая распрямиться пружина, – **не-на-ви-жу!**

Не вый-дет!

А Горин меж тем с мнимым возмущением выговаривал милиционеру:

- Что это?! С ума сошли?! Наручники. На кого?!

-Так вы ж звонили: задержать, - не понимая, чем он провинился перед начальством, отвечал тот.

-Я вам что говорил? Просить пассажира Шерлинга задержаться, если опоздаю к самолету.

-Так мы ж и задержали, товарищ подполковник, – оправдывался милиционер.

- Работай с такими! – посетовал Горин; судя по всему, его здесь хорошо знали. Приказав освободить мои затекшие руки, «добрый спаситель» позвал: - Пойдемте отсюда, Юрий Борисович. Специально приехал за вами, до города неблизко, на дворе мороз за двадцать пять. Извините, что задержался, дела!

...Я шел рядом с ним по залу аэропорта, с трудом сдерживая кипевшую в груди ярость. Кто дал им право играть со мной?! Издеваться?! Арестовали, надели наручники и - благодетельствовали, освободив...

Молчал недолго:

- А я-то размечтался: был хулиганом, стал политзэком. На первых полосах международных СМИ, на транспарантах митингующей молодежи: «Свободу Юрию Шерлингу!». Советские правозащитники на ушах. Вот это известность, это карьера!

- У вас все еще впереди, - шуткой, смахивающей на угрозу, ответил Горин, растянув в сладенькой улыбочке тонкие губы. И этой улыбочки было достаточно, чтобы я сорвался с тормозов:

- Обо мне не беспокойся, мудака, о себе подумай! Ну, заработаешь третью звездочку на погоны, да пару сотен к зарплате. Сдохнешь, и забудут, что коптил небо. - Я никогда ранее не говорил с ним на «ты». - Ты ж «ничто». Нуль! И если

тебя вспомнят когда-нибудь, то только в связи с твоим «горячо любимым» Шерлингом. Как преследовал меня. Душил. Ну, отняли у меня театр; у театра, погубив его, отняли Шерлинга. Но «еще не вечер», Валера! Ехал бы домой. Ночь. Люди спят. И ты с женой рядышком...

Видимо, тормоза сорвались и у него:

- Заткнись, Шерлинг! Заткнись! Скажи спасибо, что тебя начальство жалеет. Иначе... иначе... - он задыхался от невысказанных слов, не имел «служебного» права озвучить их. И, обретая спокойствие, добавил с ехидцей: - Не повезло тебе, герой. Езжай к кому хочешь, куда хочешь, хоть к чертовой матери! Твоего Штейнфельда в Москве больше нет. – И пошел к служебной автостоянке. А я сел в такси и велел шоферу ехать в Москву.

Известие об отъезде Штейнфельда – удар ниже пояса. Знал, что его ожидает ротация, но не думал, что так скоро. Радио и телепередачи Ганса о КЕМТе, интервью со мной прозвучали на весь мир. Мы подружился. Я рассчитывал на то, что Ганс уже побеспокоится о том, чтобы за рубежом узнали, как советские «компетентные органы» беспардонно расправились со мной. А в своей стране реальной защиты ждать не от кого.

Жалеют?.. Кто ж такой «добренький»? Не давний ли мой «покровитель» Алексей Черный – первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС. На «судилище» он не проронил ни слова, что-то сосредоточенно чертил на листке. Выслушав «приговор», который зачитала заведующая отделом культуры крайкома, мерзкая баба с яйцами – «Освободить от занимаемой должности за грубое нарушение трудовых обязанностей и недостойное поведение» (п.1 ст. 254 КЗОТ РСФСР), выдохнул с

горечью: «Ну, ничего не поделаешь!» и закрыл заседание. Чуть позже, столкнувшись со мной в коридоре, когда мы одновременно выходили из разных дверей его кабинета, повторил виновато: «Всё. Ничего не поделаешь. Держись». И по-отечески похлопал меня по плечу.

Нет, не Черный. Это руками Черного у меня и отняли театр. Мою судьбу решали силы, сполна владевшие искусством убивать таланты; силы, куда более могущественные чем всесильный феодал Хабаровского края. И они, смешав с дерьмом, еще смеют жалеть меня?! Кто же? Неужто Бобков?*

- На хрен мне ваша жалость! – произнес я вслух.

- Вы что-то сказали? - удивился таксист.

Я промолчал, но, оглянувшись, уже в который раз увидел серый «Москвич», неотступно следовавший за нами. Тогда-то и скомандовал водиле:

- Прибавь, шеф! На хвосте серый «Москвич» - оторвись!

- От кого бежишь, командир?

- Дружок по мне соскучился. А я не очень.

После первого же светофора мы оторвались от машины «опекуна». И я решил ехать на Таганку, в театр, чтобы забрать из своего кабинета все, что мне дорого, и что, не сомневался, будет уничтожено, едва Михаил Глуз, вернувшись из Хабаровска, начнет истреблять из КЕМТа «дух Шерлинга».

* Ф.Д. Бобков – генерал армии, 1-й зам. председателя КГБ СССР, начальник 5-го Управления КГБ. Гл.2-я

ПРОЩАЙ, КЕМТ!

Москвичам хорошо известен этот невзрачный, зажатый между однотипными постройками начала прошлого века двухэтажный дом на Таганской площади напротив Болгарской церкви. Когда-то в нем находился один из немногих московских кинотеатров «Таганский». Сейчас – популярное у игроков в рулетку казино. А в восьмидесятые здесь играли другие страсти: там жил КЕМТ. *Мой КЕМТ*. Точнее, бывший мой.

...Такси уехало, а я все стоял, словно пригвожденный к мостовой, не в силах сделать несколько шагов, отделявших меня от этого дома с квадратной чеканной вывеской «Камерный еврейский музыкальный театр. Репетиционная база. г.Биробиджан». В окнах непроглядная тьма, будто все вымерло, лишь брезжит одинокий лучик в вахтерской вблизи входной двери. Сейчас я должен войти в эту дверь. Достать из кармана ключ, отпереть ее и войти. В последний раз. Тысячи раз входил, и театр оживал мгновенно: «Шерлинг пришел!» Звонче становились голоса певцов, активнее двигались балетные, даже бухгалтер ловчей отсчитывал «дебет-кредит» на своем арифмометре...

...Вахтеры привыкли к моим неожиданным появлениям в театре среди ночи, семейная жизнь не ладилась и порой приходилось ночевать в комнате отдыха позади рабочего кабинета. (Иногда с красивой актрисой). Вот и сейчас мой ночной визит вахтера не удивит.

Если.... Если Глуз не поспешил сообщить в театр, что я больше не... Меня не впустят?.. Меня?! .

...Вместо того, чтобы открыть дверь ключом, до отказа вдавил кнопку звонка.

- Кто?! – голос вахтера Кантора.

- Шерлинг.

- Минуточку, Юрий Борисович, минуточку...

Послышалась возня. Дверь наконец отворилась, и я зажмурился, ослепленный ярким светом всех люстр, плафонов вестибюля и фойе. Это Кантор включил рубильник и словно вдохнул в театр жизнь.

Удивительный человек Леонид Моисеевич! Ученый, доктор физико-математических наук. Сколько в ту пору таких бесценных людей изгнали с работы за то, что те решили сменить страну проживания. Они мыкались, голодали, их не брали даже дворниками. А я, «асоциальный тип», нарушал «инструкции» и принимал их вахтерами, рабочими сцены, ремонтниками. С некоторыми подружился и жалею, что наша связь с их отъездом оборвалась.

Особенно сошлись мы с Леонидом Моисеевичем. Бывало, просиживали вдвоем до глубокой ночи, когда он дежурил, а я оставался в театре. Он полюбил КЕМТ, приходил на репетиции, интересовался моими задумками, подчас спорил со мной, но умел и понять... И вот теперь этот ослепительный электрический свет, которым Леонид Моисеевич встретил меня в час беды. Знал ли о ней? Догадывался? А теперь понял – грянула, и не о чем не спросил. Шел чуть впереди, успевая зажечь свет в каждой комнате на пути моего прощального вояжа по театру. Свет, свет!! Как символ жизни. Сложившийся было в мыслях сценарий «Прощание с КЕМТом», со слезами и беззвучными рыданиями, сломан. Мне стало вдруг стыдно: Вот идет рядом пожилой человек. Он потерял работу, положение в обществе, признание, материальный достаток. Но не потерял себя. Не сдался, не превратился в «униженного, оскорбленного». У него хватило сил

остаться самим собой, не утратить чувство собственного достоинства перед теми, кто пытался расправиться с ним.

Леонид Моисеевич, человек тактичный, оставил меня у двери моего кабинета. «У вас есть Эрец-Израиль, Юрий Борисович», - уходя, бросил он как бы невзначай. И, как выяснилось, потом ошибся. Мы с Израилем не поняли друг друга. Но об этом в свое время.

...Я не позволил себе сантиментов. Не стал прощаться с письменным столом, обращаясь к нему на «Вы», восседать последний раз в «любимом кресле», не сделал минорных аккордов на рояле... Уложил в сумки либретто пьес, ноты с записями моей музыки, блокноты, фото, видео и киноплёнки, сценарии, но оставил приобретенные на собственные деньги звукозаписывающую аппаратуру, магнитофоны...

Выйдя из кабинета, снял с двери табличку «Основатель, директор и худрук КЕМТа Ю.Б. Шерлинг» и направился в гараж, где стояла моя «Вольво-Бертоне».

Нарушая все мыслимые правила уличного движения, пересек наискось Таганскую площадь и остановил машину, чтобы еще раз взглянуть на дом, в котором прожил семь счастливых лет. Странное видение представлял он собой в окружавшей его темноте. Во всех окнах свет – такой яркий, что казалось, это полыхают языки пожара. Но вот он погас в верхнем угловом окне, в соседнем... Одно за другим меркли окна. Последнее... И дом словно растворился во тьме. Лишь тусклый огонек брезжил в окне вахтерской.

Всё...

Я выжал акселератор и поехал прочь. Припарковывая машину возле своего дома в Лялином переулке, заметил неподалеку знакомый серый «Москвич», в салоне которого крепко

спали двое «топунов» в стандартных драповых пальто с серыми искусственными каракулевыми воротниками. «Спокойной ночи, ребятки!» - мысленно пожелал им. Поднялся со своими сумками на третий этаж, открыл квартиру.

Ненавижу!

К черту эту страну с ее ё...м искусством!

Начну все сызнова в другом месте, всем наперекор!

Устал...

Силы оставили меня. Как был - в дубленке, сапогах рухнул на кровать и провалился в сон.

Гл.3-я

ПОВЕСТКА

Разбудил настырный звонок в дверь. Не сразу сообразив, где я, с трудом поднялся и поплелся открывать. На пороге стояла незнакомая девушка:

- Шерлинг? – В глазах испуг и недоумение.

- Шерлинг, - подтвердил, почесывая спутавшуюся за ночь бороду.

- Распишитесь. - Девушка протянула мне почтовый конверт, вечное перо и канцелярскую книгу.

Принял конверт, кое-как расписался. И девушка опрометью ринулась вниз по лестнице.

Что же так напугало курьершу?

Возвращаясь в комнату, мимоходом взглянул в зеркальце для бритья, приспособленное в ванной. На меня смотрело страшилище в дубленке, дьявол во плоти: длинные

взлохмаченные волосы, спутанная борода, глухие, словно с перепоя, глаза...

Вытаскивая руку из рукава дубленки, ощутил вдруг в ладони что-то постороннее.

Мне же принесли письмо!

На конверте в графе «адрес отправителя» штамп «Прокуратура Киевского района г. Москвы». В конверте повестка: «Явиться 27 декабря 1984 года в 12.00 к старшему следователю В.М. Платонову. При себе иметь паспорт».

27 декабря, то есть сегодня, в 12.00. На часах – 10.45. С паспортом... И сухарями?

Мысль о хлебе насущном вызвала приступ голода. Не удивительно, двое суток ни маковой росинки. А в доме – шаром покати. Переехал сюда всего за несколько дней до вояжа в Хабаровск. Ни мебели, кроме кровати и двух прихваченных из КЕМТа табуреток, ни еды, лишь початая бутылка коньяка – кто-то притащил ее, забежав по делу. Отчаянно захотелось курить. В кармане дубленки отыскал сплюсненную во сне пачку сигарет и обрадовался ей, как кладоискатель, нашедший заветное золото.

Итак, мне шьют серьезное обвинение. Но какое? В чем?

Вновь, словно наяву, прозвучала угроза «руководящего цековца»: «Провокатор! Будешь сидеть!»

Возбужденное ранее против меня, но прекращенное за отсутствием доказательств уголовное дело о сопротивлении представителю власти с нанесением телесных повреждений, вел рядовой районный следователь. Теперь за меня взялся чиновник рангом выше.

А если из прокуратуры да прямиком в тюрьму? Понадобится другая одежда, смена белья, запас сигарет,

наконец... Но не идти же к следователю с узелком в руках... А кто, если потребуется, принесет мне в кутузку необходимое? Нет рядом ни друга, ни верного человека, разве что Элла Власова. Последние семь лет мы работали в КЕМТе бок о бок, плечом к плечу, но разве я сумел оценить – нет, не любовь, у Эллы давно своя личная жизнь - ее дружескую верность? Одинок... Сгину, никто и не заметит... Разве что мама?.. Мама?.. Вместо того, чтобы поддержать сына в это трудное время хоть добрым словом, она отдалилась от меня...

Хватит жалеть себя!

Медлить некогда. Не явлюсь в прокуратуру вовремя, доставят приводом.

Торопливо принял душ, оделся, привел в порядок бородатую физиономию и все же «собрался» - вложил в кейс пару белья, сорочку, бритву и зубную щетку с пастой. Выглянул в окно: серый «Москвич» стоял на прежнем месте, а неподалеку терпеливо вышагивали взад и вперед в своих стандартных драповых пальто с серыми воротниками двое крепких мужиков. Работа у них такая: вышагивать, вынюхивать...

Черт с ними - и с «Москвичом», и с «топтунами»! Но что делать с моей «Вольво», если меня посадят? Не стоять же ей годами у подъезда в верном ожидании хозяина? А вдруг конфискуют? Наверняка не откажут себе в удовольствии, если позволит санкция статьи Уголовного кодекса. «Вольво-Бертоне» - эксклюзивная серия, всего пятьсот автомобилей во всем мире, а в Москве вообще единственная.

Уже в дверях меня остановил телефонный звонок:

- Не дурите, Шерлинг! – узнал голос Горина.

- Слушаюсь, гражданин подполковник! - отрапортовал ретиво.
- Не дурите ! – повторил он и повесил трубку.

Жалеют... советуют...

С кейсом в руках вышел на улицу, сел в машину, прогрел остывший на декабрьском морозе двигатель и загнал в дальний угол двора, подальше от глаз людских.

В кафе-забегаловке купил блок сигарет, плотно позавтракал со стопкой водки и, сопровождаемый «воротниками», направился к станции метро «Смоленская».

Гл.4-я

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН ПЛАТОНОВ!

Я настороженно отношусь к узкоплечим низкорослым мужчинам. Как правило, они умны, но неизменно страдают «комплексом Наполеона»: амбициозны, властны, обозлены на весь мир, но далеко не безразличны к женскому вниманию. К тому же тщательно выбритое мелкое ординарное лицо чиновника, с которым мне предстояло иметь дело, было столь невыразительно и бесстрастно, что я, сколько ни напрягал воображение, так и не смог составить себе представления о нем.

Не отрываясь от разложенных на письменном столе бумаг, хозяин кабинета молча кивнул в ответ на мое приветствие, молча указал рукой на стул напротив себя и лишь на мгновение поднял голову. «Ильич! Ленин!» - едва не вскрикнул я.

- Я – старший следователь прокуратуры Платонов Владимир Михайлович. Мне поручено вести ваше уголовное дело, - заговорил наконец «Ильич». - Вы обвиняетесь по пункту первому части второй статьи 191` УК РСФСР.

Следователь не проявлял ко мне никакого интереса, что было для меня внове. Уже привык к тому, что моя личность, вкупе с фамилией «Шерлинг», вызывает у собеседника пусть негативные, но какие-то эмоции или хотя бы любопытство. Для Платонова же я - очередной подследственный, и он нарочито подчеркивал это.

Зато сработали мои эмоции, притом достаточно бурно:

- Но мое уголовное дело прекращено за отсутствием доказательств!

- *Было* прекращено. - Платонов сделал ударение на первом слове. – Действительно, народный суд в подготовительном заседании не принял дело к рассмотрению из-за отсутствия доказательств вашей вины, а мы...

- А вы их нашли! – перебил я.

- Представьте. И на этом основании возобновили дело по вновь открывшимся обстоятельствам...

Ясно: никакой я не «политический», за которого громогласно вступились бы новодворские, боннэры и другие правдолюбцы. Обыкновенный уголовник-хулиган. Потому-то меня и поспешили вытурить с работы: несподручно судить за хулиганство директора и художественного руководителя советского государственного театра.

- Что ж это за «вновь открывшиеся обстоятельства»? Имею право хотя бы, знать?

- Разумеется. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР дает вам право знакомиться со всеми материалами дела. Но прошу прежде всего предъявить ваш паспорт.

Передо мной сидел бесстрастный чиновник-педант, ревностный блюститель закона.

Изучив каждую страничку моего паспорта, Платонов, однако, не возвратил его мне, а отложил в сторонку.

- Ну-с, приступим к делу, гражданин Шерлинг..., - сказал он слегка грассируя.

- Приступим, *господин* Платонов.

Вывести бы «Ильича» из его отрепетированного равнодушия!

Я и впредь величал его наивежливейше «*господином*». Он же делал вид, что не замечает иронии в этом несовместимом с его советско-чиновничьей должностью обращении.

- Лично мне ваше дело и ваша вина абсолютно ясны, - констатировал следователь. – Но...

- Тогда зачем вся эта комедия?! Да, я шут, но только на сцене.

- И в жизни, - неожиданно парировал Платонов. Но уже в следующее мгновение «вернулся» в свое кресло и приступил к допросу. Допрашивал долго и нудно, скрупулезно уточнял, чем я занимался с самого утра того злополучного дня до момента «преступления», будто бы от времени, затраченного мною на сортир, разговоры по телефону, питье кофе, брань с завхозом или флирт с хорошенькой актрисой зависела моя виновность или не виновность.

Но то были цветочки в сравнении с допросом «по факту», приведшему меня в прокуратуру, а затем, и на скамью подсудимых.

В чем же заключался сей «факт»?

В один из июльских дней 1984-го из Киева позвонила моя жена Тамара Акулова. Мы разбежались месяца три назад, и наши телефонные разговоры ограничивались обсуждением

проблем, связанных только с дочкой. Анечка жила тогда у Тамариных родителей под Воронежем в деревне.

На этот раз Тамара попросила встретить ее на Киевском вокзале. Это было столь неожиданно, что я заподозрил ее в намерении восстановить наши отношения. Расставались мы долго и трудно: то разбегались злейшими врагами, то бросались в объятия друг друга страстными любовниками. Но сейчас одна лишь мысль о супружестве вгоняла меня в холодный пот.

И все же поехал встречать Тамару, еще любил ее.

Что-то задержало меня в театре, и я, не найдя шофера, благо дубликат ключей всегда был при мне, вскочил в кемтовский «Жигуль» и помчался на Киевский вокзал.

Вскоре в зеркале машины заметил следовавший за мной, почти впритирку, белый с голубыми полосами «Москвич». И в голову не приходило, что он «пасет» меня. Едет себе и едет одной со мной дорогой. Даже мелькнула озорная мысль: не догонишь, голубчик! И выжал акселератор.

Под светофором у привокзальной площади «голубчик» все же нагнал меня, и когда я, разглядев на стоянке свободное местечко, стал, было, парковаться, преградил путь. Из машины ГАИ выскочил здоровенный офицер-гаишник. Козырнув, представился: лейтенант Дугинов, и потребовал мои документы. Пока я доставал их из «бардачка», спросил требовательно:

- Почему на машине хабаровские номера?

Объяснил:

- Я директор Биробиджанского *государственного* еврейского театра (в подобных ситуациях всегда подчеркивал слово «государственного»), а весь автотранспорт Биробиджана помечен хабаровскими номерами.

- Ваша машина в розыске! Она угнана, – объявил лейтенант.

-Ерунда какая! – возмутился я.

- К тому же, вы непозволительно превысили скорость и нарушили ПДД – «Проезд без остановки запрещен!».

И вправду, нарушил. При въезде на привокзальную площадь предупредительный знак требовал остановки, что я второпях проигнорировал.

Как раз в это время диктор вокзальной громкоговорящей сети объявил о прибытии поезда из Киева.

Предвидя длительное разбирательство по определению меры наказания, объяснил гаишнику, что опаздываю к поезду на встречу с женой и попросил временно отпустить меня, оставив у себя в качестве залога мои документы. Намекнул, что эта его любезность будет вознаграждена. Офицер одобрительно кивнул, и я помчался на перрон, мысленно восторгаясь доброжелательностью «отдельно взятого блюстителя порядка». Успел к поезду секунда в секунду.

Картинно, словно на киносъемках, спускаясь на перрон по ступенькам вагона, Тамара – загоревшая, отдохнувшая была так очаровательна, что я едва не поддался вновь вспыхнувшей страсти и не расцеловал ее. Но, вспомнив бесконечные ссоры, ее оскорбления, истерики – неизменные составляющие нашей семейной жизни, строго-настрого приказал себе воздержаться от минутного соблазна.

Приняв из рук Тамары ее небольшой чемоданчик, шел рядом с ней по перрону, в полуха слушая ее щебетанье о погоде в Киеве, красоте Днепра и прочей чепухе, и не переставал удивляться, зачем она вдруг позвала меня.

Когда же мы подошли к машине, «блюстителя» было не узнать. Передо мной стоял затянутый в форменный мундир

громила-служака со сжатыми скулами тщательно выбритого лица и ледящим собеседника взглядом.

- Готов заплатить штраф за нарушение правил...

- *Чем* вы заплатите, решит мое начальство, - перебил гаишник, сделав многозначительное ударение на слове «чем». И с издевкой добавил: - Могли бы вернуться побыстрее, а не заставлять ждать вас, господин директор *еврейского* театра. - И снова ударение - на слове «*еврейского*».

Дело принимало неожиданный оборот, не предвещавший ничего хорошего. Объяснения о хабаровских номерах гаишник и не слушал, спросил, словно на допросе:

- А что, собственно, *ты* имел в виду, предлагая мне, советскому офицеру при исполнении, вознаграждение за «любезность»? Взятку? Вы, жида, за взятку и Христа продали!

«*Жиды*»?..

Кровь прихлынула к вискам. В глазах потемнело. Передо мной стоял не офицер ГАИ, а преподаватель танцев в МХУ антисемит Рихтер, изуродовавший мою карьеру в самом ее начале. С трудом сдержался, чтобы не влечь пощечину негодяю «при исполнении». Но, очевидно, вид мой достаточно красноречиво свидетельствовал о том, что я готов к этому. Чтобы упредить мой порыв, гаишник схватил мою руку и профессионально отработанным приемом завернул ее мне за спину. Вскрикнув от боли, я попытался освободиться, и тогда «блюстителю» втолкнул меня в свою машину, рядом усадил Тамару и повез нас в околоток.

Часа два мы, дожидаясь следователя, провели в милицейском «гадюшнике» в компании с двумя карманниками и престарелым бомжем.

- Зачем ты позвала меня на вокзал? – спросил я Тамару, действительно не понимая, для чего ей было это.

- Захотелось, и позвала, - капризно скривила она свои по-детски пухлые губы, я так любил их целовать! – И ты прибежал, как ручная собачонка. Так будет всегда!

- Ошибаешься, девочка! – жестко ответил я.

- Посмотрим! – ее прозрачно-голубые глаза потемнели от гнева. О, как она ненавидела меня в тот момент!

...Обвинение в угоне «Жигулей» вскоре отпало, Второе же оказалась куда сложнее. «Потерпевший» был настроен так агрессивно, что казалось, я – его злейший личный враг, с которым наконец-то появилась возможность свести счеты. Он утверждал, что в ответ на его справедливые замечания о нарушении ПДД и требование предъявить документы, я, якобы, бранясь нецензурно, набросился на него с кулаками и даже укусил за руку. В подтверждение демонстрировал следователю ладонь с уже затянувшимся порезом острым предметом, даже отдаленно не напоминавшим след от укуса.

Разумеется, весь этот бред я категорически отрицал. Тамара же, заявила, что стояла далеко, а потому ничего не видела и не слышала.

Взяв у меня подписку о невыезде из г. Москвы, следователь передал дело в народный суд. Однако, организаторы провокации не удосужились обзавестись свидетелями моего «преступления». В деле фигурировали лишь трое: я - обвиняемый, категорически отрицавший свою вину, потерпевший лейтенант Дугинов и Тамара, утверждавшая, что ничего не видела и не слышала. Но даже неправый советский суд не смог позволить себе осудить человека, основываясь лишь на показаниях потерпевшего, и в

подготовительном заседании не принял дело к рассмотрению из-за отсутствия доказательств моей вины.

...И вот теперь старший следователь прокуратуры Платонов в десятках вариантов «обкатывал» вопрос о цели моего приезда на площадь у Киевского вокзала, развернув подлинную охоту за «преступником».

- Выходит, виноваты не вы, а лейтенант, - с ехидцей резюмировал следователь, когда я по его требованию изложил суть дела «по факту». – Вы офицера не оскорбляли, побоев ему не наносили, за руку не кусали?...

- Так точно, господин Платонов! Не оскорблял, не наносил, не кусал. Кстати, есть заключение судмедэксперта, признавшего на руке лейтенанта след не от укуса зубами, а от обычного бытового пореза ножом.

- А что вы скажете вот на это? - и Платонов придвинул ко мне «дело», открытое на тетрадном листке в клеточку. Это были свидетельские показания какого-то шофера, машина которого, якобы, стояла рядом с моей, и он слышал как мы с гаишником бранились.

И Платонов подвел итог допроса:

- В вашем деле, как видите, все ясно как дважды два. В ближайшие дни мы выполним все юридические формальности и передадим дело в суд.

Я поднялся, посчитав, что мне больше нечего делать в кабинете «Ильича». Но тот остановил меня:

- Минуточку, гражданин Шерлинг. Следует решить вопрос о мере пресечения.

- Не понял... «Пресечения» чего?

- Возможного повторения вами противоправных действий.

- О, Господи! – Только и смог выдохнуть я. – Господин Платонов, вы и вправду считаете меня преступником?

Вместо ответа он вновь придвинул ко мне «дело». И, к своему ужасу, я увидел ордер на мой арест, санкционированный прокурором.

- Так арестовывайте! За чем остановка?

Меня вдруг охватила такая усталость, что все происходящее стало абсолютно безразлично.

- Вас не могли найти. Заподозрили, что вы скрылись и... - объяснил Платонов.

- Да, да, скрылся, - словно автомат, подтвердил я.

- Когда выяснилось, что вас вызвали в Хабаровск, исполнение ордера приостановили. Хотя и не аннулировали, так как санкция статьи, по которой вас обвиняют, предусматривает наказание в виде лишения свободы. Я ограничусь вашей подпиской о невыезде из Москвы, и мы ненадолго простимся.

- Воля ваша, - согласился я и расписался на бланке «Подписка о невыезде».

. Платонов аккуратно подколол все листочки в папку-скоросшиватель с надписью на обложке «ДЕЛО №..», запер ее в сейф, спрятал в карман ключ и самопишущую ручку, выровнял в бокальчике на письменном столе строй заточенных один в один карандашей и поднялся. Следом встал и я, полагая, что наше общение на этом закончено.

- Прощайте, господин Платонов! – Я нахлобучил шапку, намереваясь уйти.

Платонов продолжал стоять, медля с ответом, буквально на глазах превращаясь в другого человека, будто с него сдернули мундир официального чинуши.

- Вы очень спешите, Юрий Борисович? – спросил негромко, грассируя сильнее обычного.

И это «Юрий Борисович», вместо «гражданин Шерлинг», и тон, которым он задал вопрос, и необычное миролюбивое выражение настолько обескуражили, что я ответил:

- Не очень... - и воздержался от «господина».

Платонов подошел к стоявшим у стены кабинета стульям и жестом пригласил сесть рядом.

- К сожалению, не видел ваших спектаклей, но мне рассказывали о них, как о театральном шедевре, - неожиданно сказал Платонов. – Вряд ли театр сохранится таким, каким был при вас. Жаль. Вас высоко ценят. Но, поверьте, не в моих силах что-либо изменить.

...Не берусь сейчас, по прошествии двадцати лет, с точностью воспроизвести тот наш разговор. Платонов интересовался, почему я решил организовать еврейский театр, как удалось это сделать, каким мне видится будущее еврейской культуры в многонациональном СССР... Говорили о театрах, спектаклях, артистах Порой, я поражался его осведомленности, тонкому анализу...

Ныне Владимир Михайлович председатель Московской городской Думы. Человек государственный, пользуется заслуженным уважением в обществе.

Мы встретились с ним на каком-то официальном рауте. И он меня сразу узнал, хотя за эти годы я здорово изменился: поседел, облысел, постарел. Обнялись как добрые, давно не видевшиеся друзья, обрадованные встречей. Вкратце удовлетворив его любопытство, - а он живо расспрашивал где я и как, я не выдержал, и, хотя вокруг были посторонние, спросил:

- На вас здорово тогда давили? Дело-то выеденного яйца не стоило!

Владимир Михайлович вмиг превратился в «прежнего Платонова»:

- Я из тех, на кого «давить» невозможно. – И, вновь подобрев, добавил: - Поверьте, Шерлинг, вам повезло, что вашим следователем был я. И дело это, хотя оно и вправду выеденного яйца не стоило, закончилось так, как оно закончилось.

Мы тепло простились, от души пожелав друг другу успеха. И Платонова тут же увлекли куда-то сопровождавшие его люди.

А тогда, в январе 85-го, вернувшись домой, я позвонил Власовой, мне необходимо было поговорить с человеком, которому доверяю.

- Разрешите представиться, уголовник Юрий Шерлинг, - сказал я, словно насмехаясь над самим собой.

- Перестань паясничать! – осадила Элла.

И я рассказал ей о допросе у следователя, и о том, что ожидает меня в ближайшее время.

- Почему бы ни позвонить Глазунову, рассказать ему обо всем? А он через «Благодетеля» (Сергея Михалкова)...

- Ошибаешься, подруга,- прервал я, - такие люди с «падшими курочками» не общаются.

За «падших курочек», не сомневался, не вступится никто из моих именитых знакомых, хотя они и могли бы помочь реабилитировать мое доброе имя. Никто.

«Бывший», «низверженный», «опальный», я был никому не интересен, не нужен, несмотря на все свои «таланты».

Ни-ко-му!

«АСОЦИАЛЬНЫЙ ТИП»

До суда, назначенного на начало февраля, оставались считанные дни, и я торопил время. Незнание – несвободен, хотя и не в тюрьме, – угнетала меня. Сутками не вылезал из дома, отключил телефон, чтобы никого не видеть и не слышать.

Словно загнанный в клетку зверь, метался по пустой, неприбранной квартире, замертво валился на кровать, в бешенстве избивал кулаками подушку.

Что делать? Где выход?

Не знал. Не находил. Кончились сигареты, в кармане ни гроша. Не звонить же друзьям, маме, Власовой: дайте полста на сигареты и горбушку хлеба. Это я-то, Шерлинг!

А, собственно, ты кто такой сегодня? Да никто! Бывший... Злорадствуют недруги. Справились! Свалили! Избавились от «тирана!» Недоумки, не понимают, что погубили себя.

Двое суток маялся один. Допил из бутылки остаток коньяка, докурил последний «бычок». Отчаявшись дозвониться, неожиданно явились старший инженер КЕМТа Алексей Архангельский и машинист сцены Леша Аржанов. Простые отличные ребята! Притащили с собой две поллитровки, батон «Докторской», кирпич «Бородинского». Принесли командировочные, которые задолжал мне театр, зарплату «под расчёт», и я «разбогател».

Леша Аржанов рассказал, что завтра назначено общее собрание труппы и сотрудников КЕМТа, на котором официально объявят о моем увольнении и представят нового

руководителя - Михаила Глуза. Специально для этого из Хабаровска прилетел Иван Бритт.

И вот оно, это «завтра», 15 января 1985 года. То и дело смотрю на часы. Не могу заставить себя не смотреть... Одиннадцать... одиннадцать тридцать... сорок... сорок пять.... Срываюсь с места, сбегаю по лестнице, сажусь в машину и мчусь на Таганку. В КЕМТ. Должен посмотреть в глаза кемтовцам, которых вырастил, обучил мастерству, сделал артистами.

Таганская площадь. И на полной скорости торможу у Болгарской церкви, От нее рукой подать до КЕМТа, пересечь площадь, - и ты у дверей. Но для меня эта сотня метров – расстояние длиною в целую жизнь. Его мне не преодолеть. Никогда.

Четыре часа, пока шло собрание, сижу в машине. Нет, не в машине, на собрании. Присутствую на нем энергетически.

Все и вся воочию вижу, всё и всех слышу. Какой переполох вызвало бы мое появление! А что, если и вправду...

Приоткрываю дверцу машины, но в последний момент разум берет верх над эмоциями.

Струсил? Да, струсил. Побоялся увидеть предательство и подлость в глазах тех, кого любил, пестовал, кому верил все эти годы.

К концу четвертого часа напряженного ожидания сдали нервы. И я впервые в жизни возроптал. Обратив свой взор к золотому кресту на куполе православной церкви, я, иудей, безбожник, возопил всей душой:

«Господи! За что?! Я служил моему народу – за что уничтожаешь? Почему не защитил?»

...Видимо, не застав меня дома, по радиотелефону (он уже был у меня тогда) позвонила Власова. Я объяснил, где стоит моя машина. Элла подошла взволнованная, обескураженная. Из ее сбивчивого рассказа о собрании ничего нового по сравнению с тем, что слышал на «партийном судилище» в Хабаровске, не узнал. Разве что о ходатайстве собрания перед Минкультуры о присвоении М.С. Глузу звания заслуженного деятеля искусств РСФСР – вознаграждение за предательство. О том, что говорили кемтовцы обо мне, просил Эллу не рассказывать. И слышать не желал.

- Досталось и мне, - с обидой заключила Власова. - В благодарность за то, что всех этих климовых и яковов явно научила двигаться на сцене, а не топать по ней бегемотами, они, оказывается, прозвали меня «немецкой овчаркой».

- Ты остаешься в КЕМТе? – удивился я.

- Еще на собрании Глуз объявил, что театр меняет направление, и хореографических номеров больше вообще не будет. Подала заявление об увольнении, и Глуз его подписал.

- А мама?

Элла медлила с ответом:

- Шарлотта, представь, поздравила Глуза с назначением и попросила разрешения остаться в театре на прежней должности концертмейстера...

- И он?

- Согласился.

Лишь много позже я простил маму. Пожилой, никому не нужный музыкант, она побоялась остаться без работы, без средств существования. На мою помощь в тот момент рассчитывать не приходилось. Если меня посадят, что не исключено, сам буду в ней нуждаться.

В тот же вечер ко мне домой ворвался Станислав Каракаш, завпост КЕМТа:

- Отдай печать! Немедленно! – потребовал он. Раньше, едва заведя меня, кланялся, спеша поприветствовать первым, но его говеную сущность я разглядел давно.

Печать – символ власти главы советского учреждения еще была у меня, так как никаких дел никому не сдавал. На кой черт она мне, когда нет театра?! Я отдал печать Каракашу, и он взамен швырнул на табуретку мою трудовую книжку. Оставшись один, прочел в ней последнюю запись: *«...Освободить от занимаемой должности директора и художественного руководителя Камерного еврейского музыкального театра по ст. 254 КЗОТ РСФСР за грубое нарушение трудовых обязанностей и недостойное поведение»*. Слово в слово заключение хабаровского «судилища»!

...Чем ближе день суда, тем всё чаще звонит мне Горин:

- Все скоро переменится, страсти улягутся, Глуз долго не продержится, КЕМТ без вас существовать не сможет, - увещевал он. - Мы, к сожалению, закрыть судебное дело не в силах, им интересуются «инстанции», и ваше увольнение санкционировано ими же...

Разумеется, не верил этим сказкам с «хеппи эндом». Всесильная «контора», перед которой самый высокий цековец навтыяжку, - и не в силах решить судьбу какого-то Шерлинга?! Однако понял и другое: «контора» опасается этого «какого-то Шерлинга». И стараются притупить его бдительность, чтоб он не провел пресс-конференцию с

участием иностранных корреспондентов и не устроил вселенский скандал на тему об антисемитизме и нарушении прав человека в Советском Союзе. Но я и не собирался идти на такие крайние меры, зная, что одинок, а потому проиграю. И когда Горин позвонил в очередной раз, взмолился:

- Оставь меня в покое! Не до тебя, пойми. Можешь отчитаться, не глядя в мои ясны очи: «Объект здоров, морально устойчив, счастлив и с нетерпением ждет судебного процесса».

Горин не принял шутки и ответил официально, выполняя чей-то высокий приказ:

- Завтра в 15.00 в гостинице «Москва», - и назвал этаж, номер комнаты, куда должен прийти. Не опаздывая.

Из рассказов побывавших в «Москве» «по вызову», а таких было немало, знал, что добрая часть гостиницы фактически - общежитие и следственные комнаты КГБ. Во-первых, удобно – рядом с «Лубянкой»; во-вторых, это гостиница, а не здание КГБ, наводящее ужас одним своим видом и названием; в третьих, уютная обстановка номеров размагничивает, располагает к откровенной беседе куда больше, чем кабинет-камера следователя. Чекисты никогда не появлялись здесь в форменной одежде, и беседа велась не за казенным письменным столом, а в глубоких мягких креслах, к ним даже подкатывали столик с чаем, кофе, бутербродами. Неискушенный собеседник порой так расслаблялся в беседе, казавшейся ему непринужденной, доброжелательной, что, сам того не ведая, выдавал на-гора все, что от него требовалось.

Теперь и меня позвали (попробуй, не явись!) в это уютное «чекистское логово».

Ровно в 15.00 постучал в дверь гостиничного номера, примечательного лишь тем, что мимо него по коридору расхаживали внушительного вида парни в одинаковых черных костюмах.

Пригласили войти. Вошел. И навстречу мне с дивана поднялся сам Филипп Денисович Бобков, генерал армии, первый заместитель председателя КГБ СССР, начальник его 5-го Управления. (Комитетчики звали его между собой кратко: «ФД», то ли по его инициалам, аналогичным инициалам председателя ВЧК Феликса Дзержинского, то ли по названию мощного паровоза «ФД», «наезд» которого был чреват ситуацией, несовместимой с жизнью).

В первой книге я рассказывал о встрече с Ф.Д. Бобковым накануне гастролей КЕМТа в Биробиджане. Ознакомительной, в меру доброжелательной и наставительной. Филипп Денисович открытым текстом дал мне понять тогда, какой политически важный участок идеологического фронта мне доверен, каким я обязан быть осмотрительным в своих решениях, поступках и какие серьезные неприятности поджидают меня в случае опрометчивости и недомыслия.

Была и вторая. Трехминутная. Не в пример первой, недружелюбная, когда ФД, разогрев котлы, уже набирал пар, готовясь двинуться на меня. Она состоялась в его кабинете на Лубянке вскоре после того, как я перехватил донос члена КПСС, нового заместителя директора КЕМТа на имя уполномоченного КГБ в КЕМТе В.П. Горина. Узнав об этом, имярек-коммунист подал заявление об увольнении по собственному желанию.

Даже не ответив на мое приветствие, Бобков тогда сказал хмуро:

- Вы вынудили уволиться с работы, - и, назвав фамилию доносчика, приказал: - Восстановить немедленно! Помимо того, извольте поразмыслить над театральным репертуаром, он зачастую противоречит нашим задачам и не удовлетворяет нас.

- Но спектакли КЕМТа... - попытался возразить я.

- Если уже сейчас, в данный момент, вы не поймете этого, - в голосе ФД зазвучал металл, - я выдерну из-под вас стул. – И без малейшей паузы закончил: - Свободны!

И вот теперь, накануне суда, когда из-под меня, выражаясь языком Бобкова, «выдернули стул», встреча третья.

- Здравствуй, непутевый! – Бобков, приветливо улыбаясь протянул мне руку.

- Здравствуйте, Филипп Денисович, - ответил, стараясь совладать с осевшим от неожиданности голосом.

- Рассказывай, - Бобков указал на место подле себя на диване. - Рассказывай, как дела? Проклинаешь всех на свете?

- Мама всегда говорила, что я попаду под колеса истории, - тупо-философствующим тоном ответил я.

Бобков рассмеялся:

- Дело не в том. Просто ты зарекомендовал себя асоциальным типом. Абсолютно не вписываешься в социум нашей страны.

- Я как мог...

Бобков не дал мне договорить:

- Ты ж понимаешь, вся эта история с еврейским театром была нужна не только тебе. Как только пар из паровоза выпустили...

- Но вы от этого выиграли?

- Нет, - отрезал Бобков. Неожиданно его голос вновь подобрел. – Ты оказался несговорчивым партнером, мы играли в разные лузы. В результате, эмиграция стала активнее, а мы не сдвинулись с мертвой точки. Да ладно!- прихлопнув себя ладонью по коленке, он прервал опасный для меня разговор, балансирующий на острие бритвы. – Вербовать в тайные агенты не станем. И без того тебя таковым считают, а значит, и гроша ломаного не стоишь. - Бобков рассмеялся коротким смешком: - Хоть ты и отличный артист, но эта роль не по тебе. Живи сам по себе.

- Но меня ждет суд, пять лет лишения свободы по статье 191 УК!

Бобков отмахнулся:

- Ерунда! Если на суде будешь вести себя пристойно...- И поднялся, давая понять, что аудиенция закончена.

- Прощайте, - поднялся и я.

- Отчего ж?! До свидания. Гора с горой, а человек с человеком...

Мы, действительно, встретились недавно. Но об этом позже.

А в тот январский день 1985-го, выходя из гостиничного номера «Москвы», понял, что «контора» стремится избежать международной огласки моего изгнания из КЕМТа, и готова заключить со мной сделку о выкупе: свобода за «пристойное поведение». Потому-то меня и пригласил на беседу сам всесильный генерал Бобков.

...За мной и поныне тянется «чекистский» след. Знаю, есть люди, убежденные, что КЕМТ был организован по заданию КГБ, а, следовательно, я никто иной, как его агент. *Никогда* и

никого не предавал и не продавал *никому*, как это сделали со мной.

Да, КГБ несомненно санкционировал открытие КЕМТа, стремясь этим, в частности, доказать отсутствие в стране государственного антисемитизма... Но хотелось бы спросить тех, кто навешивает на меня «чекистские ярлыки»: положив руку на сердце, скажите, существовали ли в сталинско-хрущевско-брежневские времена учреждения, предприятия, театры, хоть один спектакль или кинофильм, выходили ли в свет книги, газеты, радиопередачи, не санкционированные Главлитом, цензурой, а фактически КГБ?

Я, как признал генерал Бобков, оказался не тем игроком, который был им нужен, мы играли в разные лузы, добивались диаметрально противоположного результата – потому-то меня и изгнали. Сменившие же – куда сговорчивей, понятливей, податливей, жили душа в душу с «гориными» и, парадокс, поныне слывут незапятнанными, «бесхвостыми», хотя шлейф у них из самого дорогого материала.

Гл.6

УГОЛОВНИК ШЕРЛИНГ

За несколько дней до суда мне позвонили:

- Извините за беспокойство, я – член Московской городской коллегии адвокатов Иосиф Кисенишский, - представился незнакомец.

Следователь предупреждал, коль скоро в судебном процессе участвует прокурор, интересы подсудимого, то есть мои, должен защищать адвокат. Однако, услуги Иосифа

Кисенишского, одного из ведущих, но и самых дорогих московских юристов, были мне тогда не по карману.

- Слышал, вы еще не пригласили адвоката, - продолжал, между тем, Кисенишский, - буду польщен, если вы доверите мне вашу судебную защиту.

- Благодарю, - ответил, лихорадочно придумывая, как бы отказаться.

- Благодарю, - повторил, - но...

Вряд ли Кисенишский догадался, что кроется за этим «но»:

- Защищать вас, Юрий Борисович, честь для меня. Условие категорическое: никаких гонораров!

Знакомство с Иосифом в ту тяжелую пору стало спасением. Он как бы добровольно переложил на свои плечи весь непосильный, доселе неведомый мне груз судебной тяжбы, принял мои невзгоды так близко к сердцу, словно они были его собственными.

Ознакомившись со следственным делом, Кисенишский возмутился:

- И такой материал *они* передают в суд?! В деле единственный, неизвестно откуда и как появившийся свидетель. К тому же, как говорили еще римляне, «один свидетель – никакой свидетель».

- Значит, есть шанс отбиться?! – воскликнул я.

- В правовом государстве. Но не при советском правосудии, когда основной закон для суда «телефонное право».

- Не понял...

- Что ж тут понимать, дорогой Юрий Борисович?! – тяжело вздохнул Кисенишский. – Виновным в посягательстве на здоровье и достоинство представителя власти вы стали уже в

тот момент, когда эта бездарная провокация на привокзальной площади еще только задумывалась *ими*.

- Да, Дугинов «вел» меня от самого театра. Я понял это слишком поздно...

- К черту Дугинова! – перебил Иосиф. – К черту «его честь и достоинство»! Дугинов – повод, а причина... Здесь ваша вина доказана полностью.

- Вина?... Моя?... - переспросил, обескураженный... - Да вы с ума....

- Нет. Не сошел. Все дело в вавших спектаклях, неужели вы до сих пор не поняли... Я видел все, кроме «Свадьбы». Да вы памятник воздвигли еврейской культуре. Хотя и не той, древней, вечной, а умирающей культуре идиш, жить которой осталось максимум в двух будущих поколениях. Гениальный, нерукотворный, памятник! Недолговечный еврейский ренессанс! «Системе» не опасный, если... если бы спектакли вашего КЕМТа не пробуждали в советских евреях чувства национальной гордости, самоуважения, самодостаточности, и тем самым не шли наперекор государственной политике антисемитизма. Этого вам не простят! И государственная машина подавления инакомыслия обрушилась на вас.

- Я буду бороться!

- Как?... С кем?! С государством?! Кто-нибудь подставил вам плечо? Возопил на весь белый свет: что делаете?! За что?! Кого?!

- Никто...

- То-то и оно, борец-одиночка... А теперь послушайте моего совета. Голову даю наотрез, на столе судьи уже лежит продиктованный «инстанциями» обвинительный приговор. Остается лишь дописать фразу «суд приговорил к ...». И

размер этого «к», а им может быть срок до пяти лет лишения свободы, зависит исключительно от вас. Вам недвусмысленно дали это понять в гостинице «Москва». Будете вести себя разумно, то есть не «рыпаться», «не возникать» с обличительными речами, вас, хотя и осудят, но оставят на свободе. В ином случае – тюрьма, лагерь. Вам, Юрий Борисович, и месяц с лихвой этого кошмара: вами «займутся», «опетушат», превратят в морального и физического уродца на всю оставшуюся жизнь.- Иосиф помолчал в грустном раздумье и, не давая мне возразить, заключил: - А бисер метать перед свиньями доверьте мне.

Зал судебного заседания, куда мы вошли с Кисенишским, битком.

- На спектакле с Шерлингом в главной роли – аншлаг, - ухмыльнулся я. – Сколько зрителей!

- Да каких! – в тон мне ответил Иосиф.

- Но, позвольте... Это не мой «контингент»! – Только теперь разглядел, что «зрители» на одно лицо, и все при серых каракулевых воротниках на стандартных драповых пальто.

– И не сомневайтесь, - прокомментировал Иосиф, - ни одна чужеродная мышка не проскочит на это «открытое» судебное заседание.

На подиуме массивный, темного дерева стол и три таких же стула с высокими спинками для судей. Слева от подиума – стол для обвинителя; справа – для адвоката, а позади деревянный барьер в форме буквы «Г» со скамьей для подсудимых внутри. Такова сценография спектакля, который вскорости здесь разыграется. В главной роли - Юрий Шерлинг.

- Ваше место, Юрий Борисович, - Кисенишский указал мне на скамью за барьером.

- Ошибаетесь, Иосиф! – вспыхнул я и с пафосом добавил:
– Это место никогда не было и не будет моим!

В ответ Кисенишский положил мне руку на плечо, успокаивая:

- Мы же договорились...

- Встать! Суд идет!

На подиум торжественно, осознавая свою значимость, взошел суд.

- Подсудимый Шерлинг, - приказала судья, - займите свое место!

Хотел, было, и ей возразить: - не мое «это место», но, столкнувшись глазами со свирепым взглядом Иосифа, повиновался властно указующему судейскому персту. И возле барьера мгновенно выросли два здоровенных конвоира. Один - у торцевой стенки, обращенной к судейскому подиуму; второй - загородил собой выход в зал. «Преступник взят в кольцо!».

Я – в замкнутом пространстве. С детства не люблю это состояние, особенно если на нем фиксируется мое внимание. Иногда на высокий этаж дома поднимаюсь пешком, а не в лифте, избегаю поездок в метро. Вырваться... вырваться бы на волю из-за этого проклятого барьера!

Передвигался с одного конца скамьи на другой, вскакивал, отвечал невпопад судье, настойчиво требовавшей ответа, признаю ли себя виновным. Наконец, смирившись, - не вырваться! – ответил односложно:

- Нет! – И сел посредине скамьи, подальше от конвоиров.

Счастлив был, когда судья, уточнив все предусмотренные УПК РСФСР вопросы, касающиеся моей личности, установив, что в настоящее время я – «лицо без определенных занятий», что потерпевший явился, а единственный свидетель обвинения – нет, объявила перерыв.

Наконец-то вырвусь из-за ненавистного барьера!

Но едва вскочил со скамьи, конвоир грубо прикрикнул:

- Сидеть!

Растерявшись, повиновался. На счастье, подошел Кисенишский.

- Иосиф, - взмолился, - в чем дело? Я же не арестован!

- Ордер на ваш арест выдан прокуратурой, когда вы еще только летели из Хабаровска в Москву, и, как вы знаете, не аннулирован. Придется, Юрий Борисович, потерпеть. – И успокоил: - Я вами доволен.

А конвоир, поиграв прицепленными к брючному ремню наручниками, видимо, размышляя, не защелкнуть ли их на моих запястьях, приказал:

- Подсудимый, встать! Руки за спину!

И «преступника Шерлинга» на время перерыва повели под охраной в «отстойник» в конце коридора. Сначала в сортир, очень кстати. Затем впахнули в тесную, полутемную, провонявшую хлоркой камеру, откуда полчасика спустя, - под конвоем, руки за спину – обратно в зал.

В памяти вторая половина этого судебного действия окутана густым туманом. Что-то невнятное бормотал явившийся в суд при полной милицейской форме «потерпевший» Дугинов... Что-то обличительное вещал прокурор и страстно возражал ему Кисенишский... Не слушал

их. Не слышал. Страшная апатия ко всему происходящему охватила меня. Перестал воспринимать себя главным героем разыгрываемого спектакля. Отключился.

Разве я первый?.. Бродский... Синявский... Даниэль... Перед мысленным взором вдруг замелькали документальные кинокадры, запечатлевшие ужасы еврейских гетто. Вереницы смиренно склонивших головы евреев, покорно бредущих в печи Майданека и Освенцима, в могильные ямы Бабьего яра.

Сейчас в гетто я. Сражен. Обречен. Протестовать? Бороться? Приблизить свой моральный, а следом и неизбежный физический конец? Или выжить? Выжить! Нет, не смиреньем, не покорностью! Молчаливым презрением, полным игнорированием «спектакля», будто меня он и не касается. И я снова заговорил с Богом. Но снова языком, недозволенным простому смертному. Роптал. Требовал ответа: за что? За что Он отдает меня на закляние тем, кто стремится отнять у меня самое святое – право на творчество? Мою суть? За что? Столько страданий, невзгод?! Посмел протянуть руку над логовом аспиды, и потому обречен быть укушенным им?

Ответом мне был раздраженный окрик судьи:

- Подсудимый! Вам предоставляется последнее слово.

Последнего слова к мирскому суду у меня не было. Только к Богу. О справедливости.

Судья настойчиво требовала свое. И, напрочь забыв об осторожности, я – Артист, я - Шут Его Величества двадцатого века, ответил Шуту официальному:

- Одному только Разуму, как мудрому попечителю, должно верить свою жизнь...

- Вы что-то сказали? – зло переспросила судья, явно не поняв.

- Это не я сказал, - Пифагор, был такой древний мыслитель. – пояснил с нарочитым спокойствием.

И судьи, не позволив себе улыбнуться, удалились в совещательную комнату для вынесения приговора.

- Прокурор убыл, и это, поверьте моему опыту, хороший знак, - успокоил меня Иосиф. - Прошу вас об одном: в коридоре, на улице у здания суда немало корреспондентов. Вы же знаете, как они падки на сенсации, а то, что от их экзерсисов может пострадать человек, в данном случае вы, им наплевать. Работа такая. Не попадитесь им на удочку и не подпускайте к себе. За прокурором остается право кассировать приговор «за мягкостью наказания» - и чем это кончится...

- Встать! Суд идет!

И судьи вновь поднялись на подиум.

Судья читала приговор, а я снова отключился. Перестал слышать или не стал слушать. А через давно не мытые окна в зал вдруг проник сквозь толщу январских облаков яркий солнечный лучик. Больно ударив меня по глазам, растворился. Так было на Хабаровском «партийном судилище». Лучик и тогда исчез в мгновение; вместе с ним навсегда исчезла моя способность гармонизировать музыку.

Какая еще беда подстерегает меня? Чего лишусь на этот раз?..

Очнулся от негромкого бряцанья наручников, которые конвоир с нескрываемым вождением уже нацеливался защелкнуть на моих запястьях.

Не вышло!

Суд приговорил меня к одному году исправительно-трудовых работ по месту службы с удержанием двадцати пяти процентов зарплаты в пользу государства.

Да, милостиво не загнали «за Можай», но выдали «волчий билет» – такую «путевочку в жизнь», с которой ни один советский театрик и близко к себе не подпустит.

ПУСТОТА

- Вы намерены кассировать приговор? – спросил Кисенишский, когда мы вышли из суда. – Не рекомендую. Сунемся с кассационной жалобой, прокурор мгновенноотреагирует протестом и, не сомневайтесь, выиграет.

- Нет, нет! – воскликнул я, реально представив себе вторичную судебную процедуру с запрограммированным негативным финалом. – Никаких кассаций!

- Тогда простимся, Юрий Борисович, и дай вам Бог счастья!

- Простимся?.. – С удивлением посмотрел на Иосифа: я-то думал, мы подружились, будем общаться и впредь.

- Мы с братом и семьями уезжаем, - поспешил объяснить он, очевидно, поняв мое недоумение.

- Но куда? ! Зачем? Вы здесь так знамениты...

Иосиф не дал договорить:

- Не хотим, чтобы наши дети жили в этой стране, чтобы они повторяли пути, через который прошли мы. Советую и вам, как только закончится ваш «год по двадцать пять» и вы станете «выездным», не задерживаясь, последовать нашему примеру.

- Нет! – ответил я категорически. – Останусь. И буду бороться!

- С кем, Юра? – Иосиф впервые назвал меня по имени. – Как? Что в состоянии изменить вы, «борец-одиночка»? Нашуметь?.. Вы уже попробовали однажды. И - чудо! – уцелели, даже остались на свободе. Вас действительно пожалел кто-то всесильный. – Он взял меня под руку, отвел подальше от толпившихся у дверей суда любопытных: - Хотите знать, в чем основная причина вашего проигрыша? В одиночестве. Время

борцов–одиночек кануло в Лету одновременно с выстрелом Фанни Каплан. Сегодня за гражданские права и свободу человека борются профессионально организованные движения, партии. Примкнуть к ним, идти вместе с ними вы, в силу своей натуры, не сможете. К тому же опоздали. Лидеры - сильные, идейные, для которых борьба - профессия, уже определились. Подчиниться им, стать в строй рядовым? Вы, по сути своей, сами лидер, однако, увы, без войска. Послушайтесь совета: забирайте дочку и уезжайте. - Иосиф порывисто обнял меня: - Прощайте, Шерлинг! Жаль расставаться с вами. Но еще больше жаль оставлять вас здесь.

Дома меня ждала пустота. И мертвая тишина. Известие об отъезде Кисенишского усугубила одиночество, я так надеялся, что в моей жизни появился наконец-то верный друг.

Один... Молчит телефон... Молчит дверной звонок... Не дом, а вакуум: втокнули и заперли наглухо. Ни мамы, ни Эллы, ни Тани Карасик..., Почему же я вспомнил сейчас именно о них? Мама - это понятно. Но Элла?.. Таня?.. С Эллой – Элеонорой Власовой даже по телефону общались изредка, в силу необходимости. Я долго не мог простить ей измены. Но когда, собирая труппу КЕМТа, пригласил ее балетмейстером, мы встретились, забыв обоюдные обиды, как добрые верные друзья. Она перестала быть для меня *женщиной*, а я для нее *мужчиной*...

Но почему вспомнил Таню Карасик?

Эту выпускницу Хабаровского музучилища, миловидную двадцатилетнюю девчонку с фигуркой, вызывавшей вполне конкретные желания не только у меня одного, привел в труппу КЕМТа ее земляк – чиновник из крайисполкома. Неопытная, но

довольно способная актриса, Таня, к тому же, оказалась неглупым человечком, понимавшим с полуслова мои творческие задумки. И как-то словно само собой получалось, что в нужный момент Таня оказывалась рядом. Мы сблизились. Я бы солгал, сказав, что у меня не было к ней чувств, но мысль о женитьбе на Тане не возникала никогда. И это задевало ее, усложняло наши отношения. Наша близость была сродни той, что возникала на фронте между офицерами и медсестрами, врачами, связистками. Неверно считать, что она вызывалась исключительно физиологической потребностью. В сложной, смертельно опасной фронтовой обстановке казалось, что эти отношения и есть сама жизнь. Но когда война закончилась, большинство пар, более не связанные единым обстоятельством, разошлось. Отпала необходимость друг в друге, проявилась их разность. Оказалось, что вместе они могли быть только в окопах. Нашими с Таней «окопами» стал КЕМТ. Вне его стен, вне пределов его проблем и интересов, не видел себя рядом с ней. Это место в моем сердце занимала Тамара Акулова. Ее я действительно любил и на ней женился, едва узнав, что она беременна. Хотя и понимал нашу интеллектуальную несовместимость, преодолеть которую так и не удалось, несмотря на все мои старания.

Таня немало страдала из-за меня, даже покидала театр, но, видимо, не в силах избавиться от своей роковой привязанности ко мне, возвращалась. Привыкнув к преданности молодой женщины, я искренне удивлялся тому, что сейчас, когда она особенно нужна, ее нет рядом, забыв при этом, что Таня вот уже месяца три как в очередной раз ушла из КЕМТа.

...Я метался по пустой квартире, ловил себя на том, что разговариваю вслух, строил планы расправы с недругами,

корил себя за то, что принял совет Кисенишского и отказался от общения с прессой. Но уже в следующий момент понимал, что Иосиф прав, что кроме сенсационных очков в корзину репортеров мне эта «буря в стакане воды» ничего, помимо новых неприятностей, не сулит.

В момент одного из таких приступов беспомощной ярости перед глазами возник вдруг холеный, с ледяным взглядом помощник Мазурова. Тогда, встретив меня на выходе из кабинета «хозяина», он назвал свой прямой рабочий телефон: «Звоните, не стесняйтесь, если вам понадобится наша экстренная помощь».

И я позвонил. Хотя заранее знал: *там* мне ничем не помогут. Назвавшись, тут же получил в ответ: «Забудьте этот номер телефона» и... короткие гудки. Даже не успел послать чиновника по далекому адресу! А жаль. Уж очень хотелось!

На третий день после суда в дверь неожиданно позвонили. Наконец-то, обо мне вспомнили! Обрадовавшись, пошел открывать. На пороге стоял милиционер, перепоясанный поверх форменной шинели полным набором кожаной амуниции, с планшеткой и кобурой для пистолета на боку. Козырнув, представился:

- Лейтенант Петров, Иван Сергеевич, ваш участковый оперуполномоченный.

Молодой, розовощекий с морозца, он смущенно остановился в дверях, ожидая приглашения, а не ворвался самовольно в квартиру. Видно, парень еще не осатанел на своей собачьей работе. Похоже, недавно из деревни.

- Здравствуйте, лейтенант Петров, - приветливо ответил я. – Заходите.

- Мне бы гражданина Шерлинга, Юрия Борисовича, - проговорил участковый.

- Он самый перед вами, - продолжил я полушутливым тоном.
– Заходите, заходите, лейтенант Петров, что за разговор на пороге.

- Благодарствую. - Лейтенант Петров отыскал глазами на стенке в прихожей гвоздь, повесил на него свою форменную шапку с милицейской кокардой и, приглаживая рукой непокорные вихры русых волос, решился наконец войти в комнату.

Я выдвинул ему навстречу табурет, приглашая сесть, что он и сделал, с недоумением оглядывая мою пустую холостяцкую обитель. Сам же я присел на край своей не застланной кровати.

Раскрыв планшет, участковый достал из него документ на бланке с сиреневой гербовой печатью, после чего поднялся и, придав лицу и голосу особую официальность, стал читать. Следом поднялся и я, догадавшись, что в такой «торжественный момент» сидеть, да еще на постели, не след. И узнал, что:

1. Народный суд добавил к моему званию «заслуженного деятеля искусств РСФСР» два новых – «осужденный» (с ударением на «у») и «поднадзорный»;

2. «... вышеназванный Шерлинг Ю. Б., именуемый далее «осужденный», поступает под надзор участкового оперуполномоченного лейтенанта Петрова И.С., у которого еженедельно обязан удостоверить свое местонахождение в г. Москве, откуда дорога ему заказана вплоть до окончания срока действия приговора;

3. В течение месяца со дня вручения настоящего постановления «осужденный» обязан устроиться на работу и сообщить ее адрес судебному исполнителю, а он направит

туда исполнительный лист для взыскания в течение одного года двадцати пяти процентов от зарплаты в пользу нашего обнищавшего государства.

4. В случае неустройства «осужденного» на работу в указанный срок, оперуполномоченному предоставляется право определить ее в соответствии с действующими правилами.

Зачитав «документ» и объявив фамилии и должности его подписантов, лейтенант отер большим деревенским носовым платком вспотевший от напряжения лоб и предложил мне расписаться в получении копии. Я послушно выполнил просьбу «представителя власти», с любопытством разглядывая, как на лице еще не испорченного деревенского парня зарождается холодное жесткое выражение, присущее советскому чиновнику, получившему власть над себе подобными.

...Как это сказал милиционер: в течение месяца устроиться на работу? Иначе он сам найдет мне ее? Но где взять эту треклятую работу?

Много ли найдется в Москве таких «асоциальных шерлингов», принимающих на работу отверженных?.. Зачем искать, ждать? Послать всех к чертям собачьим, и пусть лейтенант сам назовет мне мою будущую работу.

Лейтенант Петров так и замер от удивления, когда я обратился к нему с эдакой просьбой:

- Не советую, Юрий Борисович, - выдавил он из себя, наконец.
– Вы такой знаменитый, известный в Москве человек. Соседи с третьего этажа рассказывали. Да вас любой театр... -
Лейтенант Петров нахлобучил свою милицейскую шапку и ушел, не простившись, всем своим видом давая понять, что я, в лучшем случае, наивный дурак.

Несколько позже узнал, чем было вызвано недоумение лейтенанта: таких осужденных и безработных, как я, направляли для отбытия наказания разнорабочими на вредные химические объекты.

Гл.8-я

СКИТАНИЯ

Плохим предсказателем оказался лейтенант Петров: с «криминальным элементом» Шерлингом не пожелал связываться ни один театр. «Я бы с радостью, но...» - опускал долу взор худрук одного из них, частенько докучавший мне на Таганке. «Юр, ты же умный мужик, кто посмеет ослушаться приказа Меленьтева?», - объяснял свой отказ другой. А приказ этот, хотя и устный, как я уже знал, гласил: не брать на работу Шерлинга в московские театры. Разве министр Мелентьев упустил бы возможность расквитаться со мной за непочтительное отношение к нему в течение всех семи лет работы под его официальным началом? Выехать же за пределы Москвы я, «осужденный», права не имел.

- Послушай, Шерлинг, - посоветовал один из моих министерских приятелей, частенько посещавших сауну на Таганке, - перестал бы ты мозолить глаза московским чиновникам своей жидовской бородой и «волчьим билетом»! Маханул бы на Север. Там такие, как ты, позарез, - и в подтверждение полоснул себя по горлу ребром ладони.

- Для полного счастья только Севера мне не хватает! - усмехнулся я и добавил: - Сапог меховых нет.

- Скинемся, купим, - не понял шутки приятель.

- Взял бы меня билетером, - предложил я худруку одного московского театра, постоянно игравшего при полупустых залах, - гарантирую аншлаг на спектаклях. Пол-Москвы сбежится посмотреть на Шерлинга в новой роли, заодно и на твои спектакли.

Не взял. Побоялся. А другой не взял даже осветителем или рабочим сцены.

От ворот поворот получил и в Москонцерте, где меня ранее встречали с распростертыми объятиями: одного моего номера в программе концерта хватало, чтобы собрать полный зал. Но выпустить на эстраду «уголовника»?! И я понял, что «культурная нива» для меня полностью перекрыта неодолимым министерским шлакбаумом, что работу надо искать подальше от Минкультуры. Но где? Что еще умею, помимо режиссуры, актерства, хореографии, балетмейстерства? Мог бы тапером, да нет их больше в кинотеатрах. И вдруг меня осенило. Эврика! К черту театр, к черту «культурную ниву»! Я же могу профессионально разобрать и заново собрать автомобиль любой марки, установить причину его неисправности и устранить ее. Не раздумывая, помчался в автомастерскую, где годами «лечил» свои машины. Никаких фирменных автосервисов тогда не существовало.

- Взял бы тебя мастером хоть сейчас, будь у тебя хоть справочка о профессиональном обучении, а то: артист и - авторемонтник, - охладил мой пыл начальник мастерской, славный мужик, которого знал много лет. И вдруг испытующе посмотрел на меня: - В Америку или в Израиль?

- Куда? Зачем? – удивился я.

- Ты «подавант» или уже «уезжант»? Говори, не продам.

С трудом догадался, в чем меня заподозрили:

- Обычный уголовник: «год по двадцать пять».

- Тем хуже, - покачал он головой, сокрушаясь, - начнут копать, зачем да почему взял не по профилю. Всем им видится взятка, которой с ними не поделились.

И здесь осечка. Вот уж не ожидал. Выходит, прав генерал Бобков, нарекая меня «асоциальным типом». Оказывается, действительно не знаю «социума», в котором живу.

А дни, отпущенные мне лейтенантом Петровым на поиски работы, стремительно бежали.

В дворники, что ли, податься? Но, понаблюдав с полчаса за ловкими, отработанными годами движениями нашего дворника, очищавшего тротуар от снега, из которого он сооружал аккуратные сугробы, понял, что такого волшебства мне, простому смертному, не достичь.

Мимо пробежала девушка-почтальонша. Вспомнились стихи Маршака, которые читал дочке Анечке: «...У него сегодня много/ писем в сумке на боку,/ из Тамбова, Таганрога, из Одессы и Баку...».

А что, если и мне? Знай, разноси почту по квартирам, с людьми разными общайся – не так уж и плохо.

И направился на почту.

- Вы, гражданин, давно смотрелись в зеркало? – неожиданным вопросом встретил меня начальник, пожилой мужчина с голым черепом. – На стенке, слева от вас, зеркало, полюбуйте.

«Полюбовался». И ахнул: в зеркале на меня смотрел заросший черной щетиной старый бородатый еврей с одутловатым лицом и воспаленными бессонницей глазами.

- Наши почтальоны разносят пенсионерам их пенсии, - продолжал почтарь. – Представьте, откроет старушка дверь, а

перед ней такой вот сатана. Перекрестится бедная, да и в обморок. Помимо того, нам нужны гарантии честности и порядочности почтальона, может вы, простите за подозрение, уголовный элемент?

«Элемент... элемент...», - пробормотал я его последние слова и, не прощаясь, вышел из кабинета. В дверях почтарь вдруг остановил меня:

- Ваше лицо мне кажется знакомым... Не мог ли видеть вас на театральной афише, которая...

Окончания фразы уже не слышал.

Последняя попытка найти работу в большом, неподалеку от дома, продовольственном магазине. Возле него грузчики снимали с машины и сносили в подвал мешки и ящики с продуктами. Подошел к бригадиру, предложил свои услуги. Критически осмотрев мою канадскую дубленку, дорогую меховую шапку, заросшее бородой лицо, тот брезгливо бросил:

- Просохни сначала, алкаш!

Вечером пришел Алеша Аржанов. Накануне он вместе с КЕМТом приехал с гастролей в Тбилиси. Рассказал, что после моего увольнения в театр вернулись некоторые артисты. Вернулась и Таня Карасик, у нее теперь бурный роман с Валерием Гориным.

Молодец, Танечка! Нашла-таки возможность отомстить мне! С моим лютым недругом. Вот тебе и любовь до гроба!

- И как прошли гастроли? – поинтересовался я. Тбилисцы всегда встречали нас с особым радушием, в театр шли как на большой праздник.

В ответ Аржанов неожиданно расхохотался:

- Что было, Юрий Борисович! .. Что было!.. – И, посерьезнев, рассказал: - Играли в филармонии, зал, как обычно, битком. В

первый день – «Тевье». Вроде бы все так, да что-то не так, не ладится. И ребята – в филармонии-то меня многие знают – спрашивают, что это, мол, с вашим театром? Какой-то он не такой. А где ваш Шерлинг? – спохватились.

- А ты?

- Молчу. – Алексей нахмурился.

- Но на афише-то нет моего имени...

- Кто на нее смотрит? Приехал КЕМТ Юрия Шерлинга – и весь сказ. А в финале – скиния не горит, лестницу, по которой евреи, спасаясь от погрома, как бы поднимаются за помощью к Богу, выбросили и взамен этого, они, пританцовывая обращаются за помощью к зрителю. А у того ни слезинки; у театра – ни единой «скорой», как бывало. И все удивляются: что это стряслось с Шерлингом? Заставили?.. Заболел головкой?..

Сколько же еще времени эти бездари будут кормить зрителя дерьмом, прикрываясь моим именем?!

- Хватит, Алексей, давай о другом...

Но его было не остановить:

- Нет, послушайте, что было дальше! На второй вечер давали «Ломир». Зрители ждали, когда вы в роли Белого цадика выскочите на сцену и начнется ваш вихревой танец. А Цадика все нет и нет. И зал стал скандировать: «Шерлинга! Шерлинга!». А где его взять, Шерлинга? На сцену вышел Глуз. Спел свою «коронную» английскую песню – не помогло. Спел «Аидише мамэ» - безрезультатно. Зрители требовали Шерлинга. И директору филармонии Дориану Кития пришлось рассказать, что вы в КЕМТе больше не работаете. Уволены. «О чем мы сожалеем», - добавил он от себя.

Если б вы Юрий Борисович, слышали, каким свистом встретили это известие зрители! А на следующий день спектакль

играли в полупустом зале. Кития просил меня передать вам, что ваш портрет висит, и всегда будет висеть, в кабинете Грузинской филармонии, кто бы ни возглавлял ее.

Нет, я не злорадствовал. Слезы сами собой текли из моих глаз: рассказ Аржанова был рассказом о начале гибели моего детища, рождению, воспитанию и становлению которого я отдал столько сил, творческой энергии и дарованных мне Господом способностей – мой удел, мой рок, мое Знамение, которое никто так и не подхватил из моих рук.

- Но и это еще не все, - негромко продолжал Аржанов. – Не успели мы вернуться из Тбилиси, как по приказу Глуза во дворе КЕМТа учинили торжественное аутодафе всех афиш, буклетов КЕМТа, где упоминалось ваше имя; всех фотографий, фото и видеопленок, на которых запечатлен хотя бы единый волосок вашей бороды.

Счастье, что прилетев из Хабаровска, я успел-таки опередить Глуза и вынес из своего бывшего кабинета личный архив.

Алексей ушел далеко за полночь. Выключив в комнате свет, я подошел к окну, за которым лежала непроглядная ночь, и, впившись в подоконник ногтями, пытался сдержать нараставший в душе гнев.

Кто они такие – все эти мелентьевы, горины и иже с ними? Сдохнут, - никто и не вспомнит..

Как могло случиться, что я сник перед этими мелкотравчатыми, вместо того, чтобы сопротивляться всеми силами и показать им их истинное место? Да, страх перед будущим поразил ржой гены моего несчастного народа. Но я никогда не боялся трудностей. Как же посмел оскорбить свою

суть, свою гордость, свое Я? Словно бомж, поплелся выпрашивать для себя работу грузчика, почтальона, ремонтника, билетера... Это я-то, Шерлинг?

Не упрекайте меня в амбициозности, хотя я ей не чужд: считаю себя ответственным перед Богом за щедрый дар творческих способностей, ниспосланных Им мне.

Пусть сошлют к белым медведям, сгноят на химическом производстве, - держать ответ перед Историей предстоит тем, кто пытается уничтожить меня, ибо КЕМТ, каким его создал я, есть и останется навсегда частицей истории народа еврейского.

Гл.9,10

А ГДЕ ТВОИ БАРАБАНЫ?

Парикмахеру пришлось немало потрудиться, чтобы придать человеческий вид моей сатанинской внешности. Теперь в зеркале на меня смотрел длинноволосый Троцкий с грустными глазами и запавшими щеками, которому очень хотелось выглядеть независимым.

Вернувшись домой, еще на лестничной площадке услышал телефонный звонок. Сейчас это было редкостью, и я скорее из любопытства поспешно отпер дверь и схватил трубку.

- Здравствуйте, Юрий Борисович! – прозвучало в трубке женское контральто, и я мгновенно узнал секретаря Андрея Гончарова.

- Здравствуйте, милая Нина Дмитриевна!

- Не забыли? – улыбнулось на том конце провода контральто.

- Вовек! – поклялся я.

И контральто сообщило:

- С вами хочет поговорить Андрей Александрович.

Гончаров?!

Не успел произнести в ответ ни слова, как в трубке зарокотал гончаровский бас:

- Узнал, Юрий Борисович, у вас образовалось свободное время. Не хотите ли снова поработать в вашем любимом театре Маяковского?

Не грузчиком в магазине, не письмоноосцем на почте, не ремонтником в автомастерской, - в театре «Маяковского»!

- Спасибо, Андрей Александрович, - с трудом выдавил из себя.

- И ладненько. Приезжайте прямо сейчас.

Застегнув пуговицу тугого воротничка белой в полоску сорочки, привычным движением, за отсутствием зеркала, по памяти повязал галстук в тон синему английскому костюму, который отлично сидел на мне – ничто в моем облике не должно вызывать жалости или сочувствия: успешные люди не любят «падших курочек». Вскоре мой серебристый лимузин уже притормаживал у служебного входа «Маяковки».

Протянул, было, руку за ключом зажигания, как вдруг, словно наяву мне почудился голос Гончарова: «...вашем любимом театре им. Маяковского». О, да, тринадцать лет назад этот театр был моей страстной любовью! Засыпал и просыпался с мыслью о нем. Мне, тогда двадцатишестилетнему студенту ГИТИСа, еще не имевшему ни одной самостоятельной театральной работы, знаменитый Андрей Гончаров доверил постановку спектакля. И не современного спектакля-однодневки типа «Агент 00» Генриха Боровика, а ставшего впоследствии эпохальным для «Маяковки», не сходившего с его сцены более десятка лет первого в СССР мюзикла «Человек из Ламанчи» с Александром Лазаревым,

Евгением Леоновым, Татьяной Дорониной, Натальей Гундаревой в главных ролях. А дома меня ждала великая балерина Элеонора Власова – моя жена. Помнится, ей первой я рассказал о придуманном мною финале спектакля: копьем Дон Кихота, символом добра, благородства и рыцарства – пронзают, словно фаллосом, Альдонсу, и похотливые мужланы тащат ее к своему хозяину, подлезают под безжизненное тело и насилуют.

«Гениально! – воскликнула тогда Элла и добавила озабоченно: - Но боюсь за тебя, Юра, это на грани безумного бреда!». Она была права: я бредил спектаклем, каждой мизансценой, ролью. Я – творил! А подлинное творчество всегда на грани безумия.

Счастливейшее время моей жизни!

Так было...

Но после премьеры «Человека из Ламанчи», состоявшейся 14 июня 1972 года, я демонстративно покинул «Маяковку», узнав, что на афише спектакля режиссером-постановщиком Гончаров указал себя, удостоив меня лишь роли балетмейстера.

За минувшие годы не ступал в театр ни ногой, не интересовался его жизнью. Слышал, труппу, не выдержав деспотизма и самодурства Гончарова, покинули некоторые ведущие артисты. После скандала, учиненного Гончаровым Евгению Леонову за то, что он снялся ТВ-рекламе о рыбе нататении, тот ушел - и сразу же расклеились и «Человек из Ламанчи», и «Дети Ванюшина».

Это сейчас в порядке вещей, когда народная артистка СССР, примадонна Малого театра Элина Быстрицкая в театральном костюме 19-го века рекламирует крем «Софья с пчелиным ядом». Тогда же, в семидесятые, участие в рекламе артиста драматического театра воспринималось едва ли ни как

предательство актерского сотоварищества. Гончаров, никогда ранее не осмеливавшийся поднять голос на Евгения Леонова, зная, что нередко зритель идет в театр на «Леонова», в этот раз не сдержался. Вот как об этом вспоминает сам Андрей Александрович:

«...На экране появилась реклама рыбы нататении, которую обаятельно покупал любимец публики Евгений Леонов. Я взорвался, собрал труппу и произнес речь, которую по отношению к самому себе никогда бы никому не простил. Дескать, костлявая рука голода совсем задушила Евгения Павловича. Скинемся, что ли, пустим шапку по кругу, чтобы артист не пробавлялся нататенией. Конечно, Женя этого не простил. Мы расстались, он ушел в театр к Марку Захарову, который принял его с распростертыми объятиями»*.

Из «Маяковки» при Гончарове ушли один за другим доставшиеся ему от Охлопкова, как богатейшее наследство: Евгений Самойлов, Вера Орлова, Борис Толмазов, Эдуард Марцевич, Анатолий Ромашин, трагедийная героиня - любимица Охлопкова Евгения Козырева, перешел в театр им. Пушкина Валентин Козлов, «Маяковку» покинул, проработав в ней 23 года, Евгений Лазарев – замечательный актер, режиссер, педагог. Гончаров ценил талантливых артистов, но - парадокс! – стоило ему подглядеть в характере любого из них неспособность постоять за себя, дать отпор, - начинал его тиранить, унижать, уничтожать. Как было это, например, со Светланой Немоляевой, замечательной актрисой, добрым, искренним, легко ранимым человеком. Почувяв это своим сатанинским нюхом, Гончаров, образно выражаясь, просто вытирал о Немоляеву ноги. Случалось, рабочие сцены отпаивали Светлану валерьянкой.

Одна из глубинных причин, осложнивших отношения Гончарова с труппой, заключалась в том, что Учитель, Мэтр никогда не был ее Отцом. Гончаров видел в артисте не человека, а наделенную импонирующими ему внешними и творческими данными особь, способную воплотить в конкретной роли задуманный им сценический образ. Его никогда не интересовало, как и чем живут его «маяковцы». Правильно ли делаю, соглашаясь сейчас на предложение Гончарова? В какой роли иду к нему? Самостоятельной он, естественно, не даст. В услужение? На эту роль не годился и в молодости. Не гожусь, тем более, сейчас, став зрелым режиссером. Отдаться в руки

* «Евгений Леонов, Жизнь и роли» М. Искусство. 1995

лейтенанта Петрова? Но сохранить себя, свое достоинство? Не брошу его под ноги никому, даже Андрею Гончарову, которого продолжаю чтить как Учителя.

Я во многом не соглашался с Гончаровым. Но основы его школы: «о человеке, через человека, для человека», о «существовании артиста в предлагаемых ролью обстоятельствах», когда следует играть «не что», а «о чем», о «распластанных стриптизом душе и сердце артиста» - стали постулатами любой моей режиссерской работы...

Идти или не идти?...

... Тринадцать лет – вот расстояние между последней встречей с Мастером. За это время наши творческие и жизненные пути ни разу не пересеклись.

И вот я переступаю порог его кабинета. Андрей Александрович ничуть не изменился, разве что немного погрузнел. В ответ на мое сдержанное приветствие, так же

ответил и мне, позволив себе лишь мгновенный оценивающий взгляд. И ...

- Зайдите в отдел кадров, - сказал как бы между прочим, будто мы расстались только вчера, - и приступайте к работе.

Какой работе? Кем?

Напрасно злюсь. К тому, что случилось со мной, Мэтр не имеет никакого отношения. Наоборот, подставил мне свое могучее плечо. Только он, поистине титан современного искусства, мог позволить себе в то время наплевать на приказы и распоряжения властимущих и пригласить меня, опального, в свой театр.

...В отделе кадров узнал, что зачислен на штатную должность балетмейстера театра с ежемесячным окладом 80 рублей, 25 процентов которых, то есть 20 рублей, надлежало по исполнительному листу Нарсуда перечислять в доход государства. На оставшиеся 60 рублей предстояло жить самому, содержать Анечку и мою «Вольво»; расстаться с этим «участником» моей прежней жизни не мог.

Неожиданно над головой затрещал, зашипел динамик театральной радиосети, и мужской, бесстрастный голос проговорил:

- Андрей Александрович просит Юрия Борисовича Шерлинга в репетиционный зал.

Гончаров, когда я вошел, сидел за режиссерским пультом.

- Мы готовим два спектакля, - сказал он мне, приглашая сесть рядом, - «Закат» по Бабелю и «Театр времен Нерона и Сенеки» Эдварда Радзинского. Сегодня «Театр». Поехали! - приказал он.

И на сцену из-за кулис вышли Армен Джигарханян, Николай Волков, Надежда Бутырцева.

Более трех лет репетировал Гончаров вторую часть дилогии Эдварда Радзинского - «Театр времен Нерона и Сенеки». Все, как он говаривал, «складывалось неплохо». Неподражаем был в роли Нерона Джигарханян, талантливо создавали образы Сенеки Николай Волков и его дублер, приглашенный из Киева Александр Парра. Безукоризненно играли все занятые в спектакле артисты, а Гончаров все искал-искал и не находил ответа, почему спектакль так далек от творческого замысла?

Вот и тогда, в первый день моего возвращения в «Маяковку», он, усадив меня рядом и глядя на мастерски разыгрываемую мизансцену, твердил, выражая недовольство, свое привычное в таких случаях «не туда, не туда...»

Внезапно сорвался с места, вихрем влетел на сцену, набросился на одного, другого артиста, стал показывать Волкову и Бутырцевой, как надо играть. К Джигарханяну же не подошел. Понимал: Армен в режиссере не нуждается. Такие артисты сами себе режиссеры, советовать им – значит, вредить.

Нашумев, накричавшись, оскорбив и походя унизив попавших ему под руку артистов, Гончаров объявил перерыв и вернулся за пульт. Какое-то время не обращал на меня внимания. Неожиданно спросил требовательно:

- Что ж вы молчите, Юрий Борисович?

Я медлил с ответом. Не потому, что опасался, сказав правду, навлечь на себя гнев Гончарова. Просто я был уже не тот Шерлинг, который когда-то ринулся без оглядки в наступление на именитого режиссера, профессора ГИТИСа и своего учителя, раскрывая ему его ошибки в постановке «Человека из Ламанчи». Время, события, неудачи, переживания сделали меня осмотрительнее, мудрее. Не хотелось, высказав правду, а неправду он мгновенно поймет, обидеть Учителя, несмотря на ту

легкость, с которой он сам незаслуженно обижал других. А сказать ему должен был бы вот что:

«Учитель, вы блестящий аналитик. Петелька за петелькой, ниточка за ниточкой, вы точно вытягиваете главную идею произведения. Но в спектакль надо закладывать не только «что?», «зачем?», «почему?», «для чего?», но и точно определить средства, которыми все это можно выразить. Иначе все происходящее на сцене не попадет в воспаленную зону зрительского сознания. А если зритель не вынесет из театра состоявшиеся с ним в этот момент потрясения, значит, как вы сами учите, все усилия режиссера и актера впустую. Чтобы умело воспалить «зону зрительского сознания», и посланные в нее со сцены артистом стрелы своей гражданской ответственности, творческого темперамента, пасторского социального воздействия попали в цель, для этого необходимо умение режиссера работать со всеми выразительными средствами, тщательно выделяя среди них главные. Чтобы эти главные средства в каждый момент своей реализации давали наилучший результат. Вы же все выразительные средства сваливаете в кучу, что, беру на себя смелость утверждать, делает вас плохим постановщиком».

Но как сказать *такое* Учителю?!

Видимо, удивленный моим молчанием, Гончаров спросил нетерпеливо:

- И что?! Что?! Собираетесь прочесть мне лекцию, как некогда о «Человеке из Ламанчи?» - и заключил категорически: - У меня нет на это времени!

- О, нет, Андрей Александрович, - добродушно усмехнулся я. – Подобное уже перерос...

- Тогда что, что?! Говорите же?!

И я сказал:

- В спектакле вы строите серьезный театр. В этом ошибка. Надо строить фарс. Чтобы актеры играли серьезную пьесу через призму сарказма. В клоунаде играть серьезно, играть патетику, переходящую в клоунаду. Прислушайтесь, как иронический, ернический текст Радзинского сопротивляется вашей фундаментально-ортодоксальной постановке. На сцене два театра: тирана-безумца Нерона и философа Сенеки. А вы играете эти абсолютно разные театры одним цветом, одними и теми же выразительными средствами, к тому же ортодоксальными.

- Помешались вы на своих выразительных средствах, - сердито пробурчал Гончаров. А я, сделав вид, что не расслышал реплики, продолжал:

- Вы гениально осовремениваете спектакль, но *что и как* играют артисты? Например, мать Нерона в сцене, которую нам сейчас показали. Нерон, в данном случае сексуальный маньяк, готов переспать даже с матерью. И она не прочь, привлекает сына. Но вопрос *как*? Жеманится перед ним, как уличная девка девятнадцатого века. А если, например, посадить мать Нерона на бочку, чтобы актриса обхватила ее ногами, а сбившиеся вверх юбки обнажили ноги вплоть до гениталий? Тогда...

Гончаров снова перебил меня. Произнес через силу, словно сдаваясь:

- Ступайте на сцену, Юрий Борисович. Делайте, что хотите. А мы посмотрим. Но предупреждаю, никаких фаллосов, из-за них я едва не потерял Доронину.

Он намекал на роль Альдонсы в «Человеке из Ламанчи», финал которого так стремилась трансформировать пришедшая в «Маяковку» месяца за полтора до премьеры Татьяна Доронина. «Фаллос» в этом спектакле не потребовался. Но бочку, как

изобразительное средство, сохранить удалось. И оно работало на славу.

Вспоминая о работе над спектаклем «Театр времен Нерона и Сенеки», Радзинский пишет:

«Он (Гончаров) строил некие куклы: кукла тирана, кукла философа – две куклы. А с другой, он ставил пьесу о двух театрах. Есть театр Мейерхольда, который воплощает Нерон, есть театр Станиславского – это Сенека. Нерон невероятно быстрый, Сенека же все время увлекает его в монологи. Нерону это неинтересно, потому что он ставит пьесу о жизни. Сенека же всё хочет вернуть всерьез.

Думаю, что ему (Гончарову) нужны были немножко другие актеры. Там, кроме В. Ильина, человека как бы с клоунской пластикой, он имел дело с артистами очень реалистичного театра, слишком даже. Артистами, которым при всем их масштабе эти мгновенные перебросы очень трудно делать. Мне так кажется. И он это чувствовал.

Он взял Шерлинга, который должен был ставить пантомиму. И Шерлинг ее поставил. И артисты, которые в ней участвовали, заканчивая пантомиму, начинали играть серьезную пьесу. А Гончаров – то, что я видел на сцене, - показывая им, все время играл в театр. Он из плоскости театра не уходил. Это было как бы всерьез, и все время издевательство»*.

Гончаров ушел, а я поднялся на сцену «делать, что хочу». Артисты, среди которых были работавшие со мной в начале семидесятых, видимо, надеялись, что и в «Нерона», как когда-то в «Человека из Ламанчи», я вдохну новую жизнь, и сдвинутся с места бесконечные репетиции, порядком надоевшие за три с лишнем года.

Кто-то из артистов, слышавший мой разговор с Гончаровым, разыскал среди реквизита и выкатил на сцену пустую бочку. Под

дружный хохот мы усадили на нее Надежду Бутырцеву, исполнявшую роль Венеры – матери Нерона. Хорошо, что Надежда Викторовна была в брюках, а не в юбке, иначе чтобы сохранить ее в целости, пришлось бы просто-напросто раздеться и остаться в трусиках.

...Параллельно с «Театром времен Нерона и Сенеки» Гончаров репетировал «Закат» Бабеля. В этом спектакле мне предстояло учить «жить евреями» на сцене Эммануила Виторгана, Нину Тер-Осипян, Романа Мадянова, Николая Волкова и других ведущих актеров «Маяковки». *Кто б еще мог сделать это лучше меня?!* Учить не приходилось лишь Джигарханяна.

*«Неистовый Андрей Гончаров» . «Аст-пресскнига», М. 2003, стр. 151-152

Он и сам отлично знал, *как* следует играть биндюжника-еврея Менделя Крика. Это было predetermined не только его редким талантом, не только глубоким психологическим прочтением пьесы, но и тем, что он всегда знал, во имя чего вышел на сцену и что хочет сказать зрителям.

Я ставил еврейские танцы, подбирал народную музыку, бывшую у меня на слуху. Эмоциональный танец Марусечки «зажег» даже биндюжника Менделя Крика.

Но сам я не «зажигался».

Почему? Где новые хореографии?.. Раздал себя детям-кемтовцам и творчески обнищал? Ничего нового не рождалось в моем словно иссякшем мозгу.

- Где твои барабаны, Юра? – вспомнила Светлана Немоляева мою первую репетицию «Человека из Ламанчи», когда эмоциональным барабанным ритмом я заставил ожить приунывшую труппу.

- Эх, Светочка! – ответил с грустью, - умолкли мои барабаны.

И вправду умолкли.

Угнетало и то, что ежечасно сталкивался с неуважительным отношением к себе театральных чинуш, ведающих распорядком дня. Казалось, они умышленно чинят мне препятствия. Назначаю репетицию, а зал занят; приглашаю на класс артиста, а тот не вызван на занятия... Все это больно било по самолюбию. Не говоря уже об истериках Гончарова при каждой моей попытке изменить пластику или стилистику артиста, мизансцены. Правда, после очередной порции криков и оскорблений, Гончаров, как правило, сдавался и соглашался со мной. Но все это требует столько душевных сил, столько самообладания, что меня начинает тошнить при одном слове «театр».

И в тот момент, когда я вроде бы достиг мастерства в хореографии, у меня стал пропадать интерес к ней.

Ведь здесь как все происходит? Система образов складывается в голове: закрыл глаза - и видишь образ, который персонифицируется с определенным артистом. Реализация же образа связана с его *пластилинообразностью*, способностью дополнять придуманное хореографом. И возникают противоречия между реальными возможностями исполнителя и сложившимся в твоей голове образом. Так было и в КЕМТе, пока туда не пришла балетмейстером Власова, она воплощала в танец мою идею, развивала ее. И актеры КЕМТа выполняли все, что от них требовалось. Не более того. Сплоченный дивизион вымуштрованных мною «рядовых пехотинцев». С талантливыми же актерами «Маяковки» было проще: стоило дать им основной посыл, чуть-чуть подсказать, и они уже сами дорабатывали образ.

Но мне стало не-ин-те-рес-но. Вообще неинтересно в театре «не моем». Я не мог «пахать на дядю». Творить для дяди. Не мог. Не хотел. А ремесленничество – удел не мой. К

тому же детальное знание обратной стороны жизни театра - бытовой, прозаической напроць перечеркнуло бывшее романтическое отношение к нему..

А как я - без театра?

Кто я – вне театра?

Гл.11

«МИЛЛИОНЕР ШЕРЛИНГ»

Безденежье угнетало, я всегда хорошо зарабатывал, даже более чем. Но сбережений никогда не имел. Деньги тратил на любовниц, семью, совершенствование технической базы КЕМТа, считав его своим. Теперь же, чтобы заправить бензином бак «Вольво», приходилось жертвовать обедом. Дальше так продолжаться не могло. И я позвонил старой знакомой – эстрадной певице, которая теперь занималась продюсерством.

- Юр, где тебя носит? – обрадовалась она. – Нужен позарез! Блондиночку привели, ноги от ушей...

- Я на брюнеток переквалифицировался, - мрачно пробурчал в ответ. Женщины любой масти и впрямь сейчас мало интересовали меня.

- Речь не о тебе, Казанова, - рассмеялась «импресарио». – Папашка девицы, толстосум, мечтает видеть свою красавицу эстрадной певицей. Голос у нее, что в ж... волос, но это мы сделаем, «на доске» вытянем. Нужна песня, непременно новая. Гонорар гарантирую.

- Будь сделано! - отрапортовал я, обрадовавшись, но добавил: - Продаю только вместе с авторскими правами.

Дурак что ли, отстегивать государству 25 процентов с гонорара?!

Позже написал для этой певички еще несколько песенок, и она с восторгом их пела, выдавая за собственные. А я с не меньшим восторгом принимал из рук продюсерши гонорары. Недавно слышал мою «исполнительницу» по российскому радио. Даже шальная мысль пришла: оставаясь инкогнито, пополнить ее репертуар двумя-тремя песенками в благодарность за те гонорары, которые когда-то спасали меня от нищеты. Помнится, как счастлив был, получив первый. Копейки по сравнению с тем, что зарабатывал еще недавно, они казались целым состоянием. Половину тут же отослал родителям Тамары, у них в тот момент находилась моя Анечка. Заниматься воспитанием дочки Тамаре было недосуг, ее неистребимо влекла киноактерская стезя.

...С подачи моего ангела-спасителя продюсерши я продал еще какие-то песни вместе с авторскими правами на них, что увеличивало их стоимость, поставил несколько балетных эстрадных номеров. И так расправил плечи, что сумел обзавестись сковородой, на которой, правда не без труда, научился жарить яичницу, и кастрюлькой, чтобы сосиски варить, а не есть их сырыми. А однажды вечером даже позволил себе зайти в ресторан ВТО на Пушкинской, завсегдатаем которого был много лет, посмотреть, как встретят меня «постоянно аккредитованные» там.

Метрдотель проводил за столик, официанты, памятуя о щедрых чаевых, улыбались. Но из «аккредитованных» не подошел никто, даже издали не «сделал мне ручкой». Казалось, едва завидев меня, старались незаметно обойти стороной. В нашем театральном мирке избегают общения с

утратившими свое «руководящее кресло» и ставшими «ником». А я к тому же «уголовник», носы милиционерам откусываю. Социально опасен. Так, в одиночестве, просидел с полчаса, делая вид, что занят едой и никого вокруг не замечаю, когда в зал вошел и нетвердым шагом направился прямо ко мне Игорь Ицков. Об этом талантливом, но преданном забвению человеке хотелось бы рассказать подробнее. Но даже в Интернете нашел о нем всего несколько слов: лауреат Ленинской премии, сценарист. А ведь именно он - автор неповторимой, монументальной кино-эпопеи «Великая Отечественная».

Беда этого незаурядного человека заключалась в том, что он пил по-черному. Вот и в тот вечер уже успел принять «на грудь». Я поднялся навстречу. Ицков по-медвежьи облапил меня, произнося при этом в мой адрес какие-то добрые слова, да так громко, что невольно привлек внимание сидевших неподалеку. Мы расцеловались.

- Паршиво, Юра? – спросил Ицков, усаживаясь за столик и указывая глазами на стоявший передо мной графинчик с водкой, которой обычно предпочитаю хорошее вино. И не дожидаясь ответа, добавил: - И мне паршиво. Все они б... Закажешь? - я знал, Ицков всегда без денег.

- Разумеется. Что на закуску?

- Сукнецо.

Подозвав официанта, заказал графинчик водки, какую-то еду. Ицков «добавил», повеселел, даже рассказал остроумный анекдот. Неожиданно спросил, глядя на меня в упор своими умными, с ироническим прищуром глазами:

- Хочешь, эта падла завтра же приползет к тебе на брюхе?

- Не хочу, - безглаголиво поморщился я.

- А хохмы ради? - он неожиданно рассмеялся, видимо, уже придумал ту самую «хохму».

И на следующий же день по Москве поползли слухи: Ицков, побывав у Юры Шерлинга дома, случайно увидел документ из Инюрколлегии. Шерлинга, оказывается, приглашают срочно явиться по вопросу вступления в наследство, оставленного ему американским дядюшкой. Даже называлась сумма, которая росла по мере распространения слуха и уже достигала восьмидесяти миллионов долларов США.

И у меня дома зазвонил телефон. Звонил и слон, и медведь, и верблюды... И все живо интересовались моим здоровьем, делами, ругали, дабы угодить мне, Мишу Глуза... Как-то странно-испытующе посматривали на меня артисты «Маяковки», беспрепятственно находился зал для моих репетиций. Но никто не посмел спросить меня об «американском наследстве». И только Армену Джигарханяну я признался, что этот блеф – хохма Ицкова. Помнится, как хохотал Армен, узнав об этом.

А возле моего подъезда вновь затопали «серые воротнички», возобновил сопровождение моей «Вольво» знакомый «Москвич». И вскоре позвонил Горин. Аж из Киева, где в тот момент гастролировал КЕМТ. Стоило избавиться от Шерлинга, как театр пригласили на гастроли в этот город, антисемитское руководство которого ранее и слышать о нем не желало.

- Говорят, вы разбогатели, Юрий Борисович?
- Говорят, - односложно ответил я.
- Не секрет, вы уже ввелись в наследство?
- Жду-с.

- Ждете, когда кончится срок вашего наказания и не придется отстегивать нашему государству 25 процентов? Судя по слухам, сумма немалая ...

- Вы на редкость догадливы, - похвалил я Горина.

Видимо, выяснив все, что хотел, Горин простился, пообещав позвонить, как только вернется в Москву.

От души посмеявшись над звонком Горина, я, однако, понял, что «горины», о которых стал, было, забывать, никогда не оставят меня без опеки.

Короче, меня достали. И когда позвонил Ицков и, посмеиваясь, спросил, не скучаю ли, с трудом сдержался, чтобы не послать его куда подальше. Но он опередил меня:

- Будешь в ВТО, отстегни от наследства на двести граммов.

Я действительно вскоре появился в ресторане ВТО. Но не один. С Маритт Кристенсен.

Гл.12

МАРИТТ

Сегодня, садясь к компьютеру, чтобы продолжить работу над этой книгой, и оглядываясь на шестьдесят прожитых лет, понимаю, что моя жизнь - парадоксальное «восхождение вверх по лестнице, ведущей вниз»* С первых моих самостоятельных лет, едва достигал вершины, как злобный кулак обрушивался на меня с такой силой, что сбивал в пропасть и оставлял наедине с проблемой: выбраться, выжить и вновь подняться. Так было при окончании Хореографического училища ГАБТа, во время работы в театре им. Станиславского, после удачных спектаклей в театрах Гончарова и Завадского, так случилось и сейчас, когда после

создания КЕМТа и семилетнего руководства им, я оказался «ником».

А что, может, и вправду организовать новый театр где-нибудь в Нарьян-Маре, на Чукотке, Колыме, как сделал это когда-то в Биробиджане? Но разве встретишь еще раз такого Алексея Черного? Окажешься в такой ситуации, когда твоя задумка совпадет с планами властей предрежащих? И, главное, в Биробиджане я делал театр о своем народе и для своего народа, одержимый идеей его равноправия и свободы, считал себя едва ли ни «главным евреем СССР», новоиспеченным Моисеем, выводившим евреев из рабства, правда, не египетского, а советского, не менее страшного. Я не боялся трудностей. Если ставил перед собой цель, добивался ее. Беда заключалась в том, что теперь *цели не видел*. Устал. Устал смертельно. И когда из Осло позвонил Ганс Штейнфельд, звонка которого еще

* Так назвала свой бестселлер американская писательница Белл Кауфман.

недавно ждал с нетерпением, откликнулся равнодушным «здравствуй». Ганс, видимо, почувствовал это:

- Я только что из Африки. Узнал твою историю, хотел немедленно прилететь в Москву, но советское консульство отказало мне в визе.

- Испугались нашей встречи,- прокомментировал мрачно.

И Ганс негромко спросил:

- Плохо, Юра?

- Плохо, Ганс, - проговорил с трудом.

- В Москву на смену мне вылетает новый собкор Норвежского радио и ТВ Маритт Кристенсен, - сообщил Штейнфельд. – Известный в Европе журналист и, как ты говоришь, «наш

человек». Помочь тебе она сможет больше, чем я. Маритт работала во многих странах, широко известна и уважаема в дипломатических кругах, у нее дипломатический паспорт, не говоря уже о том, что она из королевской семьи.

- Норвежская принцесса? – усмехнулся я.

- Ты поухаживай за ней, Юра, и...

- Вот этого не обещаю! Не до ухаживаний!

Шутка сказать, ухаживать за принцессой! Откуда столько денег?!

Но Ганс успокоил: я, мол, неправильно понял его. И вообще, Маритт не в моем вкусе, полновата. Просто надо поводить ее по музеям, театрам, выставкам...

Показать Москву - пожалуйста. «Вольво» по-прежнему сомной. Но если принцесса запросится в ресторан? Не в какой-то там Мак-дональдс, попасть в который мечтает пол-Москвы, а в «Метрополь», «Интурист», «Москву»... К тому же не знаю норвежского! – ухватился за спасительную соломинку. Увы, она тут же обломилась:

- Маритт свободно говорит по-русски и еще на шестнадцати языках.

- Мне и русского хватит, - пробурчал я.

Видимо, Ганс уловил в моем голосе плохо скрытое напряжение:

- Не беспокойся, старик, Маритт достаточно обеспеченная женщина. К тому же, она европейка, у нас каждый сам платит за себя.

- Но я-то «евроазиат», к тому же еврей, - ответил шутливо, – и ваши европейские «немецкие счета»...

Ничего не оставалось, как в ожидании принцессы приналечь на работу. Что и сделал. Вскоре, кажется, у всех певец

«Москонцерта» обнаружился поэтический и композиторский дар: все они, за редким исключением, запели на концертах, по радио и на ТВ авторские песни. А танцоры стали лихо отплясывать собственной хореографии испанские, бразильские, кубинские, индийские и другие экзотические танцы. С легкой подачи моей «импресарихи» пел и танцевал, кажется, весь «Москонцерт», включая бухгалтеров, счетоводов и дирекцию. Песни и мелодии лились из меня, как из рога изобилия, правда, о их качестве лучше не вспоминать.

О каком «качестве» можно говорить, когда со мной происходил странный и страшный катаклизм.

Рассказывая о «хабаровском судилище», вспоминал, как в кульминационный момент моего «убиения» сквозь затянутое морозными узорами окно вдруг прорвался и ударил мне в глаза ослепительно яркий солнечный луч, миллиардами искр больно раскололся в мозгу. Зажмурившись на мгновение, подумал тогда, что у меня от волнения резко поднялось давление, хотя ранее со мной такого не случалось. Но вскоре все успокоилось, и я забыл об этом странном случае. Вспомнил о нем, лишь когда в пустом репетиционном зале «Маяковки» сел к фортепьяно, которого в то время дома не было. Хотел сыграть мелодию новой песни, сочиненной на продажу. Но мои словно отупевшие пальцы отказывались подчиняться. Я утратил ощущение рояля, не мог гармонизировать мелодию, воспроизвести ее удавалось лишь в трех гармониях. Играть, как ранее, в любой тональности не мог, путал. *А если это закрепится?..* Тогда прощай навсегда, Шерлинг-композитор! Я гнал прочь эту трагическую мысль. Видимо, тогда, в Хабаровске, перенес микроинсульт, не до лечения было.

За что же мне такая жестокая расплата?!

И я упрямо сочинял и сочинял мелодии песен и танцев, надеясь, что вернется ко мне бывшее музыкальное дарование. Время засвидетельствовало тщетность моих надежд.

Представьте себе человека, который до сорока лет жил своей жизнью, своими радостями, желаниями, чувствами, творениями, даже стал «везунчиком». И вдруг его лишили счастья творить. словно человека-амфибию, изъяли из морского простора, затолкали в бочку и ему ничего другого не остается, как умереть. Возможно, и мне было бы правильнее уйти в мир иной. Нет человека, нет и проблемы.

... - Держись, Юра! Мы еще повоюем! - Подбодрил меня Штейнфельд в следующем телефонном разговоре, хотя и понимал, что такие истории, как моя, в иностранных СМИ обсуждаются по горячим следам. Время упущено безвозвратно. Сенсации больше нет.

И я «держался». Хотя душа моя орала, металась, мечтая о счастье с музыкой, в которой рожден, со сценой, зрительным залом, «творением».

Но «держался» не только сам, меня «держали». Во-первых, ежевечерне с 19-ти до 20-ти обязан был докладывать по телефону оперуполномоченному лейтенанту Петрову, что нахожусь в Москве и работаю по-прежнему в «Маяковке». А по пятницам, в тот же час, свидетельствовать свое почтение ему лично в «Опорном пункте». Кто и на что там «опирался», так и не понял. Кажется, милиция на «передовую советскую общественность» (читай: «стукачей»). Но отношение лейтенанта ко мне было столь пиететно, что я подчас заходил просто поболтать с этим неглупым, любознательным парнем, а иногда приносил ему контрамарки на спектакли «Маяковки». Когда же случалось не мог (или не хотел) «свидетельствовать лично»,

Петров, подставляя свою молодую шею под начальственный топор, «свидетельствовал» в специальном журнале заочно.

Как-то вечером, когда я пришел домой после очередного свидания с лейтенантом, зазвонил телефон, и незнакомый женский с хрипотцой (курит!) голос попросил по-русски, но с иностранным акцентом, позвать к телефону господина Шерлинга.

Догадался – Маритт, и отозвался. Передав привет от Ганса Штейнфельда, она пригласила меня навестить ее в доме на Ленинском проспекте, где жили собственные корреспонденты европейских СМИ. КГБ старался поселить их всех в одном доме, чтобы легче присматривать за ними. Здесь я бывал у Штейнфельда. В его бывшей квартире и жила сейчас собкор Норвежского радио и ТВ (NRC) Маритт Кристенсен.

В тот вечер было мне ни до Маритт, ни до других «принцесс». Но оказалось, что на следующее утро она улетает в Осло и не может не повидаться со мной – обещала Штейнфельду. И я нехотя отправился на свидание.

Повертев в руках мой паспорт и удостоверившись, что я действительно приглашен госпожой Кристенсен, секьюрити пропустил меня. Поднялся на лифте, позвонил в знакомую дверь. Мне открыла полная, лет под сорок женщина в черном брючном костюме.

Ее спокойное типично скандинавское лицо, лишенное ярких красок, глаза за стеклами очков озаряла такая добрая улыбка, что и я невольно улыбнулся в ответ. Мы познакомились. И провели вечер в интересной беседе. Воодушевившись, я что-то мудреное рассказывал о театре; Маритт - о странах, где побывала, интересных людях, ситуациях, в которые попадала, да так остроумно, что я хохотал от души. В жизни столько не смеялся! Но ни разу Маритт не спросила о «моей истории».

Не заговаривал о ней и я, предупрежденный в свое время Штейнфельдом, да понимал это и сам, что квартиры иностранных корреспондентов нашпигованы «жучками» - «прослушками».

Время близилось к полуночи, собрался уходить, но Маритт, узнав, что я на машине, попросила поехать с ней по Москве. «Так люблю ее ночную!»

Понял, Маритт хочет поговорить со мной наедине, без участия «вредных насекомых». Но и в машине Маритт не рискнула откровенничать. («Жучок» я-таки обнаружил под брюхом «Вольво», вернувшись домой). Позже узнал, что Маритт закончила какую-то особую разведшколу, постоянная настороженность стала одной из черт ее характера.

Легко вычислив приставленную к нам «наружку», на этот раз белого «Жигуля», посмеявшись над его тщетными усилиями замаскироваться, я ловко оторвался от него, что вызвало прямо-таки детский восторг Маритт. Поколесив по городским улицам, остановил машину неподалеку от Большого Каменного моста. Мы вышли и, прогуливаясь по набережной Москва-реки, заговорили о «моей истории».

Внимательно выслушав ее, Маритт пообещала обо всем рассказать Штейнфельду, вместе с ним подумать, как и чем мне помочь, и сказала, что позвонит мне, едва вернется в Москву, приблизительно дней через десять.

На следующее же утро объявился Горин.

Бросив короткое «здравствуйте», с ходу приступил к делу.

- Мы, - это «мы» означало, что он говорит со мной «по повелению свыше», - надеялись, что вы навсегда запомните *ту* беседу в гостинице «Москва» и все это время были довольны вами. Сейчас же вы позволили себе непростительную глупость.

- «Глупость?» - сделал вид, что не понимаю его. - Живу тише воды, ниже травы.

- Жили, - уточнил Гори. - Но теперь... Скажите, зачем вам понадобилась эта Кристенсен? Вы хотя бы знаете, кто она?

- Собкор НРК. Умная, милая дама,- я строил из себя простофилю. – Чем она вам помешала?

- Ваша Кристенсен не только иностранный корреспондент, но и весьма значимая особа, нежелательный кандидат в ваши подружки.

- Но вам-то что? – возмутился я.- Середина 85-го, генсеком Горбачев – уже не те времена, когда *вы* сажали «за связь» с иностранцами!

- Хотелось, чтобы вы поняли без дальних объяснений: все не так легко и просто, как вы себе представляете, - парировал Горин мрачно: - Срок вашего наказания может быть *запросто* продлен, но может быть и сокращен. Во многом это зависит от вас самого. А потому, не будете ли вы, Юрий Борисович, так любезны, поделиться с *нами* вашими планами на будущее?

- С удовольствием, если... если бы знал их сам, - развел я руками.

- Перестаньте паясничать! – одернул меня Горин. – Шутовская роль вам сейчас не пристала. Помните наш разговор о новом театре? Он всерьез. И в силе.

- Но *вы* уже не в прежней силе...

- Ошибаетесь! – зло перебил Горин. – Мы сократим вам срок наказания, а вы отправляйтесь-ка создавать театр, но от Москвы подальше - к Северному полюсу поближе. Уполномочен сказать вам об этом. - И, вздохнув, добавил с неприязнью: - Моя бы воля, выдворил бы вас в Америку, Австралию, Европу, чтоб никогда и не видеть, настолько устал от вас, Шерлинг.

- А я от вас, подполковник Горин, - ответил в тон ему, пообещав подумать.

Согласиться?.. Судя по всему, мне не только в Москве, ни в одном крупном городе работать не позволят. Я определен в ссылку. Дальнюю. На постоянно. Правда, пока мне дают возможность самому выбрать место этой ссылки, а точнее, тот маленький, заброшенный народец, которому «еврей Шерлинг» в роли театрального режиссера поможет «окультуриться».

Гл.13

СТАКАН ВОДЫ

Маритт оказалась «свойским парнем», мы подружились. Было легко и просто с этой умной, жизнерадостной женщиной, не претендующей на мое мужское внимание.

Загруженная журналистской работой, она, если случалось свободное время, звонила мне, и мы мотались на моей машине по Москве. Объездили все кривые улочки Арбата и Замоскворечья, побывали в музеях, палатах и соборах Кремля, в чудом уцелевших от большевиков церквях, мечети, синагоге.

Отметились и в московских «забегаловках». Маритт с удовольствием запивала дешевым «жигулевским» пельмени и копеечные котлеты с макаронами – дежурные «общепитовские» блюда, а блинчиков с мясом могла съесть с десятков. Ресторанов же избегала, видимо, понимая мои финансовые затруднения.

Воспринимая меня как «гениального режиссера-диссидента», Маритт с интересом рассматривала сохранившиеся у меня театральные фотографии, видеозаписи фрагментов кемтовских спектаклей. Я подарил ей пластинку рок-оперы «Черная уздечка

белой кобылице», она выучила наизусть музыку и частенько наигрывала ее на пианино.

Но, что казалось странным, Маритт словно забыла о своем намерении обсудить «мою историю» с Гансом и вместе с ним подумать, как помочь мне выпутаться из нее. А я не напоминал. Думал, она, видимо, чего-то выжидает, возможно, встречи с каким-то влиятельным человеком, который в силах вмешаться в мою незавидную судьбу. По долгу службы иностранный собкор Кристенсен нередко брала интервью у таких «нужных» людей. Я же по-прежнему «отбывал» службу в «Маяковке», сочинял песенки для певичек Москонцерта и ходил отмечаться на «Опорный пункт» к лейтенанту Петрову.

Не вдаваясь в подробности, предупредил Маритт, что «Лубянка» держит меня на «коротком поводке»; это утвердило в ее глазах мою «диссидентскую ипостась», а я не стал ее разочаровывать. Но о последнем предложении Горина «заняться театральной деятельностью где-нибудь поближе к Северному полюсу» рассказал, не сдержался.

Неожиданно Маритт рассмеялась:

- А если изменить географию вашей ссылки на северо-запад?

- Не понял...

Она не ответила. Лишь несколько дней спустя, во время очередной прогулки по вечерней Москве, завела какой-то странный разговор:

- Счастье - на старости лет иметь рядом верного, доброго друга...

- Какая старость?! В ваши-то годы! – искренне удивился я.

Но она словно не слышала меня:

-... друга, который подаст стакан воды, когда ты не сможешь взять его сам...

- Но я хочу вина, брызг шампанского! – Ее неожиданная грусть пришлась мне не по душе, своей тоски с лихвой.

- Нет, нет, «стакан воды» важнее, - возразила Маритт.

Куда она клонит? К чему этот разговор «о старости, стакане воды»?..

Маритт продолжала как бы издалека:

- Ваш талант, Юрий, грешно зарывать в землю. Здесь, в Союзе, вы практически себя исчерпали...

О чем она? Предлагает эмигрировать? Кто ж выпустит меня, когда даже за пределы Москвы шагнуть не вправе?..

И вдруг:

- Возможно, я как раз тот человек, который может многое изменить в вашей жизни к лучшему. Считайте это моим предложением. Женитесь на мне.

От неожиданности я опешил. И Маритт, чтобы разрядить обстановку, рассмеялась:

- Впервые слышите, чтобы предложение о супружестве делала женщина? Но если это дозволено мужчине, то почему не женщине?

- «Quod licet jovi, non licet bovi» («Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»), - попытался отшутиться латинской поговоркой.

– Вы приглашаете меня на «белый танец?»

- Я бы пригласила. Но вряд ли вам хватит рук, чтоб обхватить меня за талию.

- Тогда станцуем фокстрот, - продолжал шутливо, стремясь уйти от ответа на ее предложение, сделанное всерьез. – Буду держать вас за правую грудь.

- А я вас за длинный нос! – Маритт поняла, что с кондачка решения о женитьбе на ней не приму. - Месяц на размышления, господин Шерлинг.

И я размышлял. Вернее? это был виртуальный спор с самим собой:

- *Жениться?!*

- Ни за что. Ни за что!

- Разве разойдись с Тамарой Акуловой, не дал себе обета «пожизненного безбрачия»?

- Но, Маритт – не Тамара, хотя и не блещет красотой.

- Признайся, среди твоих многочисленных баб была хоть одна подруга, которая от союза с тобой не преследовала бы меркантильных целей?

-Была - Элла. Но тогда я, еще «зеленый», не смог оценить этого.

- Что нужно тебе сейчас? Страстная любовь?

- И она была с Эллой, Тамарой, другими женщинами...

- А в результате?

- Одиночество. Но... Обхватить Маритт за талию, рук и вправду не хватит.

- Ночью. А поутру?.. Дураками что ли были наши предки, подыскивая спутника жизни своему чаду? Не по страсти, - по разуму.

- В уважении готов признаться Маритт хоть сейчас, она достойна. *Великое* дело уважение! Это не страсть скоротечная!

- Брак по уму? А сердце?

- Оно придет к вам позже.

- *Брак по расчёту? Рассчитать можно известность. Мне же предстоит рассчитать неизвестность. Но Маритт права: стоит ли жить в стране, где, сделав тебя королем, ни*

за что ни про что низвергают?.. Где всесильный КГБ кричит об отсутствии в стране антисемитизма, вставляет тебе в задницу палку только за то, что ты еврей?

И я решил: Насолю недругам и моим «дорогим соглядатаям»! Устрою-ка свадьбу с помпой – «пир во время чумы»! Черт возьми, сыграл же когда-то самовольно «Черную уздечку белой кобылице» в Доме культуры АЗЛК и заставил уделаться всю московскую милицию, когда к подъезду клуба прикатали посольские машины! Почему бы ни попробовать еще разок и не пригласить дипломатов на собственную свадьбу? Приглашение будет звучать примерно так: «Бывший директор КЕМТа из города Биробиджана имеет честь сообщить вам, что заслуженный-«простуженный» деятель искусств России такой-то, приглашает вас пожаловать на его свадьбу с королевской особью такой-то. Прошу иметь при себе дипломатический паспорт и документ о статусе неприкосновенности, ибо число ожидаемых сотрудников госбезопасности не ограничено. Вход в «Русский зал» ресторана «Националь» по этим пригласительным билетам». Где, как не в «Русском», справлять еврею свою свадьбу с норвежской принцессой?

Чтобы отпраздновать свадьбу, пришлось продать «Вольво». Её купил богатый цыганский барон аж за 50 000 рублей. Нелегко далось мне расставание с любимой машиной, но иного выхода не было, не перекладывать же все расходы на Маритт.

29 апреля 1985-года мы расписались в ЗАГСе в Московском Дворце бракосочетания.

Коль скоро на свадьбу прилетела из Осло в Москву мать Маритт, я должен был пригласить Шарлотту.

Где она? Здорова ли? Как живет? На какие средства? Я так погряз в своих проблемах, переживаниях, жалости к себе-любимому, что забыл о собственной матери.

Не знал о ней целых полгода. Я вообще ничего не знал о ней никогда. Только брал, не давая взамен. Брал, словно походя, не оценивая даяния. И, как когда-то в детстве, мог озлиться за старую юбку, не задумываясь над тем, что на новую у нее попросту нет денег. А мама оставалась Великой Шарлоттой, глубоко затаив от всех свои беды, нужду, болезни и, главное, одиночество. Я понял это слишком поздно, когда уже ничего нельзя было изменить. И горькое раскаяние, угрызения совести стали мне наказанием на всю жизнь.

Но так будет потом...

А в тот апрельский день 1985-го, обзвонив добрую половину знакомых, маму все же нашел. Разговора, как обычно, не получилось. Я принялся попрекать ее за то, что она оставила меня в трудный момент; Шарлотта - выяснять на ком женюсь в очередной раз и давать наставления. Не дослушав, бросил трубку и облегченно вздохнул: мама жива, здорова и придет на мое бракосочетание.

На свадьбу «великого и опального» жениха, о шестидесяти пяти килограммов, и невесты - секс-бомбы, о ста килограммов с гаком, съехались все приглашенные. Американские, норвежские, великобританские флажки на машинах возвещали о прибытии послов великих держав.

В «Русском зале» с куклами-матрешками vip-персоны с дипломатическими паспортами, корреспонденты иностранных СМИ, сотрудники «министерства любви», дряхлеющие мамы молодоженов – все восторженно кричали «Горько!». Маритт в

средневековом норвежском платье; я, вальяжный мужчина, - в костюме эпохи советского отстоя.

За спинами гостей мелькала физиономия Горина.

Явился! В такой-то момент оставить без присмотра?! Иностранцев полно: самое время мне обсудить с кем-либо из них свою «ситуацию», пожаловаться, обратиться за помощью. Прячется, гад, надеется, не увижу.

Я взял Маритт под руку и подвел к нему:

— Знакомься, дорогая, господин Горин, подполковник из «министерства любви», мой лучший приятель.

Ослабившись, Горин поцеловал пухлую руку невесты:

- Поздравляю...

Придерживая его под локоть, я сказал Маритт:

- Эта сволочь, дорогая, намыливается отправить твоего мужа на Северный полюс.

- О, нет, сэр! Но!— приняла мою игру Маритт. — Там — брр — так холодно...медведи... Нет, не разрешаю, - она пригрозила «приятелю» пальчиком. — Нам с Юрием значительно лучше поближе к Гольфстриму. Знаете, течение такое теплое у берегов моей Норвегии?

Я отпустил руку Маритт, и она, поняв, тут же отошла. Обняв Горина за плечи, прошипел ему в ухо:

- Не уходи, Валера. Пристройся со своей шпаной где-нибудь за столом. Жратвы такой и выпивона ни в жисть не увидите. К тому же на халяву.

- Не скоморощичайте, Юрий Борисович, вы пока советский гражданин! —зло пригрозил Горин. — И...

- Отчего ж так сурово?! — пристыдил его, не меняя шутовского тона. — Я от всей души...

- Знаем мы вашу «душу»! — проворчал он.

- Протишь мой праздник? – продолжил я игру.- Веселись! Радуйся вместе со мной!

- Радуюсь, - усмехнулся он. – Жениться-то на принцессе разрешили вам мы.

Высокие гости, довольные приемом и изысканным свадебным столом, разъехались за полночь. Так я – Шут его Величества двадцатого века, сыграл свой последний, как мне тогда казалось, спектакль в России.

На следующий же день все норвежские газеты (и некоторые газеты Швеции, Финляндии, Германии, Франции, где была известна журналист Маритт Кристенсен), пестрели подробными репортажами о нашей свадьбе. Сенсационный сюжет показали о ней и на Норвежском ТВ.

Чего только обо мне не писали! «Великий», «Неповторимый», «Уникальный», но «страной не понятый»... Использовали все существующие хвалебные эпитеты, которые можно было присовокупить к моему званию режиссера и хореографа, чтобы возвеличить меня. Описывались мои «гениальные» спектакли, «героический подвиг при создании еврейского театра в антисемитской стране». Подробно рассказывалось о моих женах, известных в обществе возлюбленных, об (увы, блефовом) американском дядюшке-миллионере, оставившем мне наследство. О моих эксклюзивных марок автомобилях (хотя не осталось ни одного!). И о многом другом, что было и чего не было вовсе. Не забыли и матерей молодоженов, снабдив фотографию Великой Шарлотты подписью «Первая в СССР женщина-дирижер симфонического оркестра», что привело маму в неописуемый восторг. И все это было щедро проиллюстрировано фотографиями моими, Маритт, Эллы Власовой, Тамары Акуловой

(подозреваю, не без помощи Маритт). Так меня «растиражировали» в Норвегии задолго до моего приезда туда.

Гл.14

И «ПЕСОК ВЗОШЕЛ», НО НЕ НАДОЛГО

Свадьба удалась. Удивил всех, кого хотел и не хотел. А дальше? Дальше – скука. Ежедневное «отбывание срока» в «Маяковке». Высасывание из пальца некой хореографии, потому как в душе абсолютная пустота.

Моя деятельная натура требовала активных действий, и я начал помогать Маритт. Мы сняли для Норвежского ТВ фильмы о Макаревиче, Розенбауме... Но гонорара за это я не получил, а должен был зарабатывать, не мог же жить на иждивении Маритт! Деньги, вырученные от продажи «Вольво» , стремительно таяли. Когда уже отчаялся найти подходящую работу, неожиданно позвонила Надежда Бабкина и предложила что-нибудь сделать для ее фольклорного ансамбля «Русская песня», уже тогда популярного у нас и за границей.

Самые нежные чувства испытываю я к этой прелестной астраханской «комсомолке». Потрясающая баба! Замечательный, душевный человек, истинно русская, разудалая красавица!

Отношение «вершителей судеб» нашей культуры к возрождению русских фольклорных традиций, утраченных после октябрьского переворота, длительное время было неоднозначно, официально оно вроде бы поддерживалось, что с радостью воспринималось советским обществом, особенно

его русской составляющей. Обласканы правительством и благодарным зрителем Людмила Зыкина, Ольга Воронец, другие советские исполнители русских народных песен. Но одновременно запрещено слушать их в исполнении Петра Лещенко, Дмитрия Покровского, Аллы Баяновой, Николая Рубашкина, включая даже Федора Шаляпина, а позднее и Вадима Козина. А ведь благодаря им удалось сохранить немалую долю русского фольклорного богатства. Его зрительное воплощение на видеодисках, звуковое – на аудиокассетах попадало в страну контрабандой и просматривалось, прослушивалось на магнитофонах и видео в укромных «сортирах». Необъятных размеров становились груди у дам, провозивших из-за границы эту контрабанду в своих бюстгалтерах!

В таких условиях появление в 1974 году на советской эстраде фольклорного ансамбля «Русская песня» Надежды Бабкиной стало своего рода сенсацией.

Мне нравился этот живой, яркий, игривый организм. Нравилась и его «вольная казачка» Надежда Бабкина, перед ее чистой женской красотой не устоять ни одному мужчине. Но согласиться на совместную работу меня побудило другое: талант и высочайший профессионализм труппы, а прежде всего ее создательницы и бессменной художественной руководительницы. Надежда сумела сколотить и воспитать коллектив, которому по плечу самые высокие творческие задачи. Удалось создать певческий ансамбль, виртуозно владеющий искусством ансамбля, различными певческими стилями России, включая духовные песнопения и современные авторские композиции. В предстоящей работе особенно прельщало то, что артистическое мастерство коллектива

позволяло ему браться за партитуру любой технической сложности, быстро осваивать репертуар и создавать новые концертные программы. Но особенно ценным представлялся творческий, импульсивный импровизационный характер каждого выступления ансамбля. А также очень тонкие и стилистически точные аранжировки, в которых органично сочетается бережное отношение к традиционным элементам и современное прочтение песенного фольклора. Это особенно ценно, поскольку народное искусство синкретично по природе и умение «играть песню» позволяет артистам добиваться впечатляющей правдивости ее смысла.

...Прежде всего, мы с Маритт решили снять о Надежде Бабкиной и ее ансамбле телефильм. И у меня родилась идея поставить драматический спектакль «Когда песок взойдет» на основе древней фольклорной легенды о том, как люди молитвами и заклинаниями надеялись отогнать смерть, косившую урожай и скот. Музыкальной базой предстояло стать русским народным песням.

Я предложил Надежде театральную работу. Меня занимала не концертная программа, а философская притча. Одновременно хотел доказать, что я не только *еврейский* режиссер Биробиджанского театра, но и режиссер, способный своими постановками решать национальные и наднациональные задачи, злободневные темы и проблемы.

Началась адова работа. Я написал музыку оперы «Когда песок взойдет». Это не фразеологическая ошибка в ее названии. Парадокс заключается в том, что «*песок не всходит*», но если земля не родит, то остается уповать на чудо, - *взойдет, родит* песок! Взойдет урожай, как всходит он на земле, и накормит умирающих с голода людей. Название

исходит из древних языческих заклинаний: «Ах, ты, смерть, уйди,/ Ты, песок, взойди!». В этой притче и заключалась «фишка» моей придумки. В иносказательной форме русского фольклора я решил рассказать о Руси, о любви к ней человека, независимо от его национальности. О том, как Русь трудно понять умом. О страшном времени, в котором мы живем, и о том, что блеклое, бесстрастное социалистическое существование непременно отзовется кровью, разгулом, развратом. О том, что лишь тогда, когда бедствия обрушатся на людей, они вскричат «помилуй!», отдадут земле свою кровь, и она начнет родить вновь. Такой я закладывал философский концепт в суть спектакля. Время показало правоту предсказания: постперестроечный период в нашей стране и стал тем самым «разгулом» новых русских, Новой Руси.

Премьера спектакля прошла в ЦКЗ «Россия» с бешеным успехом, его отметила «большая пресса». Но уже после трех выступлений Бабкина поняла, что дальше играть «Песок» ее коллектив не сможет. Хлеб, заработанный обычными концертами, забирал несравнимо меньше эмоциональной, духовной и физической энергии. «Песок» можно было, в лучшем случае, сыграть раз пять в месяц, обычные же концерты по тридцать – шестьдесят раз, что значительно выгоднее коллективу, живущему на собственные средства. В последнем спектакле Надежда даже пыталась что-то изменить, облегчить, но я не разрешил.

И все-таки, это была интересная работа, за которую я благодарен Надежде Бабиной и ее коллективу.

Я надеялся, что после спектакля в «России» и громких рецензий в СМИ, московские театры станут наперебой

приглашать меня, буду снова востребован как режиссер-постановщик или хотя бы хореограф. Увы, не позвал никто!

В Москве делать мне было нечего. И я сказал Маритт, что хочу попытать счастья за границей, а потому готов уехать в Норвегию.

Гл.15

ФД

В середине восьмидесятых советские граждане уже относительно свободно выезжали за границу как туристы, на отдых, по гостевым приглашениям, но только в соцстраны. Чтобы попасть в капстрану, приходилось преодолевать многочисленные партийные, профсоюзные и, главное, административные и кагебэшные барьеры. Это удавалось далеко не каждому. И хотя у меня был козырь – жена гражданка Норвегии, не сомневался, что выехать из Страны Советов будет непросто. К тому же нет загранпаспорта. Кто же выдаст его беспартийному, даже не члену профсоюза, отбывающему наказание «уголовнику», каковым был в тот момент?! Чтобы обратиться за загранпаспортом в ОВИР, требовалась куча справок, подтверждающих, что ты преданный советской власти гражданин, к тому же не имеющий судимости. Но именно ее, единственную, мог подтвердить документально.

И я понял, что без помощи «мохнатой руки» ни загранпаспорта, ни разрешения на выезд из страны, следовательно, и визы на въезд в Норвегию, мне не видать. Такой «рукой» мог стать только «белый и черный ангел» моей жизни генерал армии – Филипп Денисович Бобков (ФД).

И я стал искать с ним встречу.

Естественно, возникает вопрос, почему решил обратиться за помощью к столь высокому руководителю Комитета, ведь я не Сахаров, не Солженицын, не Бродский, судьба которых действительно находилась в руках генерала. Что, по сравнению с этими титанами мировой науки и литературы, представлял собою я, всего лишь бывший худрук музыкального театра, правда, еврейского, что само по себе уже политика?

Дело заключалось в том, что генерал Бобков, при всей его высочайшей чекистской должности, «страдал», казалось бы, несовместимыми с его деятельностью увлечениями: был книголюбом-коллекционером и страстным театралом. Режиссеры многих ведущих московских театров рассказывали, что ФД не пропустил у них ни одной премьеры. О том, что он посмотрел все спектакли КЕМТа во время его гастролей в Москве, могу свидетельствовать и я. Первого же знакомства с ним в его кабинете на Лубянке было предостаточно, чтобы, оглядывая из-за кулис зал, узнать среди зрителей генерала в партикулярном платье.

Я не вправе судить о роли этого человека в судьбе советской интеллигенции. Одни считают его «гноителем» Солженицына и Сахарова, Даниэля и Синявского; другие – фигурой столь незаурядной, что ни Бенкендорф, ни Дубельт ему и в подметки не годятся; третьи ставят ему в заслугу то, что горбачевская эпоха вольнодумства не обернулась для страны новым 37-м.

Могу судить о Бобкове только по его отношению к моей судьбе, в которой он сыграл роль «черного и белого ангела».

ФД нравились спектакли КЕМТа, иначе бы он не смотрел их. Возможно, пришлась по душе и моя строптивая натура. В ту пору мало кто позволял вести себя, так как я. Кажется, он ценил во мне художника. Но тогда почему санкционировал мое изгнание из

КЕМТа и развал театра? Как он, крупнейший сановник ГБ, допустил опереточно- смехотворные провокации с ДТП, закончившиеся поистине шутовским судилищем и обвинительным приговором, шитым белыми нитками?

Вместе с тем, меня не упрятали в тюрьму или лагерь, что неизбежно закончилось бы если не физической, то уж наверняка моей психической гибелью. А ведь могли, запросто: санкция статьи УК, по которой меня осудили, предусматривала лишение свободы. Спас ФД. Предупредил же накануне суда: «Будешь вести себя разумно...»

Но для чего потребовалась вся эта судебная комедия? Не проще ли было приказать: «Шерлинг, оставьте КЕМТ!». И пришлось бы оставить, даже не спросив «почему?».

Уже тогда, размышляя, понял: ФД выполнял волю такого высокого хозяина из «конторы» на Старой площади, которому противостоять не мог. (Обе они - с Лубянки и со Старой, хотя и «крещенные» в одной купели, постоянно соперничали между собой за власть). Возможно, и махрового антисемита, ненавидевшего не только евреев, но и их жидовский КЕМТ за то, что он, получив право на жизнь, однако, не оправдал надежд на совместную игру. Возможно, кто-то очень сильный со Старой, уничтожая меня и, тем самым, КЕМТ, сводил счеты с первым секретарем Хабаровского крайкома КПСС Алексеем Черным, который гордился нашим театром, а я попал в жернова...

Догадки... догадки... Однако факт остается фактом: никто иной, как ФД, в момент реальной опасности сохранил мне жизнь. И потому сейчас, когда моей творческой, духовной, да и физической жизни, вновь угрожала гибель, я решил обратиться за помощью именно к Ф.Д. Бобкову, надеясь, что он поймет меня. Отправившись в приемную КГБ СССР, попросил о встрече.

- Оставьте свои координаты, - ответили там, - если генерал сочтет нужным, вас найдут.

И фортуна все же улыбнулась мне: генерал Бобков согласился меня принять.

Несгибаемо-царственный «повелитель человеческих судеб» встретил меня благосклонной улыбкой в рабочем кабинете в приемной КГБ на Кузнецком мосту. Представьте себя просителем, входящим в кабинет кардинала Ришелье, и чувство страха хоть на мгновение непременно да одолеет вас. Вот так, один лишь вид генерала Бобкова заставлял даже такого сорви-голову как я, немного «приседать». В этом и была его магия воздействия на паству деятелей культуры, церкви и всех, кто находился под неусыпным наблюдением 5-го Главного управления КГБ, включая членов Политбюро КПСС.

- Как живешь? – спросил ФД так приветливо, будто я только вчера был удостоен звания НА СССР, или позавчера вернулся из заграничной командировки в страны Латинской Америки, где разгуливал с очаровательными креолками.

- Спасибо, живу, как живут все не изгнанные в Израиль евреи. Вы же всегда утверждали, что я асоциальный тип. Вот я, асоциальный, и допрыгался.

- Прыгал бы потише, мог бы прыгать и далее. На твои «козлячие прыжки» права никто не давал. Я же предупреждал однажды: как только из-под тебя выдерну стул, ты в ту же секунду навсегда закроешь свой рот...

- Опять вы на меня нападаете!

- Я не нападаю, ты сам хотел меня видеть. Вот и говори, зачем пришел?

- Не могу больше жить здесь.

- Не живи! Твоя принцесса хочет поселить тебя на фьордах? Корабли водить? Нефтью займешься?

- Носки вязать теплые. Помогите уехать.

- Никто не держит. Подавай документы. Тебе что, отказали?

- Не подавал.

- Подавай, - ФД посмотрел на меня долгим пронизывающим взглядом.

- Спасибо. Вот все, что хотел от вас услышать.

- Но учти, мы никаких разрешений не даем, - заметил ФД, - это дело милиции и МВД.

Но я-то понимал, что без санкции «Ришелье» ответ из ОВИРа будет отрицательный.

- Скажите, куда мне идти?

- Фигура ты занятная, и чтоб тебя по башке стукнули не сразу, а ты б не нахамил кому-нибудь в очередной раз, подожди-ка дней пяток, и ступай в центральный ОВИР, что на Садовом кольце. Назови там свою фамилию, – ФД хитровато прищурился.

- Попробуй, но не так, как с гаишником...

- А что вы имеете в виду? – я весь напрягся.

- Сядь, Юра, - предложил ФД. – Не знаю, хулиган ли ты действительно, кусал ли за нос милиционера. Но суд мог отправить туда, где б с тобой «разобрались». Ты хоть понимаешь, что ограничился испугом мартышки?

- Испугом?.. Меня лишили театра!

- Ты сам себя его лишил. Нюхом следует чутя, что дозволено, а что нет, - посерьезнел ФД. – Но на суде вел себя пристойно. Страну не проклинал, не говорил о ней дурного. Кто Родину поносит, всегда проигрывает.

ФД поднялся. Следом и я:

- Прощайте!

Он улыбнулся:

- Зачем так трагично - «прощайте»? Гора с горой, а человек с человеком... До свидания, Шерлинг! – и протянул мне свою крупную холеную руку.

Я удивился:

- Думаете, мы еще увидимся?

- Непременно. Такие, как ты, обиженные, хотя и покидают свою страну, но постоянно жить в чужой не могут.

И я осмелел:

- Зачем же меня обидели? Я так мечтал творить!..

Он вновь замкнулся, видимо, эта тема была ему неприятна:

- Об этом следующий раз. Успеха, Шерлинг, и разумения.

«Следующий раз» действительно состоялся. Двадцать лет спустя. Когда ФД, генерал и я, режиссер, уже давно были в отставке. Вспоминая минувшее, Филипп Денисович сказал:

- Ты и не догадывался, Юра, какую мне приходилось сдерживать антисемитскую свору, готовую растерзать тебя.

Отчего ж, догадывался...

ЧАСТЬ II

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

НОРВЕГИЯ, НОРВЕГИЯ, ЧУЖАЯ СТОРОНА

Авиабилеты на рейс Москва-Осло в кармане. В загранпаспорте уникальное для частного лица разрешение ОВИРа на выезд во все страны мира и въездная виза Норвежского консульства.

День отлета стремительно приближается. А сомнения не перестают мучить меня.

Остаться... Уехать куда-нибудь на Крайний Север делать театр, но жить в своей стране...

- Перестань дергаться, в первые же дни начнешь работать. «The Norske Theatrets» готов подписать с тобой контракт на постановку спектакля, - успокаивает Маритт. – Тебя приглашают и на Норвежское ТВ.

Но я продолжаю метаться.

Что ждет меня в стране, неохотно принимающей иностранцев? Ни одним другим языком, помимо русского (и матерного), не владею.

Пока познаю норвежский, хотя бы разговорный, мне предстоит жизнь глухонемого. Сидеть на балконе в шезлонге рядом с такой же, как я, «глухонемой» по отношению ко мне тещей, любоваться городским пейзажем, ждать, когда ненадолго прилетит в Осло Маритт, и мы с ней «выйдем в люди»?

На второй же день свихнусь с ума от безделья! Изучать язык? Путешествовать? А когда кончатся деньги, вырученные за «Вольво»? Жить за счет Маритт? Ну, уж нет!

* В ту пору советскому гражданину до обращения в консульство иностранного государства за въездной визой полагалось получить визу ОВИРа на выезд из СССР, которую давали далеко не всем. Существовала целая категория «невъездных».

Неизвестная страна... Незнакомая жизнь... Готов ли к ней?..

До отъезда оставалось чуть более суток, когда произошли два события, развеявшие мои сомнения.

С утра пораньше позвонил по телефону Горин, поспешил обрадовать:

- Вес вашего багажа не ограничен, – хоть сто, хоть триста килограммов. Провожу вас.

- Надеюсь, не в Осло?

- На этот раз только до трапа лайнера, - рассмеялся он.

Достал он меня этими «проводами»! Уезжаю! Хоть к черту на кулички, лишь бы без «гориных»!

Следом позвонила Тамара и сообщила, что тяжело заболела Анечка:

- Что-то серьезное с желудком, - рыдала она в трубку, - ничего не ест вторую неделю... Привезла ее в Москву... Врачи говорят....

Дальнейшего уже не слышал. Схватил такси, помчался к Тамаре. Боже, что с моей бедной девочкой?! Побледнела, исхудала, ножки словно спички... Завернув в одеяльце, поднял на руки, прижал к груди и, бросив на ходу Тамаре: «В машину!», выбежал из дома.

В Филатовской детской больнице знакомый врач уложил Анечку в стационар с подозрением на острый панкреатит.

Пока врач осматривал ребенка, а Тамара, примостившись в коридоре на скамейке, беспомощно всхлипывала и вытирала

слезы, стараясь при этом не размазать по лицу стекающую с ресниц тушь, позвонил Маритт. Она не заставила себя ждать.

Появилась тут же и, обменявшись со мной несколькими фразами, направилась к заведующему отделением. Мгновенно все завертелось-закружилось: Анечку перевели в отдельный бокс, провели консилиум, назначивший ей капельницу, искусственное питание, лекарства...

В полночь мы с Маритт уже мчались в аэропорт на встречу с пилотом лайнера рейса «Хельсиснки-Москва». Нам прислали какое-то чудодейственное лекарство, о котором в России еще и не слыхали. А поутру Маритт диктовала по телефону результаты анализов знаменитому норвежскому профессору, и он посоветовал привезти девочку в Осло, чтобы поставить точный диагноз и назначить правильное лечение. Легко сказать, «привезти», а необходимые в таком случае документы?

- Отъезд откладывается! - категорически заявил я. - Не оставляю же больную дочку! Надо срочно сдать авиабилеты.

Но Маритт настояла на своем:

- Ни в коем случае! Кто знает, как поведут себя твои «покровители» завтра?.. Провожу тебя и тут же вернусь в Москву. Через несколько дней встретишь нас с Анечкой в аэропорту Осло. Даю слово! И поверь, оперативнее меня с этой задачей тебе не справиться.

...Терпеть не могу проводов у вагона поезда, в аэропорту! Когда и убывающие, и остающиеся, обсудив все необходимое, вымучивают из себя нелепые слова, стремясь не допустить тягостной паузы и – парадокс! – подгоняют последние секунды, каким бы горьким ни было расставание.

Мы умышленно никого не предупредили о нашем отъезде, и в Шереметьево нас провожал лишь шофер персональной машины Маритт. Уже направились к месту таможенного досмотра, когда рядом возник Горин. Поздоровавшись, почти насильно отнял у меня ручку тележки, доверху нагруженной картонными коробками с моим творческим архивом.

- Опять вы?! – озлился я.

- Так обещал же! – незлобиво улыбнулся он и покатил мою тележку к столу регистрации багажа, минуя таможенников. Видимо, вопрос о таможенном досмотре был решен заранее.

- Послушайте, Горин, ну что вы прилипли ко мне словно банный лист? – спросил, не сдержавшись.

- Служба такая, - деланно вздохнул он и добавил, разоткровенничавшись: - Вы политически неблагонадежный, опасный тип, Юрий Борисович.

- Опасный?!.. Политически?.. Ну и вознесли меня! Но я никогда не занимался политикой!

- А навредили своим театром несравненно больше, чем иной политический горлопан или так называемый правозащитник.

- Льстите мне, Горин!

- Ничуть. Вы чрезмерно напрягли нас и утомили, - признался мой соглядатай. – Даже не верится, что наконец-то избавимся от вашего присутствия в Союзе.

- А я от вас – всех вместе взятых, - «любезно» парировал я.

Зарегистрировав билеты, сдали багаж и сопровождаемые Гориним пошли к автобусу, который довозил пассажиров до трапа самолета.

- Не верится, – облегченно вздохнул Горин, протягивая руку.

- А мне еще больше. Прощайте, Горин!

И тут он слово в слово повторил ФД:

- Зачем же так трагически - «прощайте»? Гора с горой, а человек с человеком...

- Так то ж с «человеком»... - отмахнулся я, поднимаясь в автобус.

Приходилось ли вам, читатель, испытывать чувство животного страха? Физиологического, грубо чувственного, лишённого логики? Такой страх обуял меня, когда я уселся в кресло лайнера рейса «Москва-Хельсинки». В Хельсинки предстояла пересадка на самолет компании «Finn-air». Не подумайте, что боюсь летать. Напротив, люблю небо, полет. Но, улетаю, всегда возвращаюсь.

Улетаю на-все-гда. В чужую страну. Расстаюсь с Родиной, пусть даже злой мачехой. Но здесь моя улица Горького – улица моего детства и юности, моя Таганка... Смоленская... «Маяковка» с Андреем Гончаровым, мама, Анечка, мои бабы, мои знакомые, ресторан ВТО, мое – все...

Судорожно ухватился за подлокотники кресла, чтобы не вскочить, не выбежать, остаться... Закрылись двери лайнера. Загорелось табло: «Застегните ремни!». С неприязнью подумал о Маритт: это она, она виновата в том, что я уезжаю, если б не она...

«Не ищи виноватых! Ты сам хотел этого, - словно наяву слышался ее спокойный голос. - Что ты психуешь? Советского гражданства тебя не лишили, советский паспорт не отняли, захочешь, – вернешься».

Да что вы все заладили: «вернешься, вернешься!». Уезжаю навсегда – и точка!

Почему и ФД, и Маритт допускают, что вернусь? Неужто настолько пропитан российским духом, что постоянно жить и, главное, творить в другой стране не смогу?

... Недавно разбирая мамины бумаги, я нашел свои письма, которые посылал ей из норвежского далека. Перечитывая их, понял, что они, пожалуй, интересней, чем мой рассказ о тех же событиях, но с двадцатилетнего расстояния. Вот одно из них.

«...Итак, я в аэропорту Хельсинки. Народу много и, представляешь, все улыбаются. Им весело. Они, видимо, смеются над тем, что мне непривычно. А откуда знают? Черт, моя подозрительность. Можно говорить все, что думаешь и даже громко. Опять беда - не понимают. «Лэнгвидж» другой, не интернациональный. Маленький магазин, а сортов колбасы – не сосчитать. 50 фасонов зубных щеток. У них что - зубы разные? Вот счастье, у нас всё у всех одинаково. Стою, время идет, мысли текут – это я решаю проблему, какую щетку взять. Нет! Так дело не пойдет. Столько времени тратить на *щетку*!

Пересел на «Finn-air». Навстречу гёрл. И, знаешь, что делает? Улыбается! Чего, думаю, смеешься? Оглядываюсь. Может, брюки расстегнулись? Может еще чего? Чего улыбается? Может рада, что я смущен? Делаю вид, что все «о`кей» и твердо вступаю в салон самолета иностранной компании. Тихо играет музыка. Я, естественно, задаюсь вопросом – а почему тихо? Где бравурные марши? Где, черт возьми, Пугачева? Не успел

застегнуть «fasten your belts», опять гёрл и опять... нет, это уже невозможно, улыбается. А в руках поднос. Не желаю ли чего?! Wisky? Coca? Ну, просто беда! Я после Аэрофлота чуть с голоду не умер. В аэропорту Хельсинки взял рыбки, салатик, сломал от неумения две пластмассовые вилки, выпил странный «Seven ap» и заплатил целых 20 \$. Двадцать долларов!

Теперь все понятно, почему гёрл лыбится. Догадывается, наверно, что я сыт, да еще за такие деньги. Потому и предлагает. Знаешь что? Пять сортов колбасы. Масло, которое по вкусу соответствует маслу, и икру. И все это мне, гражданину страны, где икру жрут ложками! Есть, конечно, не смог. Но это даже хорошо. Пусть не думает, что за границу с пустым желудком летаем. Требую «Time». Мол, хочу знать, чем закончилась операция у Рейгана. Дают. Свежий номер. Разворачиваю и думаю - все смотрят. Завтра наверняка сообщат куда надо, что этой гадостью интересуюсь... А рядом какой-то чудака, прости за неточность, порножурнал листает. Бедный, он даже не знает, что рядом с ним человек, которого сняли с поста руководителя театра за аморальное поведение. А?! Я б ему такую лекцию прочел о нашем сексе! Не успел подумать, как наш «боинг» мягко сел. Зачем мягко? Даже не будет воспоминаний и разговоров: куда, кто сел и т.д. Трап подали сразу. Я искал его на аэродроме, а «боинг» с собой возит. Через минуту все вышли, даже не успев попотеть в

салоне. Едва дошли до паспортного контроля, отдали багаж. Зачем так быстро? Хотя понятно, безработица!

Навстречу полицейский. «Ну, пришла беда! - так думаю. - Сейчас паспорт отнимут, домой отправят. Будут ругать, кричать: За что?» Может, за то, что чужак порнографический журнал смотрел, а я молчал, не осудил поступок гражданина (прости, господина)?» Так нет. Идет полицейский и, как ты думаешь, что делает? Улыбается. Просит паспорт. (Чего просить, когда может требовать?) И напоминает, что бы я зашел в Советское посольство и встал на учет. Странно. Для меня, то есть для нас, советских людей, это не забота о благе человека, а вмешательство во внутренние дела чужого государства.

Выхожу на перрон и ищу очередь на такси. А ее черт намылил. Вместо очереди людей на такси, очередь такси на людей. Все наоборот. И, как бы решая добить меня, все такси - мерседесы. Как объяснили потом, очень надежная машина. Ну, думаю, теперь понятно, почему все блатные в России и дети «членов» ездят на мерседесах из-под дипкорпуса. Просто перенимают опыт. Так сказать, братская помощь.

Хочу грузить вещи, а таксист не дает! Просто из рук вырывает. Я ему: «Товарищ, вы что?» А он мне: «Спасибо, сэр». Поехали в город. Шофер все рассказывает, где король живет, где парламент. А народу на улицах нет. Магазины открыты, а в очереди никто не стоит. Догадался, сегодня пятница, все

выполняют план недели, а кто не работает, стоит в очереди за пособием по безработице, или в очереди за работой. Им тоже не до магазинов...

Но вот, слава Богу, и дома! На «Tomas Heftes gate», одной из центральных улиц Осло. Маритт адрес написала по-норвежски на листке, и я отдал его таксисту. Ну, до чего чисто кругом!

Звонок в дверь... Ласковый ответ. Шофер переносит все вещи в лифт и, принимая деньги, почему-то благодарит. «Спасибо, - говорит, - сэр». За что? Перетаскать сто килограммов сувениров и после этого благодарить! Я на его месте схамил бы напоследок. Поднимаюсь на четвертый этаж и вхожу в 375-метровую квартиру. Хорошо сказано. Вползаю. Шутка ли, 100 кг. сувениров из России поднять на четвертый этаж! Вроде бы и не трудно, но валюсь с ног от гордости предвкушения. Мол, сейчас покажу *такое!*...

Вхожу, оглядываюсь. Ну, просто кино, так сказать, западное. Я слышал, что мой дом, т.е. семья Маритт, не очень богатая. Что же, думаю, в их понятии богатство? Наверное, алмазные прииски.

Ванная и туалет – первое, куда необходимо путешественнику, медленно, но верно, начали формировать мое представление о Западе. Во-первых, идеальная чистота. Полное ощущение стерильности. Кафель необыкновенной красоты, но рисунка абстрактного. Чтобы не отвлекать человека от занятия. Пришел в туалет – не отвлекайся! Я так и

хотел, а мысли все скачу и скачут. Это и понятно, так сказать, еще не адаптировался.

Как учила ты, мама, решил вымыть руки. И веришь, у меня создалось впечатление, что я пьян или отравлен газом в аэропорту Хельсинки. Перед глазами два ручейника. И знаешь, один справа, другой слева. А?! Остановился посередине, огляделся, задумался. То ли грезится, то ли кажется, то ли... Все равно, нас, простых советских, не так-то просто удивить! А куда идти? К правому? Или левому? Быстро сообразил, из ванной вышел и пошел мыть руки в другую ванную, где был один умывальник. Это уже по-нашему.

Конечно, родственники набежали. Понятное дело – из-за границы подарки ждут. Опять ляпсус вышел. Они, вроде как, не подарки ждали, а подарки мне дарили. Я, конечно, не хотел в грязь лицом и начал распаковывать свои 100 кг. сувениров. Оглянулся, а рядом никого. Испугались моей щедрости? Я, конечно, за ними, а мне объясняют, что не хотят мешать заниматься личным багажом.

Да, забыл о квартире. Хотя нет, придется-таки назвать ее непривычным словом «апартаменты».

1. Спальня - 40 кв. м.
2. Вторая спальня (тёщиная) -20
3. Кабинет 40
4. Салон 40
5. Столовка 40
6. Кухня - 20

7. Библиотека - 30 (Не могли сделать больше.

Не трудно догадаться – им некогда читать, неначитанные)

8. Комната гувернантки с душем – 20 (Как у заслуженного деятеля искусств РСФСР)

9. Ванная - 20

10. Вторая ванная (даже не хочу мерять такая маленькая)

11. Комната для гостей (Ух, буржуи!)

12. Детская

Итого 375 кв. м. с лишним

На Западе, как ты знаешь, в моде велосипеды. Теперь понятно почему. Главное – не отсутствие горюче-смазочных материалов, а нецелесообразность квартирного пространства.

Походил по квартире, погулял. Есть, конечно, не стал, ибо, как ты помнишь, я от икры еще в «боинге» отказался. В спальню вошел, мне халат белый предлагают. Тут так принято. Его каждый день поверх одеяла кладут, спать в чем попало нельзя. Может, они заразы боятся?

Как ты думаешь? Ну, ладно! Чего говорить.

В этом доме все дублировано. Телевизоров несколько, кресел – навалом, телефонов – семь.

Заснул как ребенок. Дергал ножками от впечатлений, ворочаясь с боку на бок. Кровать – как

поле аэродрома. Спи – не хочу, Спать хотелось, и поэтому спал. Утром раздался «Call». А? Удивилась?

А я ? Хватаю трубку, думаю из ЖЭКа, или, чего доброго, проблемы с таможней. Нет, наверно из посольства! Ведь в паспорте сказано: встать по прибытии на учет. А я приехал и в 24 часа не пошел вставать на учет в консульство. Вот, думаю, скажут: не успел пересечь границу, а Родину забыл! В газете об этом напишут, опять меня в пример другим ставить будут.

Похолодел от ужаса, вскочил на теплый ковер с теплой постели, схватил трубку и, затаив дыхание, говорю: «Але». В ответ:

- Доброе утро. Приветствуем в Осло! Счастливого дня!

Что хотите на завтрак?

- Что хотите? Что хотите? Что дадите.

А голос по английски:

- Что желаете? И в каком часу?

Проплываю, не стукаясь об углы, в ванную, как лебедь. А лебедь потому, что халат белый. Так положено. И через некоторое время, весь изпарфюмирившись французской косметикой, которая теперь в изобилии стоит у меня, усаживаюсь за завтрак.

МЕНЮ

Лососина - свежая (нет, ты не поняла). Лососина красная, холодного засола, просто очень свежая.

Угорь копченый - тоже свежий.

Колбаса (Опять колбаса! Уже надоедливо. Сорт
не 50, как в магазине, а только пять.
Копченая, полукопченая, сервилат, с солями,
без солей (для диабетиков).

А, поймал вас, черти! А колбасы для евреев
нет! Давайте кошер! Старушка (т.е. тёща), смущенно
улыбаясь, направилась к холодильнику,
напоминающему маленькую лодку, и, веришь, не
моргнув глазом, достала кошерную колбасу!

Она не знает, что когда я покупаю в нашем
гастрономе курицу, то по иудейскому обычаю тоже
кручу ее над головой. Во-первых от радости, что
достал; во-вторых, чтобы удалить рыбный запах.

Съел, конечно, все. Облизал пальцы. Нет, нет! За
столом были салфетки. Сама понимаешь, все на ум
лезло – где, уважаемые господа, дефицит достали?

Я им спасибо, они мне спасибо. Я за то, что ел, а
они за что?...»

Как и предвидел, полдня просидел молча в
шезлонге рядом с тещей на балконе, разглядывая с
трехэтажной высоты незнакомый город. Поразивший меня по
пути с аэродрома ярким освещением улиц, светом
многочисленных разноцветных реклам ночной Осло -
волшебный после тусклой Москвы, теперь удивлял своим
беспечным спокойствием. Пастельным окрасом невысоких
строений, по преимуществу в готическом стиле, малолюдными
в этот дневной час улицами, когда взрослые заняты делами, а

дети, молодежь учатся. Свободные люди благополучной свободной страны...

И я свободен. Могу хоть сейчас в самолет, поезд, автобус, машину – и в любую европейскую страну. Жить, работать там, если... если мы с ней примем друг друга. Щедрый подарок преподнес мне ФД, поднявший передо мной пресловутый сталинский «железный занавес». Не выдворили за него, а легально дозволили жить за ним и вернуться, коли захочу. Вернуться?.. Подышать?.. Тогда вперед, штурмуй Европу! Но как? .. Заявиться в «Гранд-опера»: здравствуйте, я - дядя Шерлинг из Москвы, режиссер, приехал ставить у вас спектакли? На каком таком языке, чтобы французы поняли? Кто обо мне там, в «Гранд» и других «Опера», слышал? Ну, была пара восторженных рецензий о КЕМТе в иностранных СМИ, да кто ж их сегодня помнит? Так что штурмуй-ка поначалу театры Норвегии. Здесь, благодаря рассказам Ганса Штейнфельда в СМИ, женитьбе на Маритт Кристенсен, о тебе знают.

И сегодня пытаюсь понять, чем был вызван столь щедрый жест всемогущего генерала, разрешившего тогда выезд из СССР во все страны Европы. То ли он предвидел, что в Норвегии мне не найти *своего места* и заранее дал возможность поискать его в любой европейской стране, чтобы не вернулся в Москву и не причинял лишнюю головную боль «конторе»; то ли просто по-человечески пожалел меня...

Промозглый ветер с Норвежского моря согнал меня с балкона, и я вернулся в отведенные мне апартаменты. Тепло, красиво, картины старых мастеров на стенах, антикварные с ангелочками позолоченные бронзовые часы на книжном

шкафчике, в пушистых коврах утопают ноги, в камине потрескивают, сгорая, аккуратно напиленные полешки дров...

А мне бы в Лялин переулок, на «табуретки», на замызганную кухню с обгоревшими сковородками на ящике из-под макарон вместо кухонного стола...

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, обуревавшей меня ностальгии, принялся, было, распаковывать архив, как в дверь постучала горничная и, жестами пригласив следовать за ней, проводила в столовую.

Во главе длинного стола, сервированного по всем правилам аристократического этикета, уже восседала моя теща. Визави, на расстоянии метров двух, мое место.

Поклонившись теще, сел и тут же возле меня возник лакей в белоснежных перчатках, готовый услужливо наполнить мою тарелку из расставленных на столе блюд с рыбными деликатесами. Завсегдатай ресторанов, я привык к услужливости официантов, но те, открыв бутылку, расставив на столе заказанное, отходили, чтобы появиться вновь по мере необходимости. А этот продолжал стоять за моей спиной, готовый упредить каждое движение. Это напрягало, раздражало, я с трудом заставлял себя проглотить хоть кусочек еды. Приготовленная по норвежским рецептам, она и без того пришлась мне не по вкусу.

Наконец, мучительная трапеза закончилась, фру Кристенсен-старшая поднялась из-за стола. Следом и я, полуголодный. Раскланявшись, ушел к себе. Но оставаться дома больше не мог

Сунув в карман записку Маритт на норвежском с адресом дома, чтобы не заблудился, вышел на улицу. Какое-то время постоял у подъезда, осматриваясь. Я впервые в «настоящей

загранице» (гастрольные поездки в ГДР – «16-ю советскую республику», как ее называли, не в счёт). Помимо безумности, степенности прохожих, идеальной чистоте улиц, удивляло большое количество, такси, как правило, занятых. Присмотревшись к притормаживавшим под светофором машинам, разглядел, что в основном их пассажиры - пожилые люди. Позже узнал, норвежские пенсионеры-горожане предпочитают пользоваться этим видом транспорта вместо общегородского, что нисколько не сказывается на их бюджете. Узнал, что, несмотря на высокие налоги, норвежцы охотно платят их, получая взамен от государства и частных фирм полноценное социальное и медицинское обеспечение. И, разумеется, они слыхом не слышали о «коммунальной квартире», «жилищном вопросе», «колбасных электричках», «заграничных шмотках от спекулянтов», фарцовщиках, розыгрыше между передовиками производства праздничных продуктовых пайков (как и о самих «передовиках» и «пайках») и многих других проблемах, без *преодоления* которых советский гражданин просто не чувствует себя полноценным человеком.

Наконец, малость осмотревшись, решил собственными ногами «опробовать» первую в моей жизни западноевропейскую улицу и не поверил глазам своим: ни на мостовой, ни на тротуаре ни одной «заплаты». Может ли такое быть – ровное, как водная гладь, одноцветное асфальтовое покрытие?!

Но главное - автомобили! Таких разноликих красавцев видел лишь на страницах глянцевого журналов, привозимых из-за границы. Моя душа фанатика-автомобилиста затрепетала от восторга: «мерседесы», «бьюики», «шевроле», незнакомых

марок – каких только машин не встретишь на улицах Осло! И это в то время, когда предел мечтаний советского автомобилиста отечественная неуклюжая «Волга» и «Жигули» - «усовершенствованный» советскими автоконструкторами итальянский «Фиат»

Первый же магазин, в который зашел поглазеть, окончательно добил меня изобилием продуктов в ярких упаковках, напитков, вин, соков... Честное слово, я значительно привольнее чувствовал себя в полупустых совковых магазинах с убогим стандартным ассортиментом продуктов; в очередях с бабами, озверевшими в поисках жратвы, с «непросыхающими» мужиками, охамевшими продавщицами, для которых покупатель – личный враг...

В рыбном отделе среди разнообразных и не знакомых мне «даров моря» на прилавке лежал полутораметровый «снутый» лосось. Его помутневший тоскливый глаз, казалось, уставился на меня, моля о помощи. Поспешил, было, отойти и замер, как вкопанный, увидев в зеркальной стене собственное отражение: выражение моих глаз ничем не отличалось от рыбьего...

Секундная остановка – и я в поле заботливого внимания очаровательной продавщицы. Тараторя что-то по-норвежски, не подозревая, что не понимаю ее, она восторженно рекламировала мне различные продукты.

Догадываясь, что хозяин не простит своей служащей, если она отпустит посетителя с пустыми руками, купил плитку шоколада, поблагодарил гостеприимную фру молчаливым поклоном, поспешил ретироваться. И вернулся домой.

Вечером, как и обещала Маритт, пришел ее двоюродный брат Генрик, высокий, плечистый, благополучный, но, к сожалению, тоже не говоривший по-русски. Из его слов на

норвежском, сопровождаемых выразительными жестами, все же понял, что он приглашает меня в ночной клуб. Разумеется, знал о *таких*, но понаслышке или из иностранной литературы и прессы. Это теперь и у нас их полно – дневных, вечерних, ночных. А тогда в Союзе существовали лишь спортивные и всяческие детско-юношеские – так сказать, по интересам.

Любопытство взяло вверх над поганым настроением, и я согласился. Обрадовавшись, Генрик принялся перетасовывать мои чемоданы, пока не обнаружил кофр. Попросив, опять же жестами, ключ, открыл и, пересмотрев мои костюмы, достал твидовый пиджак, в тон ему брюки, сорочку, галстук, в другом чемодане подобрал туфли... И я, «как денди лондонский одет», отправился вместе с Генриком в его клуб. Перед уходом «наш брат», ничуть не стесняясь, отсчитал из моих денег, лежавших на столе, несколько купюр, которые, видимо, составляли мою долю в предстоящих расходах.

Если б и я на таких условиях приглашал в рестораны своих знакомых и возлюбленных, давно бы стал миллионером! Привыкай, Юра!

...Зал клуба, где Генрик имел постоянное место за одним из столиков, напоминал ресторан ВТО в выходные или праздничные вечера, когда там собирались завсегдатаи. Но, без обычного шума. Норвежцы, до суровости сдержанные в проявлении эмоций, разговаривают негромко.

На сцене, тем временем, освещенной неярким светом, работали две стриптизерши. Я видел этот танец на контрабандных видеопленках, но воочию впервые. Девушки безусловно были высококлассными специалистами, но от их мастерского танца веяло таким холодом, что он у меня не

вызвал никаких ответных эмоций. Видимо, не только у меня, ибо, как заметил, сидевшие в зале лишь изредка обращали внимание на стриптизерш. Хореограф, я уже представлял себе, как это действо поставить, и не сомневался, что мои кемтовки – Наташа Чичерова, Женя Ласькова, молодая Элла Власова, исполнили бы его так, что и мужики, и дамы забыли бы обо всем на свете.

Мое пристальное внимание к сцене Генрик расценил по-своему: «совковый лох», то есть я, обалдел, впервые увидев прилюдно почти голых баб. Рассмеявшись, он округлыми жестами обвел свою грудь, задницу, и был крайне удивлен, когда я, соорудив недовольную мину, произнес, коверкая английские слова: «No, russian girls are better». И в подтверждение поднял большой палец. «Наш брат» согласился односложным «Yes».

К нам то и дело подходили какие-то люди: перед одними Генрик почтительно вставал, другим пожимал руку сидя. Меня знакомил со всеми подряд, судя по тону, представлял с помпой, как личность значительную. То и дело звучали произносимое с уважением имя Маритт, ее фамилия Кристенсен-Ларсен, а к моей прибавлялись слова «диссидент», «директор», «театр» и «телевидение». Остального не понимал.

Молодец! Почти год женат на Маритт, и не удосужился овладеть норвежским, хотя бы разговорным. Смогу ли поставить спектакль, не зная языка?

Гл. II-2,3

ПРОБУЖДЕНИЕ

Сутками – один-одинешенек. Даже «наш брат» Генрик не появляется, «глухонемая советская диссидентская знаменитость» наскучила ему, и я его понимаю. Иногда, кажется, вот-вот свихнусь. Поймал себя на том, что разговариваю вслух с самим собой.

Раздражает все: и аристократическое убранство апартаментов, и оглушающая тишина, и отполированная до зеркального блеска голая доска письменного стола в кабинете, предназначенном мне для работы, и красного дерева пианино, которое ни разу не открыл. Больше всего раздражает необходимость участвовать наедине с тещей в ежедневной обеденной церемонии, всерьез грозившей несварением моему желудку.

Маритт звонит из Москвы по несколько раз в день. Успокаивает:

- Потерпи, задерживаемся из-за Анечкиного загранпаспорта, он еще не готов.

Поначалу радуюсь звонкам Маритт, но вскоре начинаю срываться:

- Не для того уехал из России, чтобы сидеть взаперти в золотой клетке!

- Перестань кукситься, - отвечает Маритт своим ровным спокойным голосом. – Осло – интереснейший город, гигант по количеству музеев. Туристы со всего света приезжают, чтобы посетить их. А ты засел в четырех стенах и стонешь, как старая бабка! Закажи такси и попроси, чтобы тебя отвезли к городской ратуше, всемирно известному зданию, где, как я рассказывала, происходит ежегодная церемония вручения Нобелевской премии мира. А потом поезжай в Фронгер-парк. И о нем рассказывала тебе.

...Пожилой водитель такси, точно секунда в секунду подъехавшего в нашему подъезду, ничем не походил на потомка викингов. Невысокий, узкоплечий, чернявый, он больше смахивал на меня, чем на «отважных детей стран полночных». Усаживаясь рядом, я произнес на своем скудном английском с нижегородским акцентом «good day», чем мгновенно привлек его внимание. Выслушав ответ на норвежском, который, естественно, не понял, назвал адрес поездки: ратуша.

Какое-то время ехали молча. Любопытство, с которым рассматривал мелькавшие мимо дома, видимо, не только не ускользнуло от внимания таксиста, но и укрепило его уверенность в том, что я не здешний, а «нижегородский акцент» - в том, что и не англосакс.

- Простите, - неожиданно обратился он ко мне по-русски, - вы не

Не поверил ушам своим – русская речь! Даже не дал ему договорить:

- Да! Да, да! Говорите по-русски? Откуда вы?

Он рассмеялся:

- Белорус еврейского происхождения, иудейского вероисповедания. Иосиф, а проще Йося. А вы – советский?

- Москвич, - и для полной ясности добавил: - Юрий еврейского происхождения.

Мы оба так отчаянно смеялись, подталкивая друг друга локтями, что Йосе пришлось остановить машину, прижав ее к тротуару.

Попробуйте теперь сказать, что я не «везунчик»?!

Позже Иосиф поведал свою достаточно банальную для послевоенных лет историю: воевал солдатом Красной армии,

попал в немецкий плен, уцелел, назвавшись татарским именем Ахмад, так как в младенчестве был приобщен к еврейскому обряду обрезания, принятому и у мусульман. Три года отбарабанил в концлагере на дорожных работах. После войны удачно оказался в американской зоне оккупации Германии, сумел избежать депортации в СССР, где его ждал новый концлагерь. Долго мыкался разнорабочим в Дании, Швеции, пока случайно не познакомился с одинокой овдовевшей норвежкой. Работал у нее на хуторе. Поженившись, перебрались в Осло, купили небольшой дом, машину. Заработка таксиста достаточно, чтобы безбедно содержать семью и обучать сыновей в колледже.

...Целых три дня Иосиф был моим гидом по Осло. Прежде всего, как и было задумано, привез меня к ратуше. Массивное, из коричневого кирпича здание с двумя башенками поначалу разочаровало своей мрачностью, но, увидев стоявшие перед ним скульптуры рабочих и крестьян, занятых «трудовым подвигом», я от души рассмеялся:

- Смотри-ка, соцреализм не только в СССР! И, судя по всему, норвежцы нас опередили.

Ближе к причалам порта, к которым спускается площадь ратуши, другие скульптуры. Изваянные с соблюдением всех анатомических подробностей, они демонстрируют прохожим свои идеальные, по скандинавским меркам, обнаженные тела.

- Соцреализм, но не советский, - прокомментировал я. – В нашем все «отличительные» места «обувают» в непромокаемые одежды.

От ратуши мы, как и наказывала Маритт, направились во Фронгер-парк. Не доезжая до него, Иосиф притормозил у встретившегося нам по пути ресторанчика:

- Зайдем? Здесь кормят недорого, и, главное, вкусно.

- И можно заказать бифштекс с кровью, ростбиф, на худой конец лангет с жареной картошкой? – с надеждой спросил я, ощущая во рту вкус любимых блюд. Рыбой, кажется, наелся на всю оставшуюся жизнь.

Обед – без «даров моря» - стал мне вознаграждением за «рыбное» терпение за тещиным столом. Я блаженствовал от вкусной еды, отличного коньяка.

- Хоть пригуби за встречу! – пытался уговорить Иосифа. Но он плотно накрыл ладонью свою рюмку:

- В Норвегии, самой пьющей на планете стране, даже запах алкоголя из уст водителя может стоить ему водительских прав, притом навсегда.

Но вот настал момент расплачиваться за обед, и между нами мгновенно возник спор. Иосиф во что бы то ни стало хотел оплатить свою половину расходов, чего я не мог допустить.

- В Норвегии так принято, - убеждал он.

- Но мы-то не норвежцы. К тому же, оба – «еврейского происхождения», а у нас...

Договорились, следующий раз расплачиваться будет он.

Разомлев от вкусного и обильного обеда, решил экскурсию в Фронгер-парк отложить на следующий день.

Подъезжая к дому Маритт, Йося заметил:

- Вы хорошо выбрали местожительства, это, пожалуй, один из самых респектабельных домов Осло. Здесь живет известная в Норвегии журналистка с ТВ, подвозил ее однажды. – Он вдруг умолк и, устремив на меня пытливый взгляд, воскликнул: - Юрий, так я ж видел вас! Все гадаю, откуда мне

знакомо ваше лицо?.. Свадьба в Москве! Ее показывали по нашему ТВ. Так вы и есть муж госпожи Кристенсен-Ларсен?!

«Муж госпожи Кристенсен-Ларсен»?! Не просто «господин Шерлинг», а чей-то муж?! Стоп, Йося! Такому не бывать! Мои женщины – жены или возлюбленные Шерлинга, а не наоборот! Я был, есть и всегда буду сам по себе - Шерлинг!

На следующий день мы с Иосифом отправились в Фронгер-парк, или, как чаще называют, «парк Вигеланна» - по имени его архитектора и скульптора

Пройдя по мосту, по обе стороны которого темные изваяния обнаженных людей стоят в таких экзотических позах, что «Камасутра» просто бледнеет, мы очутились в окружении прекрасных, из бронзы и гранита скульптур голых мужчин и рубенсовских женщин. Чем они только не занимаются! Не подумайте, что ... хотя порой и похоже.

Постояли у фонтана со скульптурами детей, прячущихся среди каменных деревьев. Поднялись по лестнице на холм к центральному восемнадцатиметровому, олицетворявшему собой стремление людей к солнцу и борьбу за жизнь гранитному Монолиту с высеченными на нем сотнями переплетенных между собой человеческих тел.

Густав Вигеланн изваял свыше тысячи скульптурных фигур, скомпонованных вокруг Монолита: любовные свидания, ссора, счастливая многодетная семья, одинокая мать, на которой дети ездят, как на лошади, пожилая пара, подводящая итоги прожитого... Подлинное чудо, созданное руками талантливого скульптора-подвижника, оказалось мне настолько близким, что, переходя от одной скульптурной группы к другой, я мысленно выстраивал хореографические

композиции и мизансцены. Так, оказавшись во власти творческой ауры, исходящей от бессмертных произведений Вигеланна, воскресали и мои *собственные творческие силы*.

Я все думал о моем новом знакомом. Пройдя все круги ада, победивший смерть, голод, холод, жуткое одиночество и никчемность, он сумел сохранить чувство достоинства и волю к жизни.

А я... К черту депрессию! К черту одиночество! Переживания! Подняться! По той самой лестнице, к подножью которой низвергнут обстоятельствами и пигмеями. Утратил способность творить? Подчинять себе артистов? Зрительный зал?! Нет, нет и нет! Мне нужна аудитория! Немедленно, сейчас же!

И ею стал бедолага Йося.

Во время обеда в очередном «вкусном» ресторане, я распустил свой «павлиний хвост». Сдабривая рассказ иностранными терминами, говорил о спектаклях, своей театральной школе... Йося с восторгом слушал, хотя, уверен, мало чего понимал.

Сверившись с часами и убедившись, что время трапезы за тещиным столом миновало, решил вернуться домой. Но не один, с Йосей. Он поначалу растерялся:

- Не уверен, что это удобно...

- «Удобно»? – возмутился я. – Вы – мой гость! – и вручил ему очередную плату за пользование такси: максимальный размер йосинового ежедневного заработка уточнил вскоре после знакомства.

Остаток дня провели в моем кабинете. Я рассказывал, показывал целые куски из спектаклей КЕМТа. Напевал идишские песни, аккомпанируя себе на пианино. Разворошил

свой архив и достал несколько фотографий мизансцен спектаклей... Короче, обрушил на своего единственного слушателя, олицетворявшего сейчас «зрительскую аудиторию», непосильное бремя эмоций,

И к стыду своему упустил из виду, что «мой театр» для Йоси – драгоценный, но утраченный навсегда счастливейший пласт его жизни. Что идишскую колыбельную, с чувством исполненную мною, пела, убаюкивая сына, его мать. Что задорную «Лехаим» отплясывали гости на свадьбе старшей сестренки... Но нет больше ни дома, в котором звучали эти песни, ни людей, которые их пели и слушали...

Сгорбившись в кресле, опершись локтями о колена, спрятав в ладони лицо, Иосиф беззвучно плакал.

- Что с вами? – спохватился я.

- Даже поехать... узнать, как это случилось с ними... не имею права... Поклониться могилам, если они есть... Для СССР я - бывший военнопленный, дезертир и подлежу суду военного трибунала. Вот и живу под фамилией жены...

Путру меня разбудил телефонный звонок:

- Дрыхнешь? Бездельник!

- Ганс! Ты? Где?

- В Осло. На недельку.

- Всего-то...

- Двадцать минут тебе на умывание и одевание.

Заеду. Махнем ко мне на дачу.

И об этой поездке я рассказал маме в очередном письме:

«Ганс появился ровно через двадцать минут, как обещал. И мы укатили на его дачу. Едем по

Осло, затем пригород. Все друг другу улыбаются. Пешеходы на красный свет стоят. Почему стоят? Ведь машин нет. А пешеходы стоят. Ну, конечно! Эти мелкие буржуа, когда видят *наш* красный свет, останавливаются как вкопанные. Их охватывает шок и... Они стоят. А мы едем дальше. Красотища дивная! Я друга моего за руки дергаю: не гляди по сторонам, сейчас «гаишник» выскочит. А Ганс ржет: не бойся! А чего мне бояться, да еще гаишников. Я их у себя дома тоже не боялся. «BMW» словно вливается в асфальт. Пытаюсь Ганса урезонить: «Не спеши, рессоры поломаешь, в яму попадешь». А он в ответ: «У нас ям на дороге не бывает!». Спрашиваю: «Где ГАИ?». А он: «Нет ГАИ. Police у нас в кино, а на дорогах, когда мы их вызываем.»

Ну, бездельники! У них полицейские не хотят работать. То ли у нас! Каждый десятый – милиционер, каждый двадцатый – дружинник. Все следят за порядком. Все следят друг за другом. Сами себя, так сказать, окупают. Вот *это* экономика! А здесь? .. Ехали-ехали, ни одного полицейского и, даже не поверишь, ни одной аварии.!

Море! Дивное северное море! Солнце почти в зените!

Улыбается, Приветствует меня. Мир входящему!

Легкий завтрак, знакомство с любовницей друга, его двумя очаровательными детьми, и

вся компания дружно отправляется на море. Да! На самое синее море. Море северное, море холодное.

... Отыграюсь-ка я за все свои впечатления. «Где, - спрашиваю Ганса,- твоя вилла в два этажа? В чем твое превосходство над нами? Есть ли талон без права задержания на машину, телефон и т.д.?» Смеется мой друг. Тьфу, черт! Опять этот смех. А я и забыл, как смеются. «Телефон, - говорит Ганс, - мне не нужен, когда отдыхаю, надо забыть все, чем занимался целый год. Друзья и сотрудники не беспокоят меня. Двухэтажная дача не нужна. Ее трудно убирать. И, главное, - мы всегда руководствуемся целесообразностью, а не показухой. У нас, в Норвегии, занимаются своим делом по призванию, а не из желания быть high-классом, и дорожат местом по убеждению, а не из-за боязни потерять льготы».

Два чудесных дня на море, и Ганс командует:

- Все.. Возвращаемся в Осло. В 14.00 нас с тобой ждут на ТВ. Твое интервью в прямом эфире. Заеду в двенадцать.

- Как – «в прямом»? А репетиция?

- Это тебе-то?

- Вопросы-ответы – они ж не утверждены? Цензура... Приемка...

Опомнись, Юра! - рассмеялся Ганс. – Ты где? Спрашивай и отвечай что заблагорассудится. Но... не призывай к свержению монаршей власти и не отзывайся о ней

неуважительно. Подданные Норвегии любят своих королей. Для тебя очень важен этот эфир.

- Но, Ганс, хватит ли мне денег оплатить его?

(У нас такой эфир уже тогда стоил бешеных денег).

- В Европе, брат, иные порядки: ТВ платит приглашенному, а не наоборот, как в Союзе. Твой гонорар – тысяч, эдак, десять.

Ничего себе гонорарчик! О таком и не слыхивал! «Проклятый капитализм»! Еще одно интервью - и куплю «мерседес»!

Эфир прошел прекрасно. Я был в ударе. Рассказывал о спектаклях КЕМТа, драматургии, наигрывал на фортепьяно, показывал старинную еврейскую музыку, песни. Мне на задавали скабрёзных вопросов, не интересовались моими политическими взглядами, преследовался ли антисемитами, да и есть ли они вообще в СССР... Не расспрашивали о диссидентах, политзэках, голодных стариках и беспризорных детях... Это была творческая беседа компетентных, не политизированных, доброжелательных людей.

Мы – другие; только собираемся жить «при», а они уже живут, хотя и не при «солнечном коммунизме», а при короле, но очень даже неплохо.

Интервью остались довольны и телевизионщики, просившие не забывать их (хотя конкретного приглашения не последовало), и Ганс, и даже моя теща.

Из Москвы позвонила Маритт; об удачной телепередаче ей сообщили из Осло коллеги:

- Так держать, Юрий! Лиха беда начало! Скоро прилечу в Осло, и мы отправимся в «The Norske Theatrets», тебя там по-прежнему ждут.

Но самым восторженным зрителем был таксист Иосиф. Я успел предупредить его о телепередаче, и он, в ущерб своему рабочему времени, а следовательно, и заработку, заехал к себе домой, чтобы посмотреть.

- Точно так когда-то пели и *они*, - рассказывал он по телефону, - так же звучала *наша* музыка. Неужели она пропадет? Нет, вы не допустите, я знаю. Да, еще. Вспомнил две бабушкины песни и постараюсь напеть их вам.

Похоже, Йося был едва ли ни единственным евреем в Осло, знавшим идиш.

Не удивительно, для норвежских евреев идиш никогда не был родным языком, как для евреев немецких, румынских, польских, российских. Евреи Норвегии говорят по-норвежски, а религиозные обряды справляют на иврите, на нем же ведется обучение в иешивах.

Будет ли здесь, в Норвегии, востребован мой богатейший творческий багаж идишской культуры? Не только норвежцы, но и норвежские евреи не знают, что это такое – «штеттеле» (еврейское местечко), в Норвегии их сроду не было. Но здесь знают и помнят о квислинговских гетто времен Второй мировой. Зато о них очень мало знаю я. Выходит, мой «идишский репертуар» одинаково не поймут ни норвежцы, ни норвежские евреи, как если бы я говорил с ними на языке суахили, одинаково непонятном и тем, и другим, на темы одинаково им непонятные.

Отречься от всего, чем жил последние годы? От «еврейской темы»?.. Что еще прочно живет во мне? Посвятить свое творчество общечеловеческим проблемам?..

Но меня толкают на прежнюю стезю – постановку пьесы «Гетто». Других предложений от норвежских театров не получаю.

После выступлений на ТВ целая свора репортеров и папарацци названивала мне по телефону, подкарауливала в вестибюле дома, у подъезда. Не в пример телевизионщикам, задавали далеко не корректные вопросы о личной жизни, отношениях с Маритт, причинах отъезда из СССР, провоцируя при этом на сенсационно-скандальные ответы.

Мне было что рассказать, о наших порядках там, в России. Дома не раз позволял себе самые резкие суждения. Но на чужбине придерживался мудрого правила: «сор из избы...». Шаблонные слова: «Родину, как и родителей, не выбирают», но точнее не скажешь. Хулить страну, в которой родился? Никогда! Много, очень много горестей и страданий довелось мне пережить. Но разве не был и счастлив на моей земле, где слышал свою музыку, увидел свои спектакли, любил своих женщин, «стал Шерлингом»,?..

Твердо решил: в личную жизнь посторонних не впускать. С журналистами обсуждать исключительно темы творчества. О Родине – ни одного худого слова, как это делают некоторые в погоне за популярностью. Ну и, естественно, интерес СМИ к моей персоне сник, имя временно исчезло со страниц норвежских газет.

Не купил я и мерседеса. После того, как 50 процентов гонорара выложил в Госказну (налог!), расплатился с

аккомпанировавшими мне музыкантами, продюсером («нашим братом» Генриком) и переводчиком – Гансом Штейнфельдом (таков он – «бесхалывный» капитализм: хоть родственнику, хоть приятелю - отдай положенное), остались какие-то гроши. Хорошо, не пришлось лезть в мой и без того тощий кошелек.

- Бесконечно рад, что ты, наконец-то, вырвался из «советского рая», - сказал мне Ганс, уезжая. – Но должен огорчить: в Норвегии реализоваться как режиссеру или хореографу будет нелегко. Страна небольшая, однонациональная – 98 процентов - норвежцы. Посторонних впускают в свою среду неохотно. Твое «еврейство», не в пример России, здесь не помеха, минус другой: *ты не норвежец.*

Зверски устал от борьбы из-за того, что нерусский. За право на полноценную жизнь и творение. И здесь, выходит, снова борьба? На этот раз, из-за того, что ненорвежец?!

Борьба?!

Что ж, я готов!

Но с кем?

С ветряными мельницами?

Но я не Дон-Кихот!

Хотя и преклоняюсь перед Благородным Странствующим Рыцарем.

Гл. II-4

«ВЕЛИКИЙ ХОРЕОГРАФ»

Анечкин загранпаспорт и другие выездные документы готовы. Ей стало получше. Врачи, опасавшиеся ранее, что ослабевший ребенок не выдержит двухчасового перелета, дали «добро», и Маритт купила авиабилеты. Время для

встречи с дочкой я уже отсчитывал не на дни, а на часы. Сегодня Маритт заберет девочку к себе домой, не вести же из больницы и – в самолет. А через сорок восемь часов они вылетят.

Маритт обещала позвонить, едва привезет Анечку к себе на Ленинский. А звонка всё нет и нет. Наконец! Срываю трубку:

- Понимаешь... - глухой голос Маритт.

- Что?! – ору в тревоге.

- Успокойся! Жива, здорова.

- Где?! – с трудом выдыхаю.

И снова:

- Понимаешь... Приехали тамарины родители прямиком в больницу. Дед на меня стеной: «Кто такая?! Убирайся! Ни в какую вашу «ОСЛиню неметчину» Аня не поедет!».

Попыталась объяснить: девочка нуждается в грамотном лечении, поедет к отцу... «К Юрке?! Супостату?! Не пущу!»

Анечка в рёв. Повисла у деда на шее. Пришла Тамара...

Короче, ребенка увезли в деревню.

- И ты?!..

– Драться?.. - обиделась Маритт.

Швырнул на рычаг трубку, расколов пополам.

Разве не надежда вылечить дочку в европейской клинике заставила меня принять окончательное решение об отъезде? Что в результате? Я – в Осло, а больной ребенок снова в деревенском доме с вонючим сортиром. И я бессилён что-либо изменить. По праву матери командует Тамара.

Теперь я с нетерпением ждал Маритт. Без нее сейчас не обойтись! «The Norske Theatrets» готов подписать со мной

контракт на постановку спектакля «Гетто» по пьесе израильского драматурга Йешуа Соболя, и я смогу наконец заняться *своим делом*.

Соприкосновение с гениальными творениями Вигеланна словно вырвало меня из тягостного плена депрессии и суетных терзаний о будущем.

Не знаю ни замысла, ни сюжета пьесы, лишь название – «Гетто», а это столь близкая мне *еврейская* тема. Творческие идеи уже одолевают, будоражат, не дают покоя. Хоть сейчас за работу! Но, как?..

Без переводчика – «глухонемой». К тому же кто-то должен представить меня худруку, директору театра.

Нет, без помощи Маритт не обойтись! А она, черт возьми, застряла в Москве. Возится там с какой-то телепередачей.

И когда она неожиданно появляется на Tomas Heftyes gate, 62, встречаю ее односложным:

- Поехали! – И снимаю с вешалки пиджак.

- Куда, мой гений? – ее ироническое подтрунивание злит меня, а ей это нравится.

- «Куда»?! – возмущаюсь. – В «Norske»!

- Умыться с дороги? Поздороваться с мамой?

- После, после, - уже застегиваю пиджак.

- А пописать? Сейчас? – юмор не изменяет Маритт.

- Но не долго, - милостиво соглашаюсь на полном серьезе.

Маритт хохочет, уходит к себе и не появляется так долго, что я, потеряв терпение, начинаю барабанить кулаком в запертую дверь. Когда же она отворяется, взрываюсь от злости: Маритт в белом купальном халате, в руке фен, сушит мокрые волосы, будто нельзя было вымыть их в Москве.

Наконец, выезжаем.

Израсходовав на Маритт запас «борцовой агрессии», смиренно сижу на заднем сидении машины. Но не молчать же всю дорогу!

- Объясни, почему норвежский театр вдруг решил взяться за постановку «Гетто»? Разве «еврейская тема» интересует норвежцев? Насколько знаю, евреев в стране немного.

- Не более тысячи, и почти все в Осло, - объясняет Маритт. - До Второй мировой было вдвое больше. Еврейская община - старейшее иммигрантское сообщество в нашей стране. Норвежцы доказали это, когда грянула война. Ты, «главный еврей Советского Союза», не знаешь, что недаром Яд Ва Шем* признал «Праведниками мира» не пять, не десять конкретных норвежцев, а всех жителей Норвегии? :

- Но и у вас хозяйничали фашисты...

- Да, квислинговцы.

И Маритт прочла мне маленькую общеобразовательную лекцию:

- Нейтралитет на Скандинавском полуострове удался

*Мемориальный музей в Израиле в память о жертвах Холокоста во 2-й Мировой войне

сохранить только Швеции. В Норвегию же немцы вторглись внезапно еще в апреле 1940-го, вскоре после того, как Великобритания объявила войну Германии, оккупировавшей Польшу. Гитлер и не предполагал, что встретит здесь такое сопротивление национал-социалистскому режиму.

Фашистское правительство Квислинга поддерживало максимум два процента населения. И когда в 42-м Гитлер потребовал от Квислинга «окончательного решения еврейского вопроса», бойцы Норвежского Сопротивления,

рискуя собственной жизнью, стали тайными тропами переправлять евреев в нейтральную Швецию. Спасти, таким образом, удалось 900 человек, 770 евреев нацисты отправили в лагеря смерти. А ты, Юра, спрашиваешь, может ли «Гетто» Соболя заинтересовать норвежцев?

...Маритт притормозила машину у служебного входа в «The Norske Theatrets», но я попросил:

- Зайдем с главного. Хочу с «вешалки» увидеть театр, где мне предстоит работать,

- Ты здесь еще не был? – удивилась она.

- Ганс обещал пойти со мной, да не успел. Был только в «Оперном». Прекрасный театр!

- У нас все театры прекрасные! И все финансируются государством*.

...Директор театра принял нас весьма любезно. Задал

*Запомнил названную Маритт сумму, которую, госбюджет Норвегии выделял тогда на исполнительские виды искусства, Помню, она потрясла меня своим размером. Сегодня в Норвегии, с населением до четырех миллионов жителей, 17 театров, на их содержание государство ассигнует 112,5 миллионов евро. Баснословная по российским меркам цифра!

мне несколько банальных вопросов, сказал, что рад предстоящему сотрудничеству с «таким известным русским режиссером», то есть со мной, и, выразив уверенность, что оно будет плодотворным, принялся болтать с Маритт, словно позабыв обо мне. И я понял: наш диалог с «Norske» как бы «семейный», главная в нем - королевских кровей популярная в Норвегии журналистка Маритт Кристенсен-Ларсен. Я же – «известный», «знаменитый» ее экзотический муж из чужой России. Ничего, начну работать, увидите, кто я – «муж» или «сам»!

Наконец мы простились с директором, передавшим нас в руки своей сотруднице, она, догадываясь, должна была куда-то проводить.

- Куда мы идем? Объяснишь?! – спросил у Маритт.

- Знакомиться с режиссером спектакля Ингеборг Сэм.

- «Режиссером»?! Но спектакль буду ставить я?!

Маритт взяла меня под руку, успокаивая:

- Ставить решила жена финансового директора театра, тебя же приглашают хореографом. Поверь, для начала, к тому же, в «The Norske Theatrets», совсем неплохо.

- Плохо ли, хорошо ли, решать не тебе, - огрызнулся я, но уже на «полтона ниже»: выбирать-то не из чего.

Режиссер-постановщик спектакля «Гетто» Ингеборг Сэм, дама лет пятидесяти, встретила нас довольно сдержанно, хотя и не преминула обняться с Маритт, выражая ей тем самым свое расположение. Меня же исподволь разглядывала.

«Гетто» уже перевели с иврита на норвежский, но для нас не оказалось свободного экземпляра. И фру Ингеборг с помощью Маритт вкратце пересказала мне содержание пьесы.

Литва, 1941-й год. У коменданта Вильнюсского еврейского гетто немца-нациста имеются два кофра. В одном хранится автомат, в другом – саксофон. В зависимости от настроения фашист использует то один «инструмент», то другой. Плохое, – достает автомат и палит из него по евреям, попавшимся под руку. Хорошее, – достает саксофон, начинает играть, и гетто превращается в бордель. Охранники вытаскивают из бараков евреев и заставляют их танцевать, насилуют у всех на виду еврейских девушек и женщин.

Вот эту самую «Вальпургиеву ночь», эту вакханалию дикой диссонансной музыки, пьяных криков, воплей и рыданий несчастных предстояло мне, хореографу-балетмейстеру, поставить на сцене. Задача не из легких, что меня не пугало, и небезынтересная.

В норвежских, как и в подавляющем большинстве других европейских театрах, нет собственных постоянных трупп, их набирают по конкурсу. Нет даже понятия «репертуарный театр». И «The Norske Theatrets» объявил конкурс на роли в спектакле «Гетто». Конкурс предстоял и мне. Лишь после того, как я продемонстрировал свои профессиональные знания и умение работать с актерами, со мной подписали контракт как с хореографом-балетмейстером «Гетто», назначив гонорар 50000 крон.

По каким критериям фру Ингеборг отбирала артистов, понять не смог. Так, на роль коменданта она приняла кривоногого, неуклюжего громилу с ручищами, заросшими звериной шерстью. А ведь и ему предстояло танцевать в «Вальпургиевой ночи»! На мои попытки что-то подсказать, посоветовать вообще не реагировала.

- Угомонись, - остановила меня Маритт, - здесь командует Ингеборг... . Не вздумай давать ей советы. Твоя задача исключительно хореография, балетная подготовка труппы, которую она подберет.

Я было «вздумал», но вскоре махнул рукой: здесь у каждого своя строго отведенная ему роль и вмешиваться в нее не дозволено. Убедился в этом окончательно, когда приглашенный из Праги великий сценограф Йозеф Свобода попытался было во время репетиции внести свои поистине гениальные коррективы в постановку спектакля. Мило

улыбаясь, фру Ингеборг лишь заметила, что «пьесой такое не предусмотрено».

Что требовать от этой «фру», когда она не режиссер, а примитивная разводящая!

Вспомнилась работа с Ильей Глазуновым. Я ловил каждое его слово, учился его мудрости, творческому опыту...

Я был уверен: приглашая хореографа-иностранца, дирекция театра позаботится о переводчике, причем, специфическом – театральном. Да не тут-то было! Беретесь за работу с труппой, не зная языка, на котором она играет? Ваши проблемы. Приглашать переводчика-профессионала за свой счет не хватило бы всего моего гонорара.

Несколько дней помогала Маритт, но даже она, в совершенстве владея русским, затруднялась с переводом театральных текстов так, чтобы мое общение с актерами происходило на понятном им профессиональном языке. Не зря же российские режиссеры, уезжая за границу ставить спектакли, берут с собой своих переводчиков.

Когда Маритт уехала, мне стало совсем туго: общаться с артистами приходилось теперь исключительно посредством движений, жестов, показа, восклицаний. Все классические балетные па на всех языках называются по-французски. Приступая к работе, мечтал: научу актеров новому, передам им свой годами наработанный опыт. В ответ: «Спасибо. Мы достаточно знаем». Говорю, показываю: «Вот здесь вы должны летать под потолком». «Спасибо. Не надо. Воздух стоит денег. И так хорошо...»

«И так хорошо» - лейтмотив всех репетиций.

Хорошо?.. Возможно. Для них. Но не для меня. Отдаваться могу только по любви. Без нее не интересно. Не получается. Угасает страсть к творчеству. Сейчас же, ремесленная работа за деньги. **И пропадание любви к театру, к творчеству.**

Не стану перегружать вас, читатель, подробностями моей работы над «Гетто», она не принесла мне ни радости, ни вдохновенья, ни творческого роста. Репетиции регламентировались двумя составляющими: временем и деньгами. Когда я попытался провести с артистами балетный класс, последовал ответ:

- Репетиция длится два часа, в два часа одну минуту мы уйдем. Хотите заниматься классом, платите дополнительно.

- Но для того, чтобы танцевать, надо регулярно хотя бы разминать свое тело, - пытался объяснить я.

- Где и как мы будем этим заниматься, вас не касается.

Кто б из наших актеров посмел так ответить хореографу?!

Меня «касалось» только то, что укладывалось в рамки ежедневных двухчасовых репетиций, оговоренных контрактом артиста с театром. И не более того. Никаких других взаимоотношений с труппой, «единого организма», «дружной семье». Однако, к концу репетиций, длившихся всего два месяца, артисты вполне достойно исполняли свои роли. А секрет прост: по конкурсу прошли актеры, способные играть конкретные роли. Порой, не отмеченные талантом, они, однако, были, как правило, высокопрофессиональны. Не владеющий профессией – не суйся!

Спектаклю предстоит жить не пятнадцать лет, как в «Маяковке», а всего две-три недели. Для маленького Осло

вполне достаточный срок, в течение которого окупаются все затраты на постановку.

«The Norske Theatres» еще только приступал к репетициям «Гетто», когда в журнале «Estrad» появилась статья с моей фотографией. Под ней подпись: «Русский еврей Юрий Шерлинг, создатель и руководитель Еврейского музыкального театра в Москве, хореограф спектакля «Гетто» в «The Norske Teatrets». И ни слова о том, что я – «бывший», и почему «бывший». Все эти наши «антисемитские преследования» и связанные с ними интриги здесь никого не интересовали.

1 марта 1986 года состоялась премьера «Гетто». Билеты стоили очень дорого, но достать их было невозможно. Месяца два спектакль шел почти ежедневно при «битковых» залах.

Я купил для Иосифа и его жены билеты на премьеру, и видел, как он, сидя по соседству, не стесняясь, молча плакал.

А мне было неинтересно. Словно кто-то заставил смотреть чужой, дурно поставленный банально-серенький спектакль, в нем не было ни намека на мой творческий почерк, ни на величие русского психологического театра

Нет, участвовать в таком «искусстве» не соглашусь даже за баснословные деньги! Могу всего себя раздать, как это сделал в КЕМТе, но продаться...

Вконец опустошенный, недосмотрев последнего действия, покинул театр и уехал домой.

Улетел в Нью-Йорк Ганс, вернулась в Москву Маритт. Оставшись один, я задыхался от одиночества и безделья еще больше, чем в первые недели пребывания в Осло. Тогда меня хотя бы занимал незнакомый город, первая в моей жизни «заграница». Теперь уже сам мог стать первоклассным русским гидом по Осло. Исколесил его вдоль и поперек, осмотрел, кажется, все существующие достопримечательности. В «Норске» по-прежнему ежевечерне давали «Гетто», и СМИ продолжали публиковать о нем восторженные рецензии, правда, обо мне уже ни слова. Я больше никакого отношения к судьбе спектакля не имел, а к работе над новыми не приглашали. Видимо, у нас с госпожой Ингеборг произошло взаимное отторжение.

Я снова впадал в депрессию. Она усугублялась катастрофическим обстоятельством.

Еще до отъезда Маритт, меня пригласили в «Норвежский оперный театр» и предложили написать рок-оперу на любую избранную самим тему. Они десятками роились в моей голове, а вот музыка.... Мне слышались обрывки каких-то мелодий, музыкальных фраз, но стоило сконцентрировать на них внимание, как они мгновенно улетучивались. Старался поймать их, вернуть в свою память, садился за фортепьяно, перебирал клавиши, надеясь, что исчезнувшие музыкальные звуки сами потекут из моих пальцев... И, ужасаясь, понял: я перестал слышать рождавшуюся во мне собственную музыку! Не берусь с медицинских позиций объяснить свое состояние. Что это было: то ли какая-то особенная внутренняя глухота, то ли Господь лишил меня драгоценного дара творить музыку?.. Надеюсь, что эта беда временная, не желая

отказываться от столь лестного и крайне необходимого в моих условиях приглашения, решил предложить худруку театра познакомиться с видеозаписью спектакля КЕМТа «Ломир але инейнем» («Давайте все вместе»), который мог бы транспонировать для норвежской сцены.

Маритт, стараясь обеспечить поддержку этой задумки, познакомила меня с одним из столпов норвежской музыки, композитором и дирижером Энгелем мон Иверсом. Он с интересом посмотрел записанные на видеопленку спектакли КЕМТа «Последняя роль», «Уздечка», шоу «Ломир». Его реакция была неожиданной:

- Вы никогда не найдете места в норвежском театре!

Вскоре, выходя из дома, я увидел на его цоколе намалеванный черной краской призыв: «Норвегия для норвежцев!» В Москве малевали: «Россия для русских!» и «Бей жидов!». Здесь «жидов не били», а не ко двору приходился любой ненорвежец. «Лозунг» с нашего дома вскоре смыли, но тот, кому он предназначался, то есть я, его увидел и понял: норвежцы перекрыли мне дорогу в свой творческий мир.

Чтобы как-то скрасить мое одиночество, Маритт оставила мне свой «мерседес». Йося подсказывал интересные маршруты, и я путешествовал по Норвегии. Случалось, брал в поездку тещу. В дороге мы пытались разговаривать, хотя почти не понимали друг друга. Однако, каждая такая «беседа» становилась для меня наглядным уроком норвежского.

До глубокой ночи я не отходил от радиоприемника, настроенного на волны «Голоса Америки» и «Свободной Европы», которые здесь не глушили, как в СССР, узнавал

многое из того, что там скрывалось. Узнал, например, что горбачевская перестройка, хотя и всколыхнула страну, однако одновременно с вышедшими из подполья диссидентами, расправившими плечи демократами, элита ушедших в подполье «русаков» из запрещенной Андроповым «Русской партии» и нынешней юдофобской «Памяти» по-прежнему прочно удерживала руководящие посты во многих СМИ. Аналогичная ситуация закрепились и в большинстве творческих союзов, хотя членом Политбюро ЦК КПСС стал идеолог перестройки истинный демократ Александр Николаевич Яковлев.

Вся эта необычная жизнь, насыщенная новыми политическими и творческими коллизиями, бурлила вдали от меня. Решались судьбы страны, людей, творческих проектов. А я в это время, разыгрывая роль благополучного буржуа, разъезжал по Норвегии или, прильнув к радиоприемнику, переживал происходящее на Родине при помощи радиоволн «вражеских голосов». Всеми фибрами души рвался в Москву, хотя и сомневался, что даже сейчас найду там свое место.

Ночью 15 декабря 1986 года «голоса» сообщили, что Михаил Горбачев позвонил в Горький Андрею Дмитриевичу Сахарову, которому предварительно поставили телефон. (академик был лишен его все годы ссылки), и предложил вернуться в Москву.

...В памяти всплыл декабрьский вечер 1976-го. Заснеженная «горка» у Московской Хоральной синагоги... Сутуловатая фигура высокого мужчины в меховой шапке-ушанке, вышедшего из двухместной иномарки – Андрей Сахаров, приехавший на очередную конференцию участников Еврейского движения сопротивления*

Ранним утром, бросив на ходу горничной слово «Москва» и помахав при этом руками, словно крыльями, я покинул дом Маритт и, наняв такси, отправился в аэропорт.

И лишь когда лайнер рейса Осло-Москва уже взлетел, я подумал, что совершаю безумство, И меня вновь обуяло чувство животного страха, как год назад, когда пересекал воздушную границу СССР, направляясь в Норвегию. Что-то ждет в Москве? Тюрьма, лагерь, принудительная высылка за границу с лишением советского гражданства, физическая гибель?.. Услышав объявление, что самолет совершает посадку в «Шереметьево-2», буквально впал в ступор.

Но в аэропорту не схватили, не посадили в каталажку, не застрелили. На меня вообще никто не обратил внимания, кроме... Маритт. Видимо, теща сообщила ей, что я улетел в Москву.

- Хоть бы позвонил, ненормальный!

- Хотел сделать тебе сюрприз, - отшутился я.

- Считай, сделал, Но почему ты вдруг сорвался, не посоветовавшись?

- Не выдержал. Год в клетке.

- Но клетка-то золотая, - парировала Маритт.

- А здесь ждет железная? - Ничего плохого тебя не ждет, - успокоила Маритт.

— Но, боюсь, и тебя нигде не ждут.

* Подробнее об этом в первом томе моей книги.

- Посмотрим! — задиристо ответил я, открывая перед ней дверцу ее персонального «мерседеса»: - Прошу, мадам!

...Плотные декабрьские облака грозились снегом, и от этого город казался хмурым, неприветливым, как и сами москвичи, старавшиеся укрыться от ледяного ветра в меховых воротниках своих пальто и шуб, шапках-ушанках. На дворе минус двадцать и никакого тебе Гольфстрима!

Почему решил, что Москва встретит меня ярким, солнечным днем, и все москвичи будут умирать от счастья, узнав, что Шерлинг вернулся?!

Мы проехали почти полпути – от Шереметьево до Ленинского проспекта, а я все не отрывался от окна. В какой-то момент поймал себя на том, что разглядываю родную Москву как бы сторонним глазом. Будто впервые видел снежные с человеческий рост сугробы на обочинах дорог, неочищенные, скользкие тротуары, стандартно одетых москвичей, обшарпанные стены десятилетиями не отремонтированных домов, толпящихся на остановках людей, берущих на abordаж переполненные автобусы и троллейбусы, вереницы разноцветных, но один в один, «Жигулей», в ряды которых изредка по-барски вклинивались «Волги». Нет, перестройка, пробудившая к активной жизни прогрессивные политические и общественные силы, о чем так подробно вещали «голоса», ничем не сказалась на внешнем облике столицы - серой, холодной, озабоченной. Такая Москва мне не нравилась. Но жить хотелось только в этом внешне непривлекательном, но единственно родном городе.

Наконец, мы приехали. Маритт, взглянув на часы, ахнула: «Опаздываю в посольство на брифинг». И умчалась.

Меня встретила мама. Она давно переселилась к Маритт, и они очень даже ладили. Не поинтересовавшись причиной моего неожиданного возвращения в Москву, повелела

вымыть с дороги руки и поторопиться на кухню, чтобы не остыли котлетки.

«Мамины котлетки!» Их вкус помню и поныне. В детстве называл их «колбасными», видимо из-за чесночного запаха. Мог съесть с десяток, но получал в лучшем случае две, чтобы хватило на завтра и на послезавтра...

Молодец, мама! Она поставила передо мной на кухонный столик всю сковородку. Я с жадностью опустошил ее, даже вытер дно хлебом. Так и не привык к тещиным фирменным норвежским «фариколем» - мясу в капустных листьях.

...Армена Джигарханяна, из чьих уст рассчитывал услышать объективную оценку перемен в стране, и, в частности, театральном мире, в Москве, не оказалось. Пользоваться же слухами и домыслами не хотело. И я отправился в ресторан ВТО «на людей посмотреть и себя показать».

Любопытно, как коллеги и знакомые встретят не «бывшего», а приехавшего из-за границы «супруга норвежской принцессы – почти иностранца», к тому же, с легкой руки Игоря Ицкова, «наследника почившего в бозе миллионера дядюшки Сэма».

Официант («С приездом, Юрий Борисович!»), проводил к столику, за которым я обычно сидел когда-то, подал меню, принял заказ.

И этот знает, что уезжал. Хотя чему удивляться, в ВТО театральные сплетни становятся известны, когда они еще и не родились.

Вечерние спектакли в театрах заканчивались, и ресторан пополнялся завсегдатаями, привыкшими рюмочкой коньяка заканчивать здесь свой очередной день. Давние знакомые с любопытством таращились на меня, словно на привидение. Ограничившись сдержанным кивком, в лучшем случае репликой «Здравствуй!», старались сесть подальше.

Боятся... До истинной свободы в нашей стране еще очень далеко.

Уже закончил ужин, допил свой бокал, докурил сигарету, собрался, было, уходить, зная, что едва скроюсь за дверьми, не успею дойти до гардероба, начнутся бурные дебаты на тему: «Шерлинг вернулся в Москву – зачем и почему?» Но всю эту изнывавшую от любопытства, публику огорчило появление Ицкова. Я же несказанно обрадовался ему. Не сомневался, он-то непременно подсядет ко мне. Всегда было интересно с этим талантливым человеком, единожды признанным, но вскоре забытым советской системой. Думается, и ему было небезынтересно со мной.

Не ошибся. Окинув зал мгновенным оценивающим взглядом, Игорь Моисеевич направился к моему столику.

- Зачем пожаловал? – требовательно спросил он, даже не поздоровавшись. И когда я уже готов был заказать подскочившему официанту графинчик водки с закуской, спросил лишь рюмку коньяка и свой любимый салат-оливье.

- «Непьющий Ицков» - тоже веяние времени? - попытался сострить я.

В ответ он скорчил недовольную мину, значение которой понял позже, узнав, что у Игоря «задурило» сердце.

- За-чем?! – повторил Ицков.

- Тоска заела.

- По этой вот пошлости? - широким жестом он обвел сидевших в зале. - По драчке за власть криминала с комсомольскими «ребятками» и отцами-коммунистами? Это не для тебя и не про тебя.

- Но страна оживает...

- Пытается. Наши так называемые демократы-слабаки, беззубы, безвольны, разрознены, грызутся друг с другом. А коммунисты еще очень сильны и сплочены, так просто власть и миллиарды из рук не выпустят. На черта тебе эта свара ?!

- А театр? – с надеждой спросил я.

- Кому он нужен сейчас - театр твой? Народ обнищал, оголодал – ему б хлеба вдоволь, а не театральных зрелищ. Копейки платят артистам, и они бегут на любую халтуру, лишь бы подработать на жизнь. Может, лет, эдак, через десяток... Скажи-ка, у тебя есть обратный билет? Возвращайся-ка в Осло. Есть возможность, посмотри как живет нормальный западный мир, а не страна, взбесившаяся на обратной дороге от призрачного коммунизма.

Допив коньяк, Игорь неожиданно встал и, не прощаясь, ушел, словно и приходил-то сюда специально для того, чтобы высказать мне свой совет.

Выходит, в моей стране мне по прежнему ничего хорошего не светит? Но не сдаваться же вот так, сразу!

Еще в Осло из программ «голосов» о новостях культурной жизни в СССР узнал, что неподалеку от Павелецкого вокзала, вблизи Садового кольца, там, где обводный канал сливается с Москва-рекой, образуя полуостров между Краснохолмской и Шлюзовой

набережными, планируется грандиозное строительство крупного культурного центра наподобие французского «Центра Помпиду» и американского «Карнеги-холла».

- Знаешь, кто инициатор этого строительства? - спросила Маритт. – Михаил Шатров!

- Миша?! – ахнул я. – Что ж ты молчала?!

Она пожала плечами:

- Тебе-то что до этой стройки?

- Там запланировано строительство театральных залов.

Шатров мой давний приятель.

- Думаешь, один из залов он отдаст тебе?

...Нелегко назвать другого советского драматурга, столь популярного в шестидесятые-восемидесятые годы минувшего столетия, как Михаил Шатров. Его пьесы «Чистые руки», «Шестое июля», «Так победим!», «Большевики», «Синие кони на красной траве», «Диктатура совести», «Брестский мир», и другие шли с огромным успехом во всех ведущих театрах Москвы, Ленинграда, в большинстве других советских театров и стран Варшавского договора. Пьесы и киносценарии Шатрова печатались в толстых журналах, выходили отдельными изданиями, в сборниках. Божьей милостью драматург, Шатров к тому же был необычайно плодовит. Говорю «был», потому что он замолчал после того, как одновременно с горбачевской перестройкой началась дружная ревизия целой эпохи в жизни нашего государства, зачастую не в угоду исторической правде, а в погоне за дешевыми сенсациями, приносящими барыши. Незадолго до моего приезда в Москву, Шатрова избрали секретарем Союза театральных деятелей РСФСР.

Миша встретил меня тепло, радушно:

- Слышал, ты женился на иностранке. Живешь за границей? Где?

- В Осло.

- Норвегия... - задумчиво проговорил он, - «тесная» для Шерлинга страна... - И вдруг оживился: - В культурном центре, который мы выстроим, запроектировано театральное здание. – И заключил, словно принял решение: - Там будет и твой театр. Обещаю! А пока возвращайся в Норвегию. Здесь, в этом сегодняшнем «воровизме», ты, Юра, со своим максималистским норвом погибнешь или запачкаешься. - Миша записал телефоны Маритт в Москве и в Осло: - Позвоню.

- Долго ждать-то?

- Загвоздка в средствах. Но я их достану! И сразу позвоню.

Я рассказал Маритт о разговоре с Ицковым и Шатровым. О том, что оба советовали мне вернуться в Осло.

- Правильно. Нечего тебе сейчас здесь делать, - одобрила она, - дерьма ты уже нахлебался. - И предложила:

- Поезжай-ка в Лондон. Закажу отсюда гостиницу и курс учебы в школе английского языка, без него деловому человеку не обойтись. Потолкайся там среди англичан. Посмотри, как живет Европа.

Позже я не раз задавался вопросом: почему тогда, в январе 1987-го, не остался в Москве? Не было работы? Ее не оказалось для меня ни в Норвегии, ни в Англии, ни позже в Израиле и США.

Почему я не ринулся в гущу событий? Я в этом

месиве участвовать не желал. Не видел ни одной сильной личности, способной повести страну к демократии. Понимал, что подчинение воле единого диктатора и есть суть России, как бы перепрыгнувшей из феодализма в «казарменный социализм» и теперь пытавшейся вернуться в исторически закономерную фазу - капитализм, но подменив его «воровизмом».

Даже придумал виртуальный театр, мысленно раздав современным политическим и общественным деятелям роли классических литературных персонажей: Хлестакова, Городничего, Митрофанушки, Шейлока, Фальстафа... И уходил таким образом от действительности. Возможно, какое-то время я бы еще размышлял, философствовал, убегая от самого себя. Телефонный звонок, разбудивший меня спозаранку, расставил все точки над «і».

Хорошо знакомый, но забытый за последний год ненавистный голос с наигранной радостью произнес:

- Юрий Борисович! Ушам своим не верю?! Надолго ли? Или насовсем? А я-то к вам в Осло собирался. Проведать...

Это был Горин.

- Что? – взревел я. - В Осло?! Вы?!.

- Слышал, вы там неплохо устроились, даже работаете в театре. Может, сегодня повидаемся?

- Нет,- категорически отрезал я. – Улетаю на Луну, на Марс. Навсегда! Чтоб не «проведывали!» - Задыхаясь от гнева, швырнул трубку и, ворвавшись в комнату Маритт, объявил: - Уезжаю! Сегодня же! Сейчас же! Звони в Лондон...

Моих восьми английских слов вкупе с русско-английским разговорником, хватило, чтобы на такси доехать от аэропорта «Хитроу» до отеля на Мюзеумстрит и получить ключ от заказанного на мое имя номера – небольшого одноместного, тщательно прибранного и уютного. В камине, облицованном старинной изразцовой плиткой, горели коротенькие полешки дров. От их мерного потрескивания, тепла, исходящего от камина, веяло таким спокойствием, что хотелось придвинуть поближе глубокое мягкое кресло и, устроившись в нем, послать к чертям все свои тревоги и заботы. Но вместо этого я раздвинул тяжелые портьеры и отпрянул, ощутив себя на крыше поравнявшегося с окном ярко-красного двухэтажного автобуса.

В школе, куда меня определила Маритт, учились семнадцатилетние юноши и девушки неангличане, но уже владевшие разговорным английским. На их фоне я, сорокатрехлетний бородатый мужик, выглядел не только стариком, но и абсолютным идиотом, не понимавшим ни бельмеса и ничего не запоминавшим. На пятый день обучения мне стало плохо; на шестой – очень плохо; на седьмой – хотелось покончить самоубийством. Потребовал, чтобы преподавательница занималась со мной индивидуально. Получив категорический отказ, школу бросил. И упрямо решил: швырнули в океан, - выплыву!

Целыми днями бродил по Лондону, заходил в магазины, но не за покупками, а чтобы, призывая на помощь свой мизерный словарный запас английского, поговорить с продавщицами. В хорошую погоду часами болтался в парках, скверах, подсаживаясь к отдыхавшим на скамейках

пенсионерам или гулявшим с детьми мамам и беспардонно заговаривал с ними на немыслимой смеси русско-английского и жестов. И, представьте, не прогоняли, как назойливого проходимца, а доброжелательно подсказывали английские слова, поправляли произношение. Я разъезжал на автобусах, где окунался в гущу английской речи, заводил разговор с пассажирами, терпеливо выслушивавшими мое «косноязычие». А если, случалось, узнавали, что я русский, исподтишка с любопытством разглядывали.

По вечерам ходил в театры. Обменяв на фунты-«шерлинги» свои две тысячи долларов США, мог себе это позволить. Прежде всего, отправился в знаменитый Шекспировский театр «Глобус» на «Отелло». Восторгаясь классической игрой артистов, вслушивался в музыку английской речи, запоминал фразы как фрагменты из музыкального произведения, и напевал их вслух.

Умирая от восторга, смотрел мюзиклы «Кошки», «Моя прекрасная леди», раз десять - «Отверженные»... Возвращаясь со спектакля «Кошки», вспомнил запавший мне в душу эпизод:

...Было это в 1982-м. КЕМТ давал спектакль «Я родом из детства» в Москве на сцене «Олимпийской деревни». Зал – битком, билетов – не достать. А я пригласил на спектакль корреспондента английской газеты, кажется, «Санди экспресс», Уильяма (фамилию забыл), у которого когда-то купил «Вольво-Бертоне». Страсть как хотелось блеснуть искусством перед амбициозным и очень богатым англичанином, ездившим по Москве на одной из самых дорогих автомашин в мире «Бентли-39». Специально к этому вечеру – ожидаемому триумфу – заказал белый фрак на

малиновой подкладке, малиновый пояс, которым затягивал талию поверх брюк, малиновую бабочку к вороту белоснежной сорочки. Пижон, хотел удивить зрителей не только как режиссер спектакля и артист, но и своим внешним видом. И в первую очередь гостя, объездившего полмира.

Я был в ударе, зал - в восторге, сцена – завалена цветами и среди них Шерлинг в белом! Триумф состоялся!

После спектакля Уильям, попыхивая своей неизменной трубкой, стоимостью эдак в двенадцать тысяч долларов, скромно ожидал меня за кулисами. Пригласил его в гримуборную. Еще не выйдя «из образа», «не вернувшись со сцены», оглушенный аплодисментами, уверенный, что англичанин продлит мой триумф, откупорил дорогое шампанское, разлил его по хрустальным бокалам. Уильям, чокнувшись со мной, произнес немногословный, но запомнившийся мне на всю жизнь тост:

- За уникального режиссера и артиста! За уникальный профессиональный театр *провинции*!

Я опешил:

- Что?! Что вы сказали?!

- За уникальный провинциальный театр! - повторил Уильям незлобиво и осушил бокал. Увидев, что я, не пригубив, поставил свой на стол, добавил: - Вы замечательный режиссер, Юрий, у вас большое будущее, но вы еще не видели, что сделано театрами мира. Не обижайтесь!

В Лондоне я увидел. Впервые. И понял, что советские театры действительно живут в глубочайшей технической провинции. Что мы, со своими микрофонами на шнурах, когда артисту, чтобы станцевать, приходится овладевать поистине

акробатическими навыками, работаем на уровне начала века; на уровне «велосипеда», когда Запад уже не удивишь «мерседесом». Что в то время, когда я, напрягая изобретательность, работаю с «этажерками», на Западе существуют современные, не стеснявшие движений артистов радио-микрофоны и аппаратура, обеспечивавшая мастерскую игру звука и света.

Но при всем этом техническом великолепии, понял и другое: западный театр – не мой театр. Да, артисты – профессионалы высокого класса, но они просто развлекают зрителя, сказал бы резче – скоморошничают, хотя и делают это превосходно. В нашем, моем театре всегда важна идея, нравственный посыл, учительство, если угодно. Сравнивать эти две театральные школы - русскую и европейскую, все равно что сравнивать классическую музыку и попсу.

В театре случайно познакомился со старым графом из первой волны русской эмиграции. Распознав во мне соотечественника сразу же после того как я произнес «excuse me» («извините»), пробираясь на свое место в заднем ряду партера, он расположился ко мне и даже стал добровольным гидом по Лондону. Новый знакомый показывал мне достопримечательности города, ненавязчиво подсказывал какие следует - согласно английской моде носить воротнички, пиджаки, туфли, с какими набалдашниками трости... Заядлый театрал рассказывал подробности из жизни иммигрантов и театрального мира. От него узнал, что артистов в Лондоне пруд пруди, но в театрах играют лишь звезды, остальные подвизаются в ресторанах. Он же свел меня с миловидной, но далеко не юной актрисой и был искренне огорчен тем, что наш «роман» не состоялся.

Однако артисточка меня раззадорила, и я, мужик одинокий и в полную силу, решил отправиться в бордель. Никогда ранее в публичных заведениях не бывал, и меня, помимо всего, разбирало любопытство.

- С удовольствием составил бы вам компанию, молодой человек, но... - Старый граф, судя по прозрачным намекам, некогда завсегдатай подобных заведений, беспомощно развел руками и рекомендовал престижное на Грис-стрит – «Улице красных фонарей».

Хозяйка заведения приветливо встретила нового клиента-иностранца вполне респектабельного вида, вручила мне каталог с фотографиями girls, и, выяснив, что за сексуальные услуги буду расплачиваться наличными, обрушилась на меня градом новых вопросов, из которых я понял два: кого предпочитаю – девочку или зрелую женщину, что предполагаю с ней делать. И ознакомила с прейскурантом услуг.

В моем «мужском активе» немало женщин. Дарил им цветы, дорогие подарки, порой содержал, но никогда, никогда (!) не оплачивал «сексуальных услуг». И при одной только мысли о том, что сейчас должен их купить, стало так противно, что, буквально бежал из борделя.

В Лондон прилетела Маритт, и жизнь рядом с этой активной женщиной потекла по-иному.

Прежде всего, она взяла напрокат автомобиль. За руль, разумеется, уселся я.

- Справишься? В Англии правосторонка, а ты...

Смерил ее надменным взглядом: «вчерашний мальчик», что ли? Привычно сорвал машину с места, на скорости

проехал метров пятьсот до угла улицы, свернул вправо и... врезался в рекламную тумбу.

И норвежская аристократка на чистейшем матерном с лихим блатным акцентом констатировала:

- Пиз-дец!

- Думаешь?.. – растерянно переспросил я, машинально выключая зажигание.

- Уверена. – Невозмутимость даже сейчас не оставляла Маритт, а я едва не плакал, представляя размер штрафа, который придется заплатить за аварию.

- Что так переживаешь? – спросила она, осматривая вдрызг раздолбанное правое крыло. – Живы, целы. Слава Богу! Машина застрахована, а мы свой риск оплатили при аренде.

Из ближайшей будки телефона-автомата она позвонила на фирму, и вскоре нам прислали другой автомобиль. Теперь за руль уже села Маритт. Она показала мне предместья Лондона: Оксфорд, Вестминстер, Кентерберийский собор, о которых знал только из книг.

Успокоившись после аварии, каких не совершал ни разу за всю свою многолетнюю шоферскую жизнь, рассказывал Маритт, захлебываясь от восторга, об английских мюзиклах, которые удалось посмотреть.

- А ты знаешь, что у «Кошек», «Моей прекрасной леди» и «Отверженных» один продюсер?

- Разумеется. Камерун Макинтош.

- Продюсер музыкального театра Великобритании, владелец семи театров, живет в Лондоне и работает только с режиссерами и артистами мирового класса.

- Догадываюсь.

- Покажи ему свою «Уздечку»?..
- Я?.. Но я не мировая знаменитость.
- Прекрасная музыка! Чем черт не шутит! Пожалуй, смогу тебе помочь.
- Ты? Но как?
- Моя лондонская приятельница составит тебе протекцию к Макинтошу.
- Протекцию?! Твоя приятельница? Мне?! – возмутился я.
- Узнай номер телефона. И никаких протекций!

Разумеется, Камерон Энтон Макинтош о московском режиссере Юрии Шерлинге слышал впервые, но когда Маритт в телефонном разговоре от моего имени представила меня организатором Камерного еврейского музыкального театра в СССР заинтересовался:

- В Москве есть такой музыкальный театр? – и назначил аудиенцию.

Наша беседа в его небольшом скромном офисе длилась недолго. Задав, приличия ради, несколько вопросов о России, которая его, впрочем, и не интересовала, Макинтош спросил о деле, с которым пожаловал к нему. Понимая, что сюжет «Уздечки» вряд ли заинтересует его, протянул ему виниловый диск с записью оперы, который захватил с собой, улетая из Осло. Самоуверенный совковый лох, я думал, что знаменитый продюсер тут же кинется ее слушать, упадет от восторга в обморок и в следующий момент я стану миллионером. Не тут то было!

- Диск буду слушать один, чтобы вы, мистер Шерлинг, не видели моих эмоций, если музыка мне не понравится, и не обиделись. А если понравится, чтобы не запросили таких

денег, которых не дам. Оставьте номер вашего телефона, позвоню.

Я провел в Лондоне около месяца и, улетая в Осло, уже, правда, с грехом пополам, изъяснялся по-английски. Возможно, помимо упорства, добрую службу сослужили в этом абсолютный музыкальный слух и профессиональная музыкальная память.

...Макинтош позвонил Маритт в Москву, когда я уже вернулся в Осло. Сказал, что музыка «Уздечки» ему не очень-то понравилась, но он видит в ней большой потенциал. Предложил отдать ее на переаранжировку, ибо та, что сделана Глузом для еврейского театра, не годится для театра европейского. Пьеса же должна иметь другую динамику и назвал постановщиком одного из великих английских режиссеров тех лет - Треванана.

- Какой Треванан, когда есть Шерлинг! Кто смеет переделывать мою музыку?! – возмутился я.

«Совковый порядок» гласил: если кто-то посмеет изменить хоть слово в пьесе, ее автор учиняет скандал, доходит до Минкультуры и требует, чтобы виновного выгнали с работы. На Западе же все иначе: режиссер здесь говно, главное - продюсер! Он нанимает режиссера, платит ему, диктует условия. Макинтош сказал «куплю», и ты должен целовать ему руки.

- Когда господин Шерлинг решит, позвоните, - заключил он свой тогдашний разговор с Маритт.

Через год, разобравшись что к чему и очухавшись, позвонил Макинтошу, но не застал его. Еще через год мы встретились в Вене:

- Сколько миллионов прошло мимо вас? – спросил он, с иронией.

...Работа режиссером или хореографом в английском театре мне и не светила. Помимо того, что в Англии было предостаточно собственных талантливых, уже известных постановщиков и хореографов, меня отличала принципиально иная театральная школа, основанная не на бродвейском развлекательном шоу Камерона Макинтоша, а на системе Станиславского, Чехова, Мейерхольда, исповедовавших принципы психологического театра. Возможно, если бы я приехал в Лондон с КЕМТом, кто-то и заинтересовался бы им. Мною же, одиночкой, не заинтересовался *никто*, собственно, я и не прилагал к этому усилий, понимая, что они бесполезны.

Должен работать, больше не могу не работать.

Израиль – вот та страна, которой я, организатор и художественный руководитель еврейского музыкального театра, играющего на языке идиш, безусловно, нужен.

И решил попытать счастья на Земле Обетованной.

Гл. II-7

НА ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ

ЭЙФОРΙΑ

- Срочно бери отпуск, летим в Израиль! – сказал я Маритт вскоре после того, как из Лондона она вернулась в Москву, а я в Осло.

- Но почему вдруг Израиль? – удивилась она.

- Встретимся, объясню.

Мы встретились в аэропорту Рима, откуда можно было долететь до Тель-Авива прямым рейсом.

- Ты обещал объяснить! – попросила Маритт.

- Боюсь, не поймешь. Для этого надо родиться евреем, и на собственной шкуре испытать одиночество «Вечного жида».

- Израиль твоё пристанище, Агасфер? - с иронией спросила Маритт.

- Да, да! Пристанище! Моя страна! И если там на моем доме намалюют «Израиль для евреев!», то это угроза не мне. Мы нужны друг другу – Израиль и я, художник Шерлинг! Увидишь!

И вот мы летим на Историческую родину!

Едва самолет набрал высоту, устроился поудобнее в кресле, закрыл глаза, притворился спящим, чтобы избежать разговора и с Маритт, и соседом слева. Видения - одно слаще другого, поплыли в воображении.

...Вот увидел себя на открытой сцене в парке с аккуратно подстриженными кипарисами, окруженным тысячной толпой зрителей. Пою для них старинные еврейские песни. Овации, выкрики «браво!», «бис!»...

...Вот ставлю в театре спектакль о легендарном еврейском герое Бар-Кохбе. Пьеса уже сложилась в мозгу, осталось перенести ее на бумагу...

...А вот на сцене театра заканчивается мой спектакль «Тевье из Анатовки». Рыдают зрители, глядя, как спасаясь от погрома, евреи покидают местечко. Горит скиния, плачет, прощаясь, скрипка, и беженцы по высокой лестнице поднимаются в небытие. Только карлик, моля о пощаде, жалобно тянет руки к погромщикам. Кто, кроме Господа, мог тогда спасти евреев от жестокой расправы? Теперь же, -

улыбаюсь, не открывая глаз, - у нас, евреев, есть и земной защитник – Государство Израиль!

Внимательно изучил древнюю историю «Эрец Израэль», но о современном Израиле знаю лишь из радиопередач «голосов». В советских СМИ его Израиль именуют исключительно «сионистским гнездом международного империализма». Но чем больше поносят Израиль, тем сильнее возрастает мой интерес. Каков он сегодня?.. Как живет?.. Чем дышит?..

Овеянная многовековым мифом Земля Обетованная представляется мне твердыней; прислонясь к ней, я обрету свободу и выстою. Вижу ее своим мощным покровителем, что поведет меня по дороге, не обремененной пинками, ссадинами, изнурительными душевными страданиями.

...Наконец-то наш лайнер подлетает к аэропорту «Бен-Гурион». Не могу усидеть, встаю, брожу по узкому проходу между рядами кресел, пока стюард не приказывает занять свое место и пристегнуть ремень безопасности.

Уже объявлена посадка, а самолет все летит и летит над облаками; плотно, словно назло, они закрывают землю. Но вот внизу что-то заголубело, и яркий солнечный луч осветил водную гладь.

- Море! - Восторженно восклицаю, словно вижу море впервые.

- Средиземное, - спокойно поясняет Маритт.

«Средиземное» вижу впервые.

И, наконец, земля! Узкая прибрежная песчаная полоса. Быть может, здесь ходили когда-то и мои праотцы. Быть может... Бешено колотится сердце – не унять! А самолет, заходя на посадку, уже летит над пляжами, тель-авивскими

улицами и домами, уже стихают, уменьшая обороты, двигатели, мгновенный удар шасси по посадочной полосе, стремительный пробег. Торможение и – стоп! Прилетели!

Пассажиры еще сидят в креслах, ожидая, когда опустится трап, и стюард пригласит их к выходу, а я, как нетерпеливый пацан, срываюсь с места и подсакиваю к закрытой двери.

Мысленно я уже представлял свое первое свидание с Исторической родиной. Банальное, но именно такое: спустившись по трапу самолета, преклоняю колена и долгим поцелуем припадаю к Земле Обетованной.

По трапу-то спускаюсь, но рисовавшейся мне в воображении мягкой, тысячелетиями прожаренной солнцем земли моих прародителей нет. Ни крохотного островка, ни прогалинки! До самого горизонта - гладкий серый бетон. Таким и должно быть поле аэродрома. Попади шасси лайнера на пятнышко земли, он споткнется, и авария неизбежна. Как же я, опытный авиапассажир, не учел этого, строя мизансцену «Первый шаг по Земле Обетованной»?!

Перед кем же пасть ниц?.. Что целовать?..

- Ну, как, романтик, поцеловал бетон? – насмешливо спрашивает Маритт, зная о задуманной «мизансцене».

- Не насмехайся! - возмущаюсь. - Да, бетон! Да, предупреждение: не каждому дано породниться с Эрец-Исраэль! Но я-то достоин!

«Натуральную» израильскую землю, не скованную бетоном или асфальтом, все же обнаруживаю на клумбе с роскошными цветами перед аэропортом. Преклонив колена, припадаю к ней долгим сыновним поцелуем. Голос Маритт отрезвляет меня:

- Интересно, откуда здесь чернозем? Его нет в Израиле. Из Молдавии? Украины?

- Украины?! – взрываюсь, вскакивая и смахивая с усов землинки. – Ее антисемитские владыки наш еврейский театр и близко не подпускали.

- Успокойся, пошутила, - подтрунивает Маритт.

Ничего себе, - «шуточки»!

Арендовав номер в иерусалимской гостинице «Царь Давид», мы, не задерживаясь, выходим в город. Не успеваем сделать и сотни шагов, как оказываемся у одноэтажного ресторанчика. Из его распахнутой двери, словно зазывая прохожих, выплескиваются обольстительные запахи жареного мяса и специй.

- Зайдем? – предлагает Маритт, не в силах удержаться от соблазна.

- Зайдем! – охотно соглашаюсь.

Официант, лихо болтающий по-английски, принимает заказ.

- Так! Наконец-то поем кошерного! – потираю руки, предвкушая какой-то особенный «еврейский» ужин.

Маритт смеется:

- Молчи, ортодокс! Это арабский ресторан, и официант – араб.

- Но он же вылитый еврей!

- Что же тут удивительного? - пожимает плечами Маритт. – У тебя с ним единый праотец - Авраам.

Оказывается, Маритт прочла над входом в ресторан вывеску на арабском и английском. Как истинный полиглот, она знает и арабский. Меня же выручает мой, хотя и далеко не

совершенный, английский. Им наравне с ивритом и арабским владеют многие израильтяне.

- Надо арендовать автомобиль и пригласить русскоговорящего гида, он познакомит нас с Израилем, - предлагаю, когда, насытившись до отвала арабскими блюдами, мы выходим из ресторана и отправляемся гулять по вечернему Иерусалиму.

- Автомобиль-то мы арендуем, а страну покажу тебе сама, - отвечает Маритт.

- Ты уже бывала здесь? – удивляюсь. – Но ты мне не рассказывала...

- Много чего тебе не рассказывала, - отфутболивает меня Маритт.

- Может, ты и иврит знаешь?

- К сожалению... Вот арабский... - И вдруг посерьезнев, говорит: - Эх, где только черт ни носил меня!

...Вряд ли кто-то другой показал бы мне Израиль так интересно, как Маритт. Мы облазили весь Иерусалим с его историческими достопримечательностями. Прошли по Виа Долароза дорогой Христа до Голгофы. Маритт поставила свечи в Храме Гроба Господня и долго шептала на латыни слова молитвы. Отдали долг памяти моим прародителям Саре и Аврааму, гробницу которых в пещере Махпала одинаково почитают иудеи и мусульмане. Целый день провели в Тель-Авиве и его окрестностях, другой – в городе и средиземноморском порту Хайфе... На обочине шоссе к Мертвому морю остановились у разбитого английского танка, памятника о «Шестидневной войне» 1967 года, когда на Израиль пёрла объединенная армада войск Египта, Иордании,

Сирии, Ливана, Ирака и как, разбитая израильтянами, драпала она восвояси...

Долго не мог прийти в себя после посещения Мемориального музея Яд-Ва-Шем. Вглядываясь в скорбные фотографии, ловил себя на том, что рядом с запечатленными на них полициями, эсэсовцами, бандеровцами, штурмовиками, вижу рожи других рьяных сторонников «окончательного решения еврейского вопроса». Это «вождь» ленинградских коммунистов Романов, приказавший в 24 часа выдворить из города жидов – артистов КЕМТа; преподаватель МХУ ГАБТа антисемит Рихтер, исковеркавший мою жизнь; министр культуры Мелентьев и мой неотступный кагебешный соглядатай. Но, с них за это никто не спросил и, скорее всего, никогда не спросит.

Чтобы отвлечь от мрачных мыслей, Маритт повезла меня в Тимну* к месту копей царя Соломона, где еще задолго до нашей эры добывали медную руду. Мы смотрели, и глазам своим не верили, как израильтяне терпеливо, метр за метром отвоевывают у пустыни землю, засаживая ее хлопчатником, пальмами и устанавливая систему искусственного орошения, а лысые пригорки насаждают лесами олив. И никто не посмеет сорвать здесь хоть один дикий цветок.

* Тимна - Государственный заповедник в районе Эйлата .

Не в силах сдержать эмоций, я без конца твердил: «Какая красота! Какие краски! Благодать! Да, да, Земля Обетованная! Воистину «Земля, текущая молоком и медом!»

В киббуце вблизи Арада я восторгался четко организованной жизнью коммуны: «умным плугом» с лемехом, умело обходящим любое препятствие, виноградниками, покрытыми синими сетками, оберегающими от птиц, и

забранными в специальные пакеты гроздьями бананов... Во время гастролей КЕМТа по Советскому Союзу мне доводилось бывать в колхозах – сравнения, как говорится, излишне.

Много восторженных слов выкрикивал я, восторгаясь *своей* Землей и ее людьми.

- Ты хотел бы жить здесь? - неожиданно спросила Маритт.

- Еще бы! – ответил, не задумываясь.

-Ну, ну... - проговорила она многозначительно, словно отрезвляя.

Я, было, умолк - Маритт никогда ничего не говорит зря - и тут же взорвался:

- Замечательная страна! Превосходные люди! Вот для кого надо жить и творить!

- Ты имеешь ввиду киббуцников?.

- Хоть бы и так! – задиристо ответил, готовый ринуться в драку, отстаивая своё. Почувствовав это, Маритт умолкла.

А на следующее утро мы поехали в Бетлехем (Вифлеем). Здесь в «Гроте рождения» базилики, воздвигнутой на месте хлева, в ясли которого, как свидетельствует о том легенда, два тысячелетия назад Дева Мария уложила новорожденного Иисуса, Маритт вновь поставила свечи и принялась усердно молиться у иконы Богоматери с Младенцем на руках. Поставил свечи и я – за здоровье мамы, Анечки и двоюродной сестренки Адочки, единственных моих единокровных близких.

Неожиданно рядом со мной возник седобородый старец:

- Сын мой, - спросил он негромко, - почему, ставя свечи и тем самым вознося молитву Господу, вы не осеняете себя крестным знамением? Вы...

- Иудей, - ответил я, не сомневаясь, что меня тут же изгонят из церкви.

- Но разве ваша религия разрешает вам молиться в чужом храме?

- Чужом? ! – возмутился я. – Разве Божий дом может быть для кого-то *чужим*?! К тому же, не молился; молитв, к стыду своему не знаю.

- Но вы *молили* о чем-то Господа..

- О здоровья мамы, дочки, сестры...

- Значит, молились. С каких же пор иудейская религия не возбраняет иудею молиться в христианском храме?

- Не понимаю... Господь един, какая разница, где говоришь с Ним...

Заметив, что наш разговор, хотя и негромкий, привлекает внимание прихожан, старец легонько взял меня под локоть, и мы вышли на улицу.

- Вы веруете, сын мой? - спросил старец.

- Я не религиозен. Но и не безбожник. Верую в силу Всевышнего, он в моем сердце. Но говорю с Ним без посредников, *tete-a-tete*. Верю в предопределенность судьбы, тщетность попытки изменить ее. Но не могу принять за истину недоказуемое и то, к чему причастна воля смертного. Например, почему считается, что Христос непорочно зачат Марией от Святого духа, когда у нее был муж, реальный человек - Иосиф? Стар, не способен зачать дитя? Но Авраам был на 20 лет старше, когда зачал Ицхака и Исмаила!

- Выходит, вы сомневаетесь в истинности записанного в Библии?- с укором спросил старец.

- Сомневаюсь. Наши знания об иудаизме, Иисусе, христианстве исходят от *человека*. От его субъективного нового понимания, сложившегося ранее толкования истории. На примере близкой нам истории русской, наглядно видно, как

она изменялась, в зависимости от влияния властьпредержащих, стремящихся приспособить ее к своим замыслам.

- Но Новый Завет...

- Евангелия от Апостолов, согласитесь, изначально были написаны на древнем – арамейском языке. Позже их перевели на сравнительно более молодые - ассирийский и египетский. До нас же тексты дошли на греческом. Что и как изменили в них переводчики? Чьи в Библии истины – Всевышнего, Иисуса, Апостолов или переводчиков? В наставлениях, например, указывается, когда и что можно и нужно есть, делать... В любой системе существуют наставления, то есть - правила поведения. В том числе, и у пионеров. Но я, по своей сути, не человек слепой веры и должен дешифровать любые наставления, прежде чем поверить и принять их.

Беседа со старцем была недолгой и оборвалась, лишь только появилась Маритт. Ничего ценного из этой беседы я не извлек, но мой собеседник недвусмысленно дал мне понять, что такой «сомневающийся» прихожанин, как я, церкви нежелателен.

- Понимаешь, Юра, - раздумчиво проговорила Маритт, когда мы сели в машину и тронулись в путь, - лично меня ничуть не колышет, что ты, иудей, поставил свечи и молил Всевышнего о благополучии близких в христианском храме. Однако, большинство твоих единоверцев этого не поймет. Более того, возмутит. Что, кстати, закономерно. Иудаизм – больше, чем религия, это суть, смысл, стержень народа. Только благодаря верности своей религии он сумел уцелеть как нация. Для нее – сохранить религию – значит сохранить еврейской народ, сохранить Израиль. Не советую тебе повторять подобные

опрометчивые поступки, Их достаточно, чтобы тебя здесь не признали.

Религия в моем решении философских проблем никогда не играла какой-либо заметной роли. Любая молитва, с точки зрения ее знаковости, мне представлялась лишь мольбой страждущего о помощи. А сама приверженность к религии - неким прислонением человека, стоящего на усталых ногах, к определенному «парапету». Усталость, обеспокоенность неуютностью проживания в этом мире, заставляют искать свой «парамет», ибо ветры действительности сдувают нас со стояния в трудной жизни. И плоть трепещет от неумения проживания, от нестабильности чувствования. На берегах Невы этот «парамет» - христианство; Тибра и Ефрата – мусульманство; в Израиле – иудаизм и т.д.

Но и меня самого в тот момент «ветры действительности сбивали со стояния в трудной жизни». Я искал свой парамет, надеялся найти его в Израиле. И на следующее утро по возвращении из Вифлеема в Иерусалим, пришел к «Стене Плача»*, чтобы здесь, у иудейской святыни, достучаться до Всевышнего. Прижавшись лбом и ладонями к древним камням я, простой смертный, посмел вопрошать Его:

- Почему, давая мне возможность возвыситься, сбиваешь с ног?

- Если это кара Твоя, то за что?

- Если происки дьявола, то как уберечься от него?

- Неужто я так непростительно грешен?

- Но перед кем? В чем?

- Не убивал, не грабил, старался сеять доброе...Иуда, предавший меня, благоденствует, а я мучаюсь, страдаю...

И вздрогнул: в ответ бормотанье на немыслимой смеси украинско-русского, идиша, и, по-видимому, иврита:

- ...десять процентов на благотворительность...

Согласен?

- Согласен! Согласен! – воскликнул я, обалдев. – Всё, всё, всё, чем владею, – и прильнул к Стене, чтобы вновь услышать «голос».

И услышал:

- Зачем обещать всё? Вы ж никогда добровольно не сделаете этого. Обманывать? Грех!

Обернулся мгновенно: за моей спиной у Стены стоял худощавый еврей в «форме» ортодокса: курчавые пейсы, черная широкополая шляпа, цици талеса из-под лапсердака...

- Вот я предлагаю Ему пять процентов от сделки, солидная сумма на благие дела.

- Но вы только что обещали десять! – возмутился я, с трудом возвращаясь в реальность.

- Сразу?! А если помогут пять?

- Торгуетесь? С Ним?

- Боже упаси! Я деловой человек и должен сначала увидеть конкретный результат...

- Своих пяти процентов? - с издевкой перебил я.

- А что? Разве этого мало? Приличная сумма для начала.

*«Золотой телец» - и Всевышний! И это позволяет себе ортодоксальный еврей – «ревнитель религиозной чистоты»?!
Что же ждать от других? Неужто фетиш «золотого тельца», погубивший два тысячелетия назад Израильское государство, жив и поныне?..*

Не успел отойти от Стены, как меня окружили «русские» сородичи.

- Товарищ Шерлинг, какое счастье, что вы, наконец-то приехали!

Они радостно пожимали мне руки, обнимали, как долгожданного родственника или приятеля.

- Даже не верится, что нам такое счастье - увидеть здесь вновь ваши замечательные спектакли!

- Вы их покажите *им*, разве *они* знают настоящее еврейское искусство?!

Тогда я не понял, о чем идет речь. Но разочаровывать своих бывших зрителей не стал, умолчал и о том, что *моего* КЕМТа больше нет, что приехал не на ПМЖ, а пока лишь как турист.

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Я собрался, было, уходить, когда к нам подошел невысокий пожилой человек в кипе, поразительно напоминавший кого-то. И в памяти вдруг вспыхнули ярко освещенные окна репетиционной базы КЕМТа на Таганке, гаснущие одно за другим... силуэт дома, погрузившегося в темноту...

- Леонид Моисеевич! Кантор! – вспомнил. - Вот так встреча!

Мы обнялись. Ответив односложно на вопросы: «когда, зачем, почему?», увлек Кантора за собой.

Усаживаясь рядом со мной в автомобиль, он сказал с горькой усмешкой:

- За три года в Израиле впервые еду в гости.

- Как? – не понял я.

- Это не Москва. Здесь с палкой «Любительской» и поллитровкой «Московской» в авоське к знакомому без

приглашения не заявишься, десятку до получки не займешь. Каждый сам по себе. «Мой дом – моя крепость»!

Но, обещайте, ко мне в гости вы обязательно зайдете, запросто, по-московски. Хоть и живем мы скромно, но «Любительская» из индейки и «Московская» найдутся. Кантор словно заранее извинялся за свое небогатство.

- Вы... вы не работаете? – изумился я.

- Работает сын, он программист, востребованная специальность, а мы с женой получаем пособие по безработице от государства. Невестка-инженер недавно устроилась бэбиситером. На скромную жизнь хватает.

- Вы – и «по безработице»?! – возмутился я. – Доктор наук, профессор...

- «Профессор с метлой в руках» - популярнейшая фигура Израиля конца восьмидесятых, невесело улыбнулся Кантор.

- И здесь есть университеты, технические вузы!

- Увы, не владею ивритом.

- Но вы отлично знаете идиш*!

- Да кому он в Израиле нужен?! – возразил собеседник.

* Идиш (его называют и «жаргон») – язык общения евреев, возникший на территории Австрии и Германии, когда евреи поселились там в средневековье, на основе немецкого, «обогащенного» словами и терминами, воспринятыми из языков мест проживания: литовского, украинского, русского и др.

- Всё еще не врубаясь в ситуацию, возразил я.

– Здесь знание идиша не достоинство, а скорее порок. Государство старается искоренить его всеми дозволенными средствами.

- Искоренить идиш? На нем веками говорили евреи Австрии, Германии, Восточной Европы, СССР! Не в какой-то

антисемитской стране, а в собственном еврейском государстве?!

Как же мои спектакли на идише, я собирался возобновить их в Израиле?!

- Поначалу и я возмущался. Но вскоре понял, *они* правы.

- Кто это «они»? Сегодня уже вторично слышу о «них»...

Мы сидели под тентом на балконе нашего номера за столиком, накрытым официантом из гостиничного, на этот раз, истинно кошерного ресторана. Неспешно потягивая коньяк из хрустальной рюмочки, с интересом слушал рассказ Леонида Моисеевича. Мою эйфорию от «визуального» знакомства с Израилем постепенно сменяло осознание того, что еще ничего толком не знаю об израильском гражданском обществе, а оно интересовало меня значительно больше, чем все исторические достопримечательности и красоты Земли Обетованной.

- «Они» - продолжал меж тем Кантор, - это «отцы-основатели», халуцим – «первопроходцы», «пионеры», и их рожденные уже в Эрец-Исраэль дети и внуки – «сабра».

- «Первопроходцы?» - снова не понял я.

- Энтузиасты сионистской идеи. «Собиратели» евреев диаспоры на Исторической родине - Палестине, еще находившейся под властью Османской империи. Сегодня они и те, кто прибыл сюда следом, кто в войнах за Независимость, Шестидневную и Судного дня, в Синайской компании отстаивали Израиль от нового рабства. Заслужили абсолютное право диктовать условия жизни нам, приехавшим на готовенькое, и претендующим на свои законы в уже «действующем монастыре». Вот, кто такие - «они»*, закончил рассказ Леонид Моисеевич.

- Понимаю, - раздумчиво проговорил я.

- Думаете, я не понимаю?! – вспыхнул вдруг Кантор. – Но от этого не легче. Даже если овладею ивритом так, что смогу на нем преподавать, а в мои пятьдесят с гаком это маловероятно, кто из ныне действующих профессоров уступит мне свое место на кафедре?..

А приехавшему из Москвы на готовенькое Шерлингу, свое место худрука израильского театра? Стать гражданином «второго сорта» только потому, что опоздал родиться, когда в этой стране всё только заново начиналось, а позже, уже мужику, совковая ментальность

*В конце 19 века «первопроходцы», рискуя жизнью, добирались сюда, и на выкупленных с помощью американских благотворительных обществ землях, создавали немногочисленные поселения, осушали малярийные болота, орошали выжженные солнцем пески, насаждали виноградники, оливы... А когда в годы Первой империалистической Оттоманская империя была разбита, и Палестина стала подмандатной территорией Великобритании, сюда, в надежде возродить Национальный очаг, потянулись евреи со всего мира. Каждая новая алия уже исчислялась десятками тысяч человек. Девизом поселенцев стало: пахать, стрелять, учить иврит. Англичане, опасаясь волнения арабов, воспротивились этому, установили в соответствии с т.н. «Белой книгой» квоту 10 тысяч иммигрантов в год. И началась нелегальная алия. В борьбе за признание политических прав евреев в Эрец-Исраэль и за их свободный въезд в страну, сформировалось подпольное Национально-освободительное движение, создавались вооруженные отряды самообороны, боровшиеся с арабами и англичанами. А когда в ночь с 14 на 15 мая 1948 года – дня провозглашения Независимости Государства Израиль на него напали все шесть граничивших с ним арабских государств, эту, длившуюся более года Войну за Независимость, закончившуюся победой Израйля, выдюжили на своих плечах «первопроходцы» и репатрианты 30- 40-х годов. Только на полях сражения войны Судного дня пало свыше 2500 израильтян),

помешала разглядеть происходящее в мире?!

Поздним вечером отвез Кантора на окраину Иерусалима в «караван». Так здесь зовут небольшие поселения из вагончиков-бытовок, где живут репатрианты, которые не в состоянии арендовать квартиру и порой годами терпеливо ждут своей очереди на муниципальное жилье. А поутру вновь

завладел профессором. Из уст этого умного, трезво мыслящего человека хотелось получить ответы на неожиданно возникавшие вопросы. Стараясь понять, что представляет собой израильское гражданское общество, я как бы «примерял» Израиль на себя, себя - на Израиль. Разгадав это, Маритт заметила:

- Не ищи Европы в Израиле, хотя он, несмотря на свое географическое положение и числится страной европейского типа. В большей степени это Восток.

Маритт была права: я сравнивал Израиль с суетливо-бестолковым мегаполисом Москвой, чопорным Лондоном, рационально-выверенным Осло, и это мешало мне понять страну, казавшуюся провинциальной. А какой же еще может быть страна, если добрая половина ее населения – это марокканцы, эфиопы, поляки, румыны, русские из бывшего СССР, с комплексом провинции, в которой прожили большую часть своей жизни, и устои которой не собирались менять. Порой мне казалось, я приехал не в ту страну, которая жила в моем воображении.

Облюбовав пригородный ресторанчик, каких в Израиле сотни, мы с Кантором провели там добрую половину дня. Прежде всего, меня интересовала причина столь недоброжелательного отношения в Израиле к языку идиш.

. - Попробуйте-ка перечислить все сто стран, откуда съехались сюда евреи! - ответил Кантор. - Для них родным давно стал язык места обитания. Приехавшие в Израиль в пятидесятые-шестидесятые годы евреи-сефарды из Марокко, Египта, Ирана, Ирака, Йемена об идише и не слыхали. Но молятся евреи всего мира на иврите – исконно еврейском.

Зачем же подменять древний национальный язык жаргоном и навязывать его Израилю?

- А как же классическая идишская литература?! Изъять?! Списать?! Сжечь?!

- Читайте ее в переводе на иврит, - возразил Кантор, - как в переводе на русский читаете Шекспира, Бальзака, Гейне, Сервантеса, других иностранных писателей. А хотите в подлиннике, изучайте идиш. Кстати, классической идишской литературы не так-то уж и много. Беда в том, что евреи столетиями отдавали свои творческие силы, незаурядный талант обогащению культуры других народов, стараясь сжиться с ними. А о культуре своего - не заботились. Сегодня, спустя сотню лет с начала нового заселения евреями земли современного Израиля, его культура формируется как бы заново. Сомневаюсь, что старшее поколение иммигрантов из СССР в эту культуру впишется. В том числе, и мы с вами, Юрий Борисович.

... - Вы... вы сионист, Леонид Моисеевич? – после затянувшейся паузы спросил я.

Он от души рассмеялся:

- Отчего же так несмело?! Мы не в СССР! Только там могли прилепить нелепый политический ярлык мечте об объединении рассеянного по всему миру еврейства, а ее последователей объявить врагами советского народа.

Я – математик, как вы изволили вспомнить, - сухо, словно читая лекцию, продолжал Кантор, - и мыслю исключительно конкретными категориями. Да, выстроить независимое сильное еврейское государство – глобальная задача, и всего лишь за 30 лет израильтяне доказали ее абсолютную реальность. Однако собрать шестнадцать миллионов евреев, уцелевших после

Второй мировой, и поселить их в Израиле на территории в двадцать тысяч квадратных километров?! Да так, чтобы не спать всем вместе в одной постели, и обеспечить работой, гарантирующей каждому достойную жизнь? Нонсенс! Не говоря уже о том, что ответом на призыв «собирателей» должен стать позитивный отклик «собираемых».

- А разве его нет? Вспомните «горку» на Архипова? Как, не страшась репрессий, евреи собирались там и требовали у советского правительства: «Отпусти мой народ!»

- Помню. И сам требовал: на «горке», в письмах «вождю», членам правительства. Добился с приходом Горбачева. А вы знаете, сколько советских евреев, получивших разрешение на эмиграцию в Израиль, мотанули, минуя Землю предков, на Запад? Не поверите, две трети! Только в Америке осело более полумиллиона. *

- Но и вы могли...

- Мог. - Не дал договорить Кантор. - И, возможно, в США был бы востребован как ученый, я свободно владею английским. Но, стремился только в Израиль. И вез сюда сына. Чтобы он, став свободным человеком, оставался евреем.

* 1 октября 1989 года Госдепартамент США, по официальной просьбе Израиля, резко ужесточил правила иммиграции для советских граждан. Тем из них, кто стремился покинуть СССР, остался лишь один путь – в Израиль. В 1990 – 1991-г.г. туда въехали более 350 тысяч репатриантов, на абсорбцию которых США выделили Израилю 12 млрд. долларов.

Среди репатриантов, приехавших в Израиль в надежде обеспечить своим детям нормальную жизнь в нормальной еврейской стране, таких, как я, добрая половина. Но, немало и тех, для кого эмиграция в Израиль стала единственной возможностью вырваться из советского гетто, хотя они куда охотнее отправились бы в страну с более «мягким климатом».

Однако, не отличаясь особым патриотизмом, и эта часть репатриантов, не раздумывая, станет с автоматом в руках на защиту Израиля. Здесь предстоит жить их детям.

Прервав нашу беседу, к нам неожиданно подошел высокий, статный, с крупной седой головой мужчина, и Леонид Моисеевич осекся на полуслове.

- Рад видеть вас на Земле Обетованной, Юрий Шерлинг! – радушно приветствовал меня незнакомец по-русски, но с каким-то непонятным иностранным акцентом. И когда я, приличия ради, поднялся ему навстречу, протянул мне могучую волосатую руку со щедро распахнутой ладонью, в которой утонула моя небольшая рука: - Арик.

Я видел этого респектабельного господина впервые, и то, что он назвался не полным именем - Арон, а домашним - Арик, как бы задавая нашим отношениям фамильярный тон, насторожило меня.

Арон, между тем, поздоровавшись как бы мимоходом с Кантором, подсел к нашему столику, не дожидаясь приглашения. Окликнув официанта и удостоверившись, что пополнять уже стоявшие на столе блюда и напитки мы не хотим, заказал себе воду с мудреным ивритским названием.

- Не мучайте память, Юрий, - с жадностью осушив стакан, Арик расплылся в улыбке, – вы не знаете меня. Зато я имел счастье видеть ваш гениальный спектакль «Тевье из Анатовки».

Значит, этот тип в Израиле лет семь.

Словно читая мои мысли, он пояснил:

- Мне исполнилось пятнадцать, когда, оставшись сиротой после Второй мировой, приехал сюда из Польши.

- Где ж вы видели «Тевье»? – удивился я. – Вы бывали в Союзе?

- Кто ж меня туда впустит?! Спектакль видел на видеокассете здесь.

- Она у вас? – с надеждой спросил я. Видеозапись действительно делали по заказу КЕМТа, но в ту злополучную январскую ночь восемьдесят пятого, забирая свои вещи из КЕМТа, не нашел ее.

- Любительскую копию привез с собой кто-то из москвичей. Если он не уехал, обещаю, кассета будет у вас. - И, поразмыслив, неожиданно спросил: - Вы думаете возобновить «Тевье» в Израиле?

- Вы же сами сказали, спектакль гениальный!

Не сомневался, мой ответ вызовет у Арона восторг, но он, к удивлению, промолчал. Прихлопнув себя рукой по колену, словно обрывая разговор, предложил:

- Хватит сидеть в этом закутке, поехали ко мне на ферму!

- Вы - фермер? – удивился доселе молчавший Кантор. – Я думал, вы военный и...

- Был. – Арон скосил на профессора недовольный взгляд.

Оставив арендованный автомобиль на стоянке, мы направились на машине Арона в гостиницу за Маритт. Улучив момент, Кантор, не пожелавший ехать с нами, шепнул мне:

- Осторожней с этим Ариком, подозреваю, он мossaдoвeц.

- И черт с ним! – отмахнулся я. Но в тот же миг за спиной Арона возник силуэт моего московского соглядатая. И сколько я ни старался, избавиться от этого привидения не удавалось.

...Двухэтажная вилла из белого известняка (основного здешнего строительного материала) вблизи городка Кфар-

Хабат, что неподалеку от Тель-Авива, красноречиво свидетельствовала о немалом достатке ее хозяина. Но поразила меня не вилла – таких в Израиле немало, а производственная база фермы. Точнее, та ее часть, которая в России называется хлевом, источающим амбре на километры вокруг. Здесь же, в стерильно-чистом помещении, в отдельных стойлах, где не было и признаков навоза, дремали в свой послеобеденный час красавец бык весом с тонну и две коровы с набрякшим молоком выменем необъятных размеров.

Арон любовно потрепал быка по морде:

- Эта троица дороже всей моей собственности, включая виллу и землю. - И рассказал, как выйдя в отставку из армии, приобрел племенного быка и коров, дающих огромное количество молока (я запомнил сколько, а соврать не хочу).

Заботливо смахнув носовым платком приставшую к брюху животного травинку, Арон неожиданно предложил, переходя со мной на «ты»:

- Послушай, Юра, бросай к чертям театр, свою режиссуру и становись моим компаньоном. И вы, Маритт, не надоело вам мотаться по миру и рассказывать на ТВ, как живут чужие люди, вместо того, чтобы жить самой? Мы такие закрутим дела! Миллиардные! Гарантирую, в твоём Союзе, Юра, да и в Норвегии, Маритт, нет ни одной такой молочной коровы!

Маритт, по натуре человек веселый, смешливый, но я еще не слышал, чтобы она так заливисто хохотала. Присев на корточки подле коровы, скомандовала, проговаривая сквозь смех:

- Фотографируй, Юра: «Доярка Маритт Кристенсен-Ларсен». Сенсация для норвежских СМИ! Сама Кристенсен-Ларсен! – И вновь залилась смехом: - Счастливые вы люди! Хотите –

кухаркой, хотите – дояркой, и никакой заботы о «престиже монаршей семьи».

Не понимая, чем вызвана такая бурная реакция г-жи Кристенсен-Ларсен, Арон продолжал:

- Мне рассказывали, как ты, Юра, создавал свой театр, и я понял, что у тебя есть та самая драгоценная «коммерческая жилка», необходимая бизнесмену. Подумай всерьез над моим предложением и провентилируй реальные возможности Москвы. Будем продавать ей наш племенной скот.

Поздним вечером, когда мы возвращались в Иерусалим, Арон снова спросил о «Тевье»: собираюсь ли восстановить спектакль в Израиле?

- Но почему вы спрашиваете? – удивился я.

- Да потому, дорогой, что сегодня такой спектакль Израилю не нужен. О чем твой «Тевье»? О безысходной, несчастной, местечковой жизни горем приниженных, нищетой задавленных бесправных евреев. А мы не хотим, чтобы галутное сознание согнуло спины нашей молодежи. Она должна расти сильной, жизнерадостной, гордой, уверенной в завтрашнем дне и очень счастливой. – Помолчав, неожиданно спросил: - Знаешь, чем от галутных евреев отличаются израильтяне? Они свободны, независимы, уверенно смотрят в будущее. У еврея нет родины – у израильтянина она есть. У еврея нет своего языка (идиш, ладино – не в счет), у израильтянина – он есть. Есть своя страна, своя армия. Израильтяне – это *другие* евреи, они иначе говорят, иначе мыслят. Хватит копить в еврейских глазах вековую скорбь несчастного народа! До сих пор помнится раздирающий душу финал твоего спектакля, когда обреченные на расправу и гибель от погромщиков обитатели Анатовки уходят в небытие,

спасения ищут у Всевышнего. Сегодня у еврея есть собственное Государство, куда он всегда может приехать и стать израильтянином!

- А память? – спросил я с упреком.

- Память?.. – переспросил Арон. – Память незыблема. Но она не должна стать доминантой жизни

- Выходит, Шерлинг с его устаревшими спектаклями и местечковыми песнями на идише Израилю не нужен?

- Нужен, Юра, еще как нужен! Но рассказывать ты должен не о вчерашних наших бедах, а о сегодняшнем Израиле. У нас столько острых проблем, столько новых Бар-Кохб, защитников Масады!

...Мы подъехали к автостоянке, на которой днем, направляясь на ферму Арона, оставили арендованную машину. До гостиницы рукой подать, но Арон, как гостеприимный хозяин, вызвался нас провожать. Прощаясь, спросил, будто это уже оговорено:

- А завтра куда и во сколько?

С трудом сдержался, чтобы не вскрикнуть: тебе-то какое дело?! Не нуждаемся в твоей опеке!

Выручила Маритт:

- Не утруждайтесь, Арон! У вас столько своих забот! Уверяю, мы сами...

Но тот упрямо твердил: он не оставит без внимания таких дорогих гостей.

И не оставил. Утром, когда мы вышли из гостиницы, «мицубиси» Арона уже ждала нас. Израильский «соглядатай» оказался куда настырней московского.

Надо же было проделать путь до Иерусалима, чтобы сменить своего «родного» на чужого и незнакомого!

Но когда мы с Маритт остались вдвоем, и я начал, было, бушевать, она урезонила меня: должен, мол, понять, страна окружена врагами. Им активно помогает вооружением и военными советниками Советский Союз, где я прослыл не только известным режиссером, но и тайным генералом КГБ. И этот «генерал», со своей норвежской супругой, окончившей школу военных переводчиков, что автоматически причисляет ее к «группе риска», появляются в Израиле. Что они здесь забыли? Зачем разъезжают по стране и возобновляют московские знакомства?

Да, для Моссада мы выглядим весьма подозрительно. Что ж, пускай «опекают».

- Куда поедем? – спросил наш новоявленный «персональный шофер».

- Хотелось бы навестить дочерей Михоэлса, но у меня нет ни их адреса, ни номера телефона...

- Пожалуй, смогу вам помочь, - предложил Арон.

- Но мы еще не завтракали! – запротестовала Маритт. Ох, и любила она поесть!

Арон отвез нас в кафе неподалеку от гостиницы. И пока мы завтракали, пока Маритт поглощала одну сдобную булочку за другой, из кабинета хозяина кафе созвонился с Михоэлсами. Вернувшись, сообщил, что они готовы принять меня сегодня же.

Сестры Михоэлс – Нина и Надежда, с их помощью я рассчитывал войти в израильскую театральную среду, встретили меня подчеркнуто сухо, официально. И я понял, они не могут простить мне, что не назвал КЕМТ именем Соломона Михоэлса, будто бы это зависело от меня, и власти разрешили бы подобное.

До отъезда оставалась неделя, и я решил посвятить ее израильским театрам*.

Я посмотрел спектакли всех государственных и некоторых муниципальных театров и пришел к выводу: труппа «Габима» - единственная, с которой смог бы работать. Но при категорическом условии: быть единственным и полновластным, художественным руководителем постановки.

В тот вечер, вернувшись со спектакля «Трудно быть евреем», поставленным выходцем из Украины режиссером И. Беккером в театре «Идишпил», созданном в конце восьмидесятых и игравшем на идише, мы встретили у подъезда ожидавшего нас Арона.

- Как спектакль? – поинтересовался он, здороваясь. И, не ожидая ответа, предложил: - Прогуляемся по Иерусалиму? Ночной, он особенный!

* В конце восьмидесятых в Израиле работали три государственных театра: «Габима», «Камери» - в Тель-Авиве, «Хан» - в Иерусалиме и несколько муниципальных. Государственный драматический театра «Габима» («Сцена») , заслуживший мировое признание, создан в 1918-м. в Москве, как студия МХТ К.С. Станиславский, назначил ее руководителем Е. Вахтангова. Поставленные им спектакли стали первыми цельными художественными образами новой еврейской культуры, высоко оцененными в Европе и Америке. В 1928 г. «Габима» переехал в Эрец-Исраэль.

Маритт отказалась, сославшись на усталость, я же согласился. Бродить по улицам Священного города, да еще в прохладную октябрьскую ночь, можно бесконечно. Даже в сопровождении «соглядатая».

Не помню, о чем мы говорили, как вошли в какой-то двор, и Арон вдруг втолкнул меня в дверь невысокого дома. Очнулся лишь, когда она автоматически захлопнулась за мной, и я

оказался в просторной, ярко освещенной комнате, казавшейся безлюдной. Не понимая, куда попал, куда исчез Арон, стоял, остолбенев от неожиданности, пока не увидел направлявшегося ко мне человека.

- Здравствуйте, Юрий Борисович! – радушно приветствовал меня он, щедро протягивая руку и увлекая за собой вглубь комнаты, где стояли кресла и журнальный столик.

- Здравствуйте, - пробормотал в ответ, по-прежнему не понимая, где я и что означает этот спектакль.

- Да вы не волнуйтесь, Юрий Борисович! Мы просто хотим побеседовать с вами.

Коренастый, неспешный в движениях, в рубашке с распахнутым воротом, незнакомец говорил по-русски с едва уловимым грузинским акцентом.

- Кто это «мы»? – требовательно спросил я, приходя в себя. – Что это - арест? Похищение?

- Ну, что вы, Юрий Борисович! Какое похищение?! Вы же в своей стране. Скажем так: определенные органы хотели бы получить ваши ответы на некоторые вопросы.

- Имеется в виду Моссад?- спросил я в лоб.

- Предположим, - уклончиво ответил незнакомец, переходя к делу: - Прежде всего, нас интересует цель вашего приезда в Израиль.

- Допрос? – вскипел я, и уже не в силах унять гнева, прошипел: - Идите-ка вы в ж...! В России меня считали генералом КГБ, хотя никакого отношения к «министерству любви» никогда не имел. В Израиле, куда приехал в надежде избавиться от «опеки» этого ведомства, выходит, принимают за его шпиона?!

- Ну, что вы! Мы всячески приветствуем таких известных и ценных для страны людей, как вы! Отныне можете считать себя гражданином Израиля! – И выложил на столик новенький теудат-зеут – израильский паспорт на иврите с моей фотографией.

- Откуда она у вас? - наивно спросил я.

Он рассмеялся в ответ:

- Отдаю должное вашей сообразительности! – И предложил: - Вы проводите пресс-конференцию, где рассказываете правду о жизни советских евреев, после чего получаете израильский паспорт и начинаете новую жизнь в Израиле, выбросив к чертям свой «серпастый-молоткастый», который вам более не понадобится. А мы вам поможем.

Ясно, советские евреи представляют для заграницы интерес только тогда, когда они гонимы. Или когда, вырвавшись из советского гетто, льют на свою страну помои. Сохранившим же, несмотря на все, признательность стране, где родился, вырос, получил образование, стал достойным человеком, - таким ты не интересен, не нужен, ибо исчезает мотив борьбы, противостояния политических и государственных интересов. Испытал это еще в Норвегии.

За спиной что-то скрипнуло – дверь! Мгновенно обернулся, холодный пот прошиб меня. Почудилось: на пороге стоят, ухмыляясь, Глуз и Горин с наручниками.

Нет, не дамся им! Хватит! Достаточно! Защитит ли моссадовец? Или все они – «холуи государственной безопасности» заодно?..

- Вы не ответили, Юрий Борисович! – Голос «моссадовца» отрезвил меня.

Да кто ты такой, чтобы диктовать мне условия, определять мое гражданство?!

С трудом сдержавшись, ответил:

- Спасибо за паспорт, доверие и прочее. Приехал сюда не для того, чтобы оберегать от недругов те или иные «берега». К сожалению, не пригоден физически. Надеюсь внести лепту в израильское театральное искусство. Но без вашей помощи. Насильно мил не будешь. Не предлагайте мне сделки с совестью, таковых не заключаю. Прощайте, выпустите меня отсюда.

- Ну,ну... - многозначительно проговорил мосадовец напоследок. Это, надо полагать, означало: «Посмотрим, что у тебя получится».

Не получилось. Ни-че-го.

В «Габима» меня встретили радушно, однако говорить нам пришлось с помощью переводчика, хотя, не сомневаюсь, нужды в том не было. Обо мне, о КЕМТе здесь хорошо знали. Кое-кто видел наши спектакли, хвалил их, однако... «Габима» они не подходят». Собственно, ничего нового по сравнению с тем, что говорили мне Кантор и Арон, я не услышал. Подобно Моисею, что вывел когда-то евреев из египетского рабства, «Габима», оказывается, ставил перед собой задачу помочь Государству Израиль вывести репатриантов стран Восточной Европы, Прибалтики и СССР из российско-царско-советского интеллектуального рабства, продолжавшего угнетать их души, и минимизировал число спектаклей о местечковой жизни в диаспоре, исполнение рожденных ею песен.

Как, оказывается, я ошибался, думая, что Израиль ждет моих старых, проникновенно-скробных идишских песен, что они

звучат здесь в полный голос! Режиссер, способный своими спектаклями повести театр в неизвестном направлении, Израилю не нужен, у него есть свои режиссеры, немало пережившие вместе со страной, и никто из них не уступит своего места «чужаку» Шерлингу.

...Поздним вечером отправился в «караван» проститься с Кантором, но застал лишь его жену:

- Леонид Моисеевич на работе...

- На работе?- обрадовался, но тут же удивился: - Так поздно?

- Леня устроился в магазин ночным сторожем, - произнесла она еле слышно.

- Леонид Моисеевич?.. Профессор Кантор – ночным сторожем?! – Не хотелось верить. – Где этот магазин? Я утром улетаю.

Супруга Кантора подняла на меня грустные глаза и проговорила с мольбой:

- Не надо... Не надо. Передам ему, что вы приезжали. Все образуется. Все будет хорошо.

Я понял. Склонившись к ее руке, припал к ней долгим поцелуем, стараясь передать свою любовь и восхищение мужеством этих людей.

На следующий день мы с Маритт улетели из Израиля. Страна моих предков меня приняла не дружелюбно. Возможно, мы с Израилем друг друга не поняли...

Прощаясь у трапа, Арон просил помнить, что его предложение о совместном бизнесе остается в силе. И, уже в самолете, оставшись мыслями наедине с самим собой, вдруг подумал:

А если и вправду – в бизнес?.. В иную жизнь? И она потребует немалого творческого напряжения.

Позже я неоднократно прилетал в Израиль. Видимо, тянуло туда то, что принято называть, «голосом крови». Мучительно старался понять страну, принять ее в свое сердце, найти общие точки соприкосновения. Будучи в США, часами беседовал с мудрейшими из мудрых евреев – раввином Адином Штейнзальцем и раввином Артуром Шнайером, стараясь с их помощью понять Израиль, а также трезво оценить то, что происходит сегодня в российском еврействе. Когда обретенная им долгожданная свобода от векового антисемитского рабства не сплотила, а наоборот разобщила его. Когда у общины оказалось дав главных раввина-антагониста и сотни раздробленных мелких общин, соперничающих друг с другом в ущерб монолитности, а, следовательно, и силе, и собственному благополучию, на радость недругам.

...В один из приездов в Израиль мне посчастливилось вновь встретиться с Леонидом Кантором. Он с семьей уже жил не в «караване», а в съемной трехкомнатной квартире, работал в университете, читал лекции.

- Как видите, все сложилось, - сказал он, обнимая меня и искренно радуясь встрече.

- Но вам не дали профессорской должности, - посетовал я.

- Ехал сюда не за карьерой. Профессором уже был, но ... в тюрьме. – Кантор шумно вздохнул полной грудью: - Теперь свободен! И я, и мой сын, и мои будущие внуки. Правда, пришлось и вытерпеть немало. Без терпения нам, олим-

хадашим, здесь нельзя.

- А у меня в Израиле ничего не получилось, - признался я с грустью.

- И не получится, - заключил Кантор. – Вы хотите быть только первым и только сразу, а здесь так не бывает. Послушайтесь моего совета, Юра, Израиль не для вас. И не только потому, что вам не хватает выдержки, терпения, чтобы завоевать его. Для таких, как вы, Израиль тесен, вы вскоре задохнетесь в нем и сбежите. Зачем же тратить силы и время, чтобы завоевывать то, что вам не нужно?..

Возможно, Леонид Моисеевич был прав.

Я снял для российского ТВ большой фильм об Израиле так, как видел и понял его. Но не поставил там ни одного спектакля, не дал ни одного концерта. Так парадоксально сложились отношения основателя и художественного руководителя еврейского театра в СССР с исторической еврейской Родиной, и, пожалуй, винить в том некого...

Файл: гл II.8 Больш. Ябл. 21.01.06 49027

ГЛАВА 2.8

В ГОРОДЕ «БОЛЬШОГО ЯБЛОКА»

Нью - Йорк, Нью – Йорк

До последней секунды Маритт настойчиво уговаривала меня лететь из Израиля не в Осло, а вместе с ней в Москву:

- Страна меняется на глазах. Сумеет ли Горбачев сделать ее демократической, не знаю, но он, безусловно, реформатор. Смотри, как подняли головы демократы! Сахаров – делегат Съезда народных депутатов, в ЦК КПСС

Александр Яковлев! Ты пропускаешь интереснейшее время в жизни России, как пропустил его в современном Израиле...

Не дал ей договорить:

- Не настаивай, Маритт. Пойми, мне необходимо побыть одному.

Я, действительно, должен был остаться наедине с самим собой. В Москве такая возможность и не светила. В моей не отремонтированной квартире в Лялином переулке жить невозможно. У Маритт же, на Ленинском проспекте, постоянно толкались люди, и, главное, там жила Великая Шарлота, а от ее расспросов и комментариев сошел бы с ума.

Мое одиночество в Осло длилось недолго. Не прошло и недели, прилетела Маритт:

- Ты как-то рассказывал, что Папп интересовался твоей разлюбленной персоной, - в первый же вечер неожиданно спросила она.

С Джозефом Паппом* (*Сноска: Дж. Папп – создатель Нью-Йоркского Шекспировского фестиваля и Общественного (Public) театра, бродвейских мюзиклов «CHORUS LINE», «HAIR» , «THE PIRATES of PENZANCE», завоевавших в общей сложности 32 премии Тону, создатель Гуманитарного фонда помощи детям Восточной Европы, носящего после его кончины в 1991 г. имя Дж. Паппа) – легендарным американским продюсером и режиссером, открывшим миру: Лайзу Минелли, Мэри Тэйлор Мур, Джеймса Эрл Джонса, Алана Кинга и других известных актеров, лично знаком не был. Но случилось так, что раввин Артур Шнайер из американской Любавической организации хасидов «Тсивос Хашем», прилетавший из Нью-Йорка в Москву, чтобы решить, можно ли русскому художнику Илье

Глазунову доверить сценографию спектакля КЕМТа «Черная уздечка белой кобылице», а позже, посмотрев этот спектакль, рассказал о нем Паппу. И тот пригласил КЕМТ на гастроли в США. Разумеется, мы с радостью согласились, но, увы, сие зависело не от нас. В ответном письме я объяснил это Паппу, и он направил официальное приглашение театра в министерство культуры СССР. Помню, с каким волнением и надеждой ждали мы решения! Тщетно. Единственной «заграницей» для моего КЕМТа так и осталась наша «социалистическая сестра» ГДР. А у нас с Джозефом Паппом, меж тем, завязалась переписка. Не врубаясь в ситуацию, запрещавшую советскому гражданину свободное передвижение по миру, Папп писал мне: *«Вы своим театром сделали для евреев России больше, чем все еврейские общины вместе взятые. Приезжайте, мистер Шерлинг, в любое время. Америка - это для вас, это ваш рай!»*. Уговаривал, будто бы я отказывался.

- Было такое, - пробормотал я. - Папп интересовался КЕМТом...

И Маритт предложила:

- У меня осталось две недели отпуска, смотаемся в Нью-Йорк! Повстречайся там с Паппом. Чем черт ни шутит?

«Смотаться»? К Паппу?.. Одно дело - Шерлинг во главе приглашенного на гастроли театра; совсем иное – Шерлинг безработный, проситель. В родном еврейском государстве мне дали сполна прочувствовать всю унижительность такого «статуса». А если аналогичная ситуация повторится и в Америке?.. Правда, в Израиль меня не приглашали, приехал по собственной инициативе,

а Папп приглашал, притом, настойчиво и одного, когда КЕМТу в американских гастролях отказали. Звал не «доброго приятеля», коим я ему и не был, а театрального режиссера Шерлинга.

Поразмыслив, решил в последний раз испытать судьбу, казалось бы, напрочь отвернувшуюся от меня. Действительно, чем черт ни шутит?

Это Маритт, человеку свободному, не составляло труда «смотаться» в Америку. Меня же, гражданина советского, туда без въездной визы и не впустили бы. Выдавать ее или нет, решал консульский отдел Посольства США, который жестко контролировал желавших посетить его страну. Мне учинили допрос с пристрастием: кто, откуда, зачем, почему, сколько, на что, когда... Зачем благополучной стране еще один потенциальный нищий советский иммигрант, не представлявший ценности для науки или вооруженных сил, не владеющий госсекретами, ненуриев, небарышников, даже недиссидент?..

Несколько дней томительного ожидания – выпустят - не выпустят и, - ура! - виза в кармане.

Восьмичасовой перелет на «Боинге» из Осло в Нью-Йорк, и мы с Маритт в аэропорту «Джона Кеннеди», в огромном аэровокзале, заполненном тысячами спешащих, чего-то или кого-то ожидавших людей бело-черно-смуглокожих, по-китайски раскосых... Огромного роста чернокожие служители со здоровенными, словно прилепленными к туловищу, задницами, оглушительно выкрикивают указания о

направлениях пассажирского потока. Таможенники, прежде чем поставить штамп о прибытии в твой иностранный паспорт, с пристрастием расспрашивают: куда, зачем, почему, сколько, что? Хотя еще не стряслась трагедия 11 сентября 2004 г., Америка еще не ведала, что такое международный терроризм и слыла самой безопасной и цивилизованной страной мира.

Нью-Йорк встретил нас проливным дождем. (Плохая примета!) Нырнув в салон желтого такси, притертого к кромке тротуара, двинулись в путь. За сплошной пеленой дождя, заставшей стекла машины, города было не видать, лишь маячили красные катафоры впереди идущих автомобилей, и слепили глаза фары встречных. Так, проехав почти пол Нью-Йорка, но, не увидев его, оказались в районе Манхеттена и остановились у подъезда гостиницы, в которой Маритт заблаговременно заказала номер. В тусклом, неприглядном вестибюле получили у портье ключи и в тесном лифтике поднялись на шестой этаж.

В центре Нью-Йорка такая говеная гостиница?! Хотя, какая разница, где прожить эти три-четыре дня?

Однако, когда вошли в номер, вскрикнул, пораженный:

- Что это, Маритт?! Такого говна и в советской тьмутаракани не встречал!

В комнатухе, длинной «колбасе», стояли одна за другой две железные кровати, покрытые серыми солдатского типа одеялами, столик со стульями, деревянный шкаф и умывальник с потрескавшейся и порыжевшей от старости эмалью. Я кинулся к окну, поднял посеревшие от пыли жалюзи, чтобы впустить в это убогое жилище хоть лучик

живого света, и уперся взглядом в глухую серую задницу стоявшего впритирку дома.

- Это, - на удивление спокойно ответила Маритт, - стоит 250 американских долларов в сутки. А с видом на город и удобствами, к которым ты уже привык, пятьсот, а то и все восемьсот. У тебя, мой друг, есть такие средства?

Я с недоумением посмотрел на Маритт. Никогда ранее она не заводила разговора о «моих средствах». С первых дней супружества между нами, как бы сами собой, установились разумные паритетные финансовые взаимоотношения, которые не обсуждались. В ресторанах, например, расплачивались то я, то Маритт, не соблюдая очередности, не подсчитывая сумм. А если случались большие траты, связанные, как правило, с поездками, она называла цифру, и я тут же выкладывал половину. И вот сейчас, когда передо мной уже реально маячило банкротство... Не ответив Маритт, принялся разбирать вещи, и тут выяснилось, что пропал один из чемоданов. Видимо, какой-то ловкий воришка прихватил его, когда мы, выскочив из такси, доверили швейцару гостиницы наш багаж. Ординарная, как выяснилось, для Америки история.

На счастье, ливень кончился.

- Быстрее в город! Задохнусь в этом гадюшнике! – взмолился я.

Последние 15 лет я часто бываю в Нью-Йорке, достаточно хорошо узнал и привык к нему, хотя так и не полюбил. И сегодня не могу без улыбки вспоминать свой первый день в этом сумасшедшем городе.

Самый высокий дом, который видел до приезда в Америку, - здание МГУ на Воробьевых горах в Москве, 30 этажей!

Небоскреб! Шпиль скрывается в облаках! Когда, вскоре после войны, его выстроили, москвичи и гости столицы специально ездили смотреть на это чудо. Но что такое 30 этажей для Нью-Йорка?! Восемьдесят, девяносто, «Эмпайр стейт билдинг» – сто один! И эти гиганты, едва мы вышли из гостиницы, обрушились на меня, прижали к земле, я почувствовал себя лилипутом в стране бетонных великанов с тысячами стеклянных глаз, горящих желтыми огнями.

- Уйдем отсюда, - прошептал я, задыхаясь.

- Куда?- удивилась Маритт.

- Не знаю... Уйдем... - и толкнул ее обратно в открытую дверь гостиницы.

Так состоялось мое первое знакомство с Нью-Йорком - городом, где бьющее в глаза богатство соседствует с потрясающей нищетой; где улицы заполнены разноликой, разноцветной, шумной, спешащей куда-то толпой и нескончаемой вереницей автомобилей, торчащих в пробках. С городом, подобного которому нет в мире.

Есть и такие раввины

Еще в Осло облазил все свои записные книжки, но нью-йоркского телефона Джозефа Паппа так и не нашел. Зато обнаружил телефон раввина Артура Шнайера.

- О, мистер Шерлинг! – обрадовано воскликнул раввин, когда позвонил ему и, узнав, что я в Нью-Йорке, пригласил нас с Маритт к себе.

- Жду вас завтра после вечерней молитвы, - уточнил он.

- Вот, где ты поешь настоящую гефилтэ фиш (фаршированную рыбу) и кнейдлах (медовое печенье)! – сказал я Маритт, не сомневаясь, что в доме рабби нас ждет кошерный ужин.

- Ни фиги! – отрезвила меня Маритт. – Это тебе не Россия! Гостей на ужин приглашают не домой, а в ресторан.

Вспомнилась первая встреча с рабби Шнайером

О его намерении познакомиться со мной и Глазуновым предупредили из Минкультуры. У КЕМТа своего помещения в Москве не было, и местом встречи избрали мою 13-метровую халупу на Смоленской. Прибрал ее второпях, причем, скорее из-за визита Глазунова, чем рабби, представляя его себе в засаленном лапсердаке, бородатым, с пейсами невзрачным евреем, каким мне виделась тогда раввины. Велико же было изумление, когда передо мной предстал, сопровождаемый переводчиком, респектабельный, лет пятидесяти, европеец с холеным, гладко выбритым лицом. Незаметная на первый взгляд черная кипа, сливавшаяся с такой же черной, но с проседью аккуратно подстриженной шевелюрой, была в одежде единственным свидетельством его принадлежности к ортодоксальному иудаизму.

Поздоровавшись, гость молниеносным взглядом окинул мою холостяцкую берлогу и, видимо, не обнаружив ничего более подходящего, скинул на спинку заваленного нотами и бумагами стула свое кашемировое на норковой подкладке пальто – такого я еще не видал!

О беседе раввина Шнайера и Глазунова, закончившейся полным согласием, подробно рассказано в моей первой книге. В ту пору мы знали лишь что рабби – раввин какой-то нью-йоркской синагоги. Однако, судя по манере держаться,

уверенной речи, дорогой стильной одежде, я догадывался, что он далеко не рядовой американский раввин и, к тому же, человек достаточно состоятельный. Распросить о нем подробнее было не у кого, да, собственно, мы такой целью и не задавались. Значительно позже, уже в Америке, узнал, что духовный лидер синагоги «Парк-ист» в Нью-Йорке рав Артур Шнайер – крупный общественный и конфессиональный деятель, что он – основатель и президент Международного миротворческого фонда «Призыв к совести», главный принцип которого «живи и дай жить другим», и его деятельность направлена на достижение консенсуса между ведущими конфессиями мира; что рабби Шнайер, помимо всего, крупный коммерсант. В тот день, когда мы с Маритт направлялись к нему в гости, всего этого я не ведал, и потому был так поражен, когда таксист, остановив машину у супер-фешенебельного особняка, пояснил, что это и есть дом рабби.

В памяти мгновенно возник барский особняк в подмосковной усадьбе отца моей бывшей возлюбленной Нины К. Только такой великий музыкант, как ее отец, считал я, может жить подобным образом. В моем понятии богатство человека неразрывно сочеталось с его интеллектуальной и профессиональной высотой. Жизнь и события беспощадно расправились со многими моими «понятиями», в том числе и с этим. На моих глазах владельцами личного богатства в современной России стали, в основном, «новые русские»; не имея ничего общего с интеллектом, они обладают высочайшим профессионализмом, правда, криминальным. Разумеется, к рабби Шнайеру это не относится.

Особняк Шнайера был великолепен! Однако, больше всего меня поразил «Стейнвей», стоявший с открытой крышкой в просторной полупустой гостиной. По просьбе ребенка и его супруги я сыграл и спел несколько старых идишских песен, чем привел их в восторг.

Памятуя о том, что о КЕМТе и обо мне Джозеф Папп когда-то узнал от Шнайера, спросил, не сможет ли он назвать номер его телефона.

- Йоси Папировского? Записывайте, - и стал диктовать наизусть.

- Не Папировского, а Паппа, - уточнил я.

Шнайер рассмеялся:

- Так это ж одно лицо! Йоси решил, что «Джозеф Папп» по-английски звучит лучше. Но никогда не скрывал, что он – еврей. Чтоб каждый из нас был таким хорошим евреем! Помогал бы общине и совершал такую щедрую цдаку! * (*Сноска: Цдака (ивр) – благотворительность без разглашения имени благотворителя. Согласно Торе, минимальный размер цдаки должен составлять не менее 10 процентов от суммы дохода).

Выждав, когда запишу телефон Паппа, рабби Шнайер спросил:

- Рассказывай, как дела. Что случилось? Подрался с каким-то милиционером? Укусил его, это правда?

- Откусил ему нос.

- И тебя судили?

- За то, что не вернул собственнику, - отшутился я.

- Хорошенький смех! – покачал головой Шнайер.

- Не плакать же! Отплакался, кричу! Вопию! Что толку?! Обвинили в смертных грехах, вплоть до изнасилования всех моих актрис и актеров, и они все беременны от меня.

- Рано ли, поздно ли, еврей вызывает раздражение нееврея своими неординарными поступками и мыслями, способностями, талантом, - расфилософовался Шнайер. – А ты, к тому же, создал еврейский театр в самой антисемитской стране мира. Думал, тебе это простят? Рассказывай, зачем приехал в Америку?

- Приехал, чтобы работать здесь в театре. - Я надеялся, что тебе примет участие в моей судьбе. Увы! Он ограничился похвалой в мой адрес:

- Ты избрал верный путь. Никто иной, так не откроет двери в театральный мир Америки, как Йоси Папировский. Но, запомни: если голодный, садясь за стол, начинает есть все подряд не останавливаясь, у него может случиться заворот кишок. Авраам первенца родил в 90, тебе же только 40 - куда спешишь? Да и стоит ли тебе покидать Россию? Мы призываем: «Живи и дай жить другим», «Живи по совести» - и на Земле воцарится мир и благоденствие.

- Но жить по совести могут только свободные люди, - возразил я, - а в России...

- Не за горами время, когда свежий ветер демократии подует и в России. Сумеют ли советские евреи использовать этот шанс объединиться и, тем самым, укрепиться в общественной жизни? Сомневаюсь. Скорее всего, появятся олигархи-евреи, завладевшие многими богатствами вашей страны с нищим населением, что вызовет новый всплеск антисемитизма. А раввины начнут драться друг с другом за власть в общине и раздирать ее на части. Я хорошо изучил вашу страну. Ты, Юрий, нужен сегодня дома больше, чем в Америке. Своими новыми спектаклями...

- Да, кто ж даст мне ставить их там?! – воскликнул я, не сдержавшись.

- «С неба Он дал тебе услышать свой голос, чтобы наставлять тебя, а на земле показал тебе великий огонь свой, и слова Его слышал ты из огня», - строфой из Торы ответил мне рав Шнайер.

Он встал, следом поднялись и мы с Маритт. Аудиенция закончена.

– Всё в руках Господа, будем молиться, - закончил на прощанье ребе.

Ясно: «На Бога (но не Шнайера) надейся, но и сам не плошай».

Какая она, Америка?

Паппу я позвонил, едва мы вернулись в гостиницу. На своем похабном английском с грехом пополам объяснил секретарю, кто я такой, и что хочу встретиться с его шефом. Представьте, американец меня понял, хотя и не смог сдержать смеха.

Не прошло и минуты, в трубке раздался густой баритон:

- Юрий!? В Нью-Йорке?! Жду в четверг в 11.00.

Был вторник. До встречи с великим продюсером, который мог в корне изменить мою судьбу, оставалось около полутора суток.

Окрыленные надеждой - не зря же Папп взял трубку! - мы вышли в город, и Маритт потащила меня в магазин «Для больших людей», надеясь, купить там брюки, о которых давно мечтала. Штаны, за \$1000, уже через три дня лопнули по швам, не выдержав ее веса, но в тот момент женщина была

в восторге. Поймав-таки за хвост свое сиюсекундное счастье, она решила сделать приятное и мне:

- Я заметила замечательный пиджак, вы созданы друг для друга!

Сколько ни отпирался, доказывая, что мой греческий костюм, хотя далеко и не новый, вполне подходит для встречи с американским продюсером, Маритт настояла на своем. Ее не переубедил даже такой веский аргумент, как мои финансовые затруднения.

- Имею право сделать подарок собственному мужу?! – упрямо твердила она.

Короче, мы купили «созданный друг для друга» белый пиджак в черную продольную полосу.

И в этом пижонском пиджаке, окрыленный надеждой на успех после телефонного разговора с Паппом, - коротким, но на мой взгляд многообещающим, я отправился на встречу с Джозефом Паппом. На мой успех не меньше рассчитывала и Маритт, сопровождавшая меня в роли переводчика. Судя по всему, ее уже стал обременять «гениальный безработный» муж, обходившийся ей недешево.

В офисе Паппа нас встретил его секретарь - молодой смазливый парень в яркой спортивной рубашке, откровенно распахнутой на груди, поросшей легким пушком. Я представился – моего английского с лихвой хватило не это.

- О, мистер Шерлинг! - приветливо воскликнул секретарь, и его мгновенный оценивающий взгляд словно споткнулся на моем новом пиджаке, а по лицу промелькнула едва уловимая тень улыбки.

Нравится? У тебя нет такого?

Отрепетированным у зеркала движением я надменно повел плечами: черные полосы на ткани пиджака пересеклись и вновь выпрямились

- Рад знакомству, мистер Шерлинг! – секретарь Паппа, между тем, подошел к нам; протянул руку Маритт, мне, назвался: - Велл. – И приветливо предложил стандартное: - Кофе? Виски? Со льдом?

Дверь кабинета Паппа была наглухо.

Занят? Что ж, обождем, надеюсь, недолго...

Я ощущал себя значимым и желанным посетителем. Уже готов был бросить секретарю небрежное «виски, со льдом» и расположиться на диване с резной спинкой, перед которым стоял журнальный столик, как услышал:

- Джозеф, улетаю, очень просил мистера Шерлинга дожидаться его возвращения.

- «Улетаю»?.. – переспросил с идиотским видом. – Куда?..

- Сожалею, но... - Велл развел руками: - Джозеф ночью улетел в Европу.

- Как это?!.. – Я отказывался понимать. – Только позавчера...

- Знаю, знаю, - перебил Велл. – Дела! Вы дождетесь Джозефа, мистер Шерлинг? Он будет звонить...

- Сколько?! – не выдержала Маритт.

- Недели три.

- Сколько, сколько? – с лица Маритт сполз ее неистребимый румянец: - Три... недели?

- Не больше, - невозмутимо ответило «доверенное лицо», не понимая, что для нас этот срок равносителен тюремному. Одно лишь проживание в гостиничной конуре обошлись бы в пять с лишним тысяч долларов! А завтраки в

кафе, обеды в ресторанах? Не станет же Маритт трижды в день довольствоваться хот-догами и кока-колой!

Какими только «треэтажными» словами ни вспомнил я, выйдя на улицу, мать Паппа за то, что она родила такого... Да так эмоционально, что даже самые «громкоговорящие» чернокожие ньюйоркцы с удивлением оглядывались.

В гостинице нас ждал новый сюрприз - счет на 800 долларов за телефонные разговоры, включая местные. Привыкнув к московским правилам, когда внутригородские переговоры бесплатные и болтать можно сколько душе угодно (норвежских правил не знал, такие «мелочи» меня не касались), я и в Америке не ограничивал себя, разыскивая эмигрировавших московских знакомых.

- Всё! Уезжаем! – решил я. – Мне эти «игры» с великим маэстро не по карману. И тебе к чему такие расходы? Да и твой отпуск на исходе.

- Отпуск-то мне, надеюсь, продлят - раздумчиво ответила она, - а ты... одолжу тебе нужную сумму; вернешь, когда сможешь. Уехать, потерять возможность работать у Паппа? Согласись, не остроумно.

Я согласился: «неостроумно». Арендовав недорогую двухкомнатную квартирку в частном доме, мы съехали из гостиницы и остались ждать Паппа.

Была у этой непростой ситуации и обратная сторона – возможность познакомиться с Нью-Йорком и американцами. Шутка сказать, три свободных недели в Нью-Йорке!

Я уже не был «глухонемым», как недавно в Лондоне. Мой английский позволял мне одному передвигаться по огромному чужому городу, рассчитывая на помощь ньюйоркцев, которые всегда любезно подсказывали дорогу,

если путеводителя оказывалось недостаточно. Смотрел. Знакомился. Не переставал удивляться стране, не похожей ни на ту, где родился и вырос, ни на монаршую Норвегию, где прожил последние годы. Иные порядки, иное общество, менталитет. Минимум условностей и максимум свободы. Дозволено (и не на словах!) все, что не запрещено Конституцией США. Хочешь вести бездомную жизнь бомжа? Пожалуйста, если тебе это по душе! Кстати, тогда я впервые увидел, как бомжи, на виду у прохожих и полицейских, спокойно копаются в мусорных бачках в поисках одежды, предметов домашнего обихода, спят на скамьях скверов, садилов, парков. Словно французские клошары из романов Золя! И никто не назовет их тунеядцами, не приговорит за это к ссылке, как советский суд Иосифа Бродского.

А сколько повстречалось мне замечательных уличных музыкантов! Однажды почти полдня провел возле немолодого чернокожего саксофониста.

Музыкант заметил меня, видимо, почувствовав во мне родственную душу, и когда я просил «еще, еще», радостно отвечал белозубой улыбкой, продолжая играть все виртуозней. Слушал, и на его месте видел себя. Что, если жизнь однажды заставит вот так же зарабатывать на хлеб?.. Собираясь уйти, вывернул свои тощие карманы, и музыкант так огорчился, что на его глаза навернулись слезы. Стараясь сгладить неловкость, объяснил, что и я – музыкант, что мои деньги – подарок ему за замечательную игру, подобно которой не слышал, что он играет ничуть не хуже знаменитого Кол Трейна.

Я заходил в какие-то универмаги, чтобы окунуться в гущу ньюйоркцев. Околачивался на диких лесбийско-

гермофродитно-гомосексуальных вечеринках, на которые продавали входные билеты. Отвратительные сборища! Но хотелось видеть Америку во всех ее ипостасях. Она по-прежнему вызвала непонимание; необходимо немалое время, чтобы интегрироваться в нее. И однажды, вернувшись из города, сказал с грустью Маритт:

- К ней надо привыкнуть, понять.

- Не торопись с выводами, - возразила Маритт. - И я в первый приезд...

Не дал ей договорить:

- Чем ближе узнаю Америку, чем больше смотрю спектаклей в ее театрах, тем больше убеждаюсь: Джозеф Папп ошибался, когда в письмах уверял, что «Америка – это для меня». Завоевывать Америку, когда тебе под сорок пять поздно, слишком поздно. Разумеется, можно рискнуть и пойти на это ради своих детей, которых привез сюда. Забыв обо всем достигнутом в России, мыть посуду в кафе, сторожить по ночам магазин, в надежде на лучшие времена. Но я приехал ради *собственного* будущего, я полон творческих сил, энергии. И не собираюсь откладывать жизнь на «потом».

Американский театр

Экономил на всем: обеде, ужине, билете в метро и автобус, проходил пешком немислимые расстояния, чтобы купить самый дешевый билет в театр на Бродвее или в Публичный театр Джозефа Паппа. Посмотрел почти все мюзиклы, которые шли в те дни в Нью-Йорке. Сравнивая бродвейские мюзиклы с КЕМТовскими, которые еще недавно советские критики (и, главное, сам) считали едва ли ни вершиной режиссерского и хореографического мастерства,

не переставал вспоминать характеристику, данную мне когда-то иностранным журналистом : «гениальный режиссер провинции». Думал об этой, оскорбившей меня некогда оценке, еще в Лондоне, посмотрев мюзикл «Отверженные». Не пропустил тогда ни одного спектакля. Учился, пытаюсь вникнуть в тайну режиссерского, хореографического решений, и понять, как труппе удастся добиться такого совершенства. И, все же там, в Лондоне, оправдывал свою позицию принципиально иной, более высокой - психологической школой, в то время как лондонская - развлекательная. Даже мысленно обвинял английских артистов в скоморошничестве. Бродвейские же спектакли, в которых играли артисты, владевшие уникальным, поистине, на генетическом уровне, мастерством, заставили меня понять, что эти школы - психологическую и развлекательную сравнивать нельзя, непрофессионально.

Американским артистам, игравшим в мюзикле, вовсе не требовалось посылать, с подачи заумного режиссера, «стрелы гражданского темперамента в сознание зрителя». Американская, да и европейская, публика приходит на мюзикл не за «стрелами», а за развлечением и получает его на высочайшем профессиональном и творческом уровне. Злую шутку сыграл с нами «железный занавес», за которым творческой мысли развиваться было невозможно. Готовясь к долгожданной встрече с Паппом, сознавал: работать в Америке не готов.

Хотя... Если в спектакле «Когда взойдет песок», который я поставил для Надежды Бабкиной, занять артистов бродвейского уровня.... Изменить его утрированно-национальный колорит, сюжет... Не противодействие

«черной силе», а мольба к Господу о помощи в час надвигавшейся беды... «Помилуй, Господи!» Вселенская мольба, одинаково близкая сердцу и американца, и русского – всем, всем... Если Папп даст мне театр, артистов...

Позволю себе небольшое отступление. Меня нередко спрашивают, почему я предсказывал провал спектакля «Чикаго» на московской сцене? Посмотрим шире: почему все знаменитые американские и английские мюзиклы, за исключением «Иисус Христос – суперзвезда» на российской сцене проваливаются?

Чтобы ответ был понятней, подумаем, может ли стать популярной в США русская народная песня? Нет. Почему? Да потому, что вся мелодическая структура славянской музыки абсолютно чужда американцами.

Итак, почему же на московской сцене провалился знаменитый «Чикаго»?

Ответ прост: чужой он, не наш. Его проблемы, тематика, психология персонажей, музыкальная основа – всё нам чуждо. Россиянину «Юнона» и «Авось» в постановке Марка Захарова куда ближе, чем рожденный в Америке «Чикаго» с его специфическими коллизиями, трогательно воспринимаемыми и переживаемыми американскими зрителями.

Если для нас «Чикаго» всего лишь шоу, то для американцев – и шоу, и драматическая история, понятная и близкая им, но непонятная и чуждая нам. Отсутствие двух этих элементов – «понятный» и «близкий» привело к провалу «Чикаго» в России.

Кроме такого примитивного объяснения, существует более сложное. Театральное воздействие на зрителя происходит не только с помощью драматургии произведения и музыки к нему, но, что важнее, с помощью *качественного* исполнения спектакля.

К примеру, в чем заключалась уникальность КЕМТа? В *качественности* актерского исполнения. В том энергетическом посыле, которым артисты при помощи музыки, хореографии передавали зрителю драматургию спектакля. Он был отрежиссирован и отрепетирован так, что любой интернациональный зритель воспринимал происходящее на сцене как свое. Русская же копия американского мюзикла «Чикаго» ни в коей мере не отвечает этим требованиям.

Помимо того, что российскому зрителю чужда сама драматургия «Чикаго», *качественность* передачи музыки и направленность темперамента, посылаемого нашими артистами в зрительный зал, стали лишь шоу. Грубо говоря, эстрадным представлением, а это, естественно, не могло зацепить за живое российского зрителя, привыкшего к драматическим коллизиям.

Возникает вопрос: почему же мюзикл «Иисус Христос суперзвезда» в театре им. Моссовета отвечает требованиям зрителя? Ответ прост: библейская тема генетически близка большинству россиян, и даже при некачественной исполнии вызывает сопереживание. Рассказ о семи последних днях «простого парня» Иисуса, в жизни которого не последнюю роль сыграли Иуда, Понтий Пилат и Мария Магдалина, понятен любому зрителю.

В чем же еще причина неуспеха наших артистов в копируемых на российской сцене знаменитых иностранных мюзиклах? Вот уже четверть века я твержу: институты, готовящие артистов, делают это методически неправильно, в результате чего они не владеют выразительными средствами в совершенстве, как того требует сложный синкретный, синтетический жанр мюзикла. Артист не обучен владеть одновременно хореографией, вокалом и возникающей в данный момент на сцене психологической конфликтностью, ежесекундной взрывностью. Американской школой сочетание всех этих выразительных средств доведено до совершенства и если, порой, психологическая глубина спектакля оказывается недостаточной, ее компенсирует высочайшая исполнительская техника. Российская же школа делает ставку на талант артиста, который гениально играет в психологическом театре, но очень слаб в театре синтетическом.

Все сказанное мною о российском спектакле «Чикаго», в равной степени относится и к другим нашим спектаклям-мюзиклам «Отверженные», «Кошки», «Ромео и Джульетта», «We will rok you», «Метро»...

Беда заключается в том, что все они - копии иностранных, не адаптированы для зрителя с русской психологией, изменить которую в одночасье невозможно. Уверен, чем сильнее прессирование, тем упрямее русский характер будет сопротивляться ему и вытеснять насилие культуры, наступающей с Запада.

Воспользовавшись предложением американской подруги Маритт, подвизавшейся на ньюйоркском ТВ, пришел вместе

с ней в офис организации, напоминавшей наш Союз писателей. Меня приняли любезно, со стандартным «что будете пить?», хотя о режиссере Шерлинге, КЕМТе и его спектаклях здесь и ведать не ведали. Мило побеседовав с полчаса, узнав несколько нужных мне адресов и номеров телефонов, распрощались. Я, собственно, ничего другого от этого визита и не ждал.

Накупив каких-то «даров» (по московскому обычаю: «в гости не с пустыми руками») отправился в особняк драматурга Дейла Вассермана. Представляясь постановщиком и хореографом спектакля по его пьесе «Человек из Ламанчи», поставленного в Московском театре

им. Маяковского, не сомневался, что Вассерман встретит меня с распростертыми объятиями.

Секретарь, доложив обо мне, вернулся мгновенно:

- В аудиенции вам отказано. Категорически! - и направился к выходу, тем самым, выпроваживая неугодного посетителя

Как только посмел явиться сюда?!

А дело заключалось в том, что между всеми цивилизованными странами давно действовало незыблемое соглашение об охране авторских прав, щепетильно соблюдаемое сторонами. Наша же, единственная в Европе, в этом соглашении не участвовала и бесстыдно обворовывала иностранных авторов, немало зарабатывая на этом. И, все же, рискнул позвонить Джону Стайну – автору пьесы «Скрипач на крыше», спектакль по которой «Тевье из Анатовки» я поставил в КЕМТе. Разумеется, и у Стайна мы не спросили согласия на постановку его пьесы, которую,

кстати, продолжали давать на Бродвее, и никакого гонорара не заплатили.

В отличие от Вассермана, Стайн меня принял. Посетовав на советское беззаконие, пожалел, что не смог посмотреть «Скрипача» в нашем театре. Узнав о моем намерении получить работу театрального режиссера в Америке, посоветовал обратиться к Джозефу Паппу, от которого «...зависит едва ли ни вся театральная жизнь страны».

Н а Б р а й т о н – Б и ч

Описать жизнь этой улицы, облюбованной евреями-иммигрантами, пожалуй, смог бы только Бабель. Удивительная картина: Одесса переехала в Америку! Жванецкие бродили повсюду. Абсолютная полифоническая дисгармония. Некая атональная музыка в стиле Пандерецкого плюс Шнитке, плюс Шёнберг, плюс блатная, плюс «У самовара я и моя Маша». Тетя Сара в клешах и пурпурной бобочке, обтягивающей ее четырехэтажный живот, и дядя Сёма в модняцких шортах с пряжками и молниями. «Сара *luke at this* жопа!». «Арончик, *lissen me, go to* магазин покупать *something* покушать!»... Невозможно передать интонации, с которыми это произносится. Бабель в полном расцвете! «Высунься, высунься, посмотрим, что из этого получится!», «Куда ты поставил машину, поц!?!». А машины – сплошь «мерседесы». Брайтонбичские евреи, превратившиеся в «ми-гусские», не желают ездить на американских, им, видите ли, это не престижно, и потому привозят только «мерседесы» и только из самой Германии. Но в Америке свои правила и придется переделать бампер. «Так переделаем! Пусть все

видят, кто такой дядя Мот! (Читай – Мотл). Пусть все знают, что *мы такое есть!*».

Хотелось бежать, когда эти одесско-американско-русские-брайтонбичские евреи окружили, узнав меня:

- Наш Шерлинг приехал! Наш еврейский театр! Мы снова увидим «Ломир»! И вы будете танцевать для нас?!

Для вас ни петь, ни танцевать! Никогда! Разве для таких, я строил КЕМТ?! Считал себя едва ли ни Моисеем, выводившим евреев из советского рабства. Кого выводил? Зачем? Куда?

Вспомнился рассказ Леонида Кантора о евреях, которые на «горке» у Московской синагоги громче всех кричали «Отпусти мой народ!», требуя от советских властей разрешения на выезд в Израиль, хотя изначально наострили лыжи в Америку. И вот *они* здесь. Разумеется, каждый вправе сам выбирать себе местожительства. Но не такой же вот коллективной спекуляцией именем страны, которая нуждается в твоей помощи. Самодовольная, кичливая одесская мешпоха! Ее не спасает и бабелевское остроумие. Она всегда вызывала и вызывает у меня, еврея, отторжение своей беспардонностью, бьющим в глаза показным благополучием, зачастую мнимым, - всем тем, что пятнает мой народ, родит антисемитизм.

С надеждой поглядывал на дорогу, не появится ли спасительное такси. Увы, отделаться от *этих* бывших моих зрителей оказалось непросто. Лишь замаячило желтое авто, на авансцену вышел некий господин в шортах:

- Там, в Советах, вы приглашали нас в *свой* театр, теперь же приглашаем вас мы. Сделайте большое одолжение, уважаемый товарищ Шерлинг, сегодня в «Миллениуме» наша

Софочка со своей группой будет петь на идише. Это что-нибудь особенного! Почти как ваша Марина Бухина. Билеты по 20 долларов за штуку, но за вас и вашу мисс плачу я – Сол Кракер!

Маритт, давясь от смеха, вопросительно посмотрела на меня.

- Отвезу вас на своем «мерсе»., - продолжал, меж тем, Кракер, - мисс сядет сзади с моей Мирой, думаю они уместятся. Люди с ума сойдут от зависти, когда увидят, что

Сол Кракер привез самого товарища Шерлинга!

Взглянув на часы, он заторопился:

- Прошу прощения, отлучусь на минуточку, надо переодеться. А вас прошу в мое кафе, расходы за мой счёт.

Не дав мне возможности ответить отказом, взял под руку Маритт и повел ее внутрь кафе «Русская кухня», возле которого мы стояли. Ничего не оставалось, как последовать за ними.

Едва я успел допить кофе, а Маритт умять свое и мое пирожные, как Кракер вернулся. На нем был черный смокинг, тугой белоснежный воротник с галстуком-бабочкой скрывал сухую шею, брюки с заутюженными складками стояли намертво. А рядом возвышалась его Мара в красном атласном декольтированном платье. Золотое кольцо с аметистами в виде магендовида украшало ее лебединую грудь.

...Концертный зал «Миллениум» удивил меня специфическим контингентом зрителей. В первых рядах партера - шикарно разодетые, увешанные драгоценностями, смахивающими на бижутерию, дебелые дамы и скованные

смокингами «знающие себе цену» мужчины. Дистанцируясь от этой бьющей в глаза роскоши, скромно одетые немолодые люди. Все они – богатые и небогатые - иммигранты, в большинстве своем, бывшие советские евреи. Шум, гвалт, уже знакомая лексика брайтонбичского «эсперанто», переселившегося в тот вечер в «Миллениум».

Надо было видеть, с каким апломбом представлял меня Кракер своим знакомым! Сколько раз в ответ звучало многозначительное «О-о!», и оказывалось, что все-все - мои восторженные зрители, что «никогда не забудут, как...» и проч., и проч.

*Скрыться бы от этого праздного мещанства!
Пересесть бы в последние ряды зала! Там наверняка
сидят мои бывшие зрители, в судьбе которых спектакли
КЕМТа, действительно, сыграли когда-то заметную роль.*

Наконец, раздался третий звонок, все заторопились на свои места, оставив меня в покое. На сцену вышел конференсье, и зал стих. Сдобрив приветствие стандартной шуткой в стиле Левенбука, и пожелав зрителям интересного вечера вместе с их любимой Софочкой, он сделал многозначительную паузу. И я замер от неожиданности, услышав свою фамилию. Тысячный зал, взорвавшись аплодисментами, встал: «Шерлинг! Шерлинг! Браво!» Но я далеко не был уверен, что все знали, кто такой – «этот Шерлинг». А конференсье уже представлял меня со всеми моими бывшими титулами. И этого было достаточно, чтобы сделаться героем тех, кто бежал от советского режима, хотя и не ведал о КЕМТе. Яркий луч прожектора отыскал меня в зале. Пришлось подняться и, сдерживая слезы, произнести какие-то слова благодарности.

- Что *это*? - растерянно прошептала Маритт, когда я сел, а зал успокоился и, уже забыв о «Шерлинге», приготовился слушать *свою* Софочку.

- Так было всегда... - также шепотом ответил я. И Маритт крепко сжала мою руку, видимо, вновь уверовав в гениальность своего безработного, временно нищего супруга, на которого, в надежде на будущее, не жалко сейчас тратить ни времени, ни сил, ни денег.

А потом пела Софочка. Что сказать? Я бы и статисткой не принял ее в КЕМТ. А зал вопил от восторга. Бывшие узники галуты слушали дорогие их сердцу песни, напоминавшие им родной дом, которого больше никогда не увидят, детство, молодость, погибших в печах Освенцима и Майданека близких, горе, страдания, маленькие радости... И было им наплевать, высокое ли это искусство КЕМТа, или уровень местечковой самодеятельности, которую я выжигал из театра каленым железом.

Внезапно грусть одолела меня, жалость к брайтон-бичским евреям. Вырвавшись из советского гетто, они, одержимые стремлением выжить, умудрились в свободной стране утратить свою человеческую суть. Но какими бы они ни были, это мой народ. Это ему я своими спектаклями старался доказать, что он вправе быть гордым, достойным уважения, а не презрения и насмешек, которым на этот раз сам себя подвергает. Я тяжело вздохнул.

- Тебя встретили как божество, а ты недоволен? – удивилась Маритт, когда нам все же удалось улизнуть из «Миллениума» и поймать такси.

- Доволен?! Чем? Так же встретили и *свою* бездарную Софочку. Им бы только слушать, безразлично кем и как

исполняемые, галутские мелодии! С ними связана жизнь еще трех живущих ныне поколений евреев, а когда они уйдут... Обратила внимание, была ли в зале еврейская молодежь, проехавшая остановку «ми - гусские» и уже ставшая американской? Американско-еврейскую молодежь, как израильскую, неоткуда «выводить»! Незачем взывать к ее национальной гордости, - она свободна! Трагические спектакли КЕМТа и его худрук не нужны ни одной свободной стране! Хочешь, чтобы я *это* понял?! Что зря отдал КЕМТу семь лет творческой жизни?!.. Ошибаешься, детка, не собираюсь замыкаться на еврейской теме, как бы близка она мне ни была. Я ставил «Человека из Ламанчи», кубинский «Тощий приз», и, увидишь, поставлю еще не один спектакль, лишь бы... лишь бы мне дали такую возможность.

« Г о л у б а я » с о л и д а р н о с т ь

- О, Юрий! – Джозеф Папп не меняет «американской» позы, когда я вхожу в его кабинет. – Думал ты выше ростом и покруглей. – Цепким, оценивающим взглядом он откровенно осматривает меня, словно раздевает догола, и я невольно краснею, кажется, впервые в жизни.

Пожилой с черной, явно крашеной, шевелюрой он комфортно развалился в кресле, положив на письменный стол ноги в остроносых штиблетах с отполированными подметками, направленными на меня, словно дула пистолетов.

- Какой есть... - развожу руками.

- Как же ты, мой дорогой, профукал такой замечательный театр?! – то ли спрашивает, то ли укоряет Папп.

Обескураженный приемом, медлю с ответом. Гнев закипает в груди:

Кто смеет так разговаривать со мной?! Знаменитый продюсер?! А я – лыком шитый?! Ошибаешься! И нечего выговаривать мне, словно мальчишке! Пришел не оправдываться, не выслушивать упреки, не выпрашивать работу. Как равный с равным, сэр Джозеф! Или никак!

А Папп, не замечая моей отчужденности, ловко снимает, наконец, со стола ноги, встает из своего глубокого кресла – высокий, вальяжный, с тщательно выбритым женственно-красивым, но дрябловатым лицом, которому уже не впрок ни массажи, ни кремы.

- Все зависит только от нас самих, нашего профессионализма, - продолжает он поучать и, вплотную приблизившись, обнимает за плечи, целует прямо в ушную раковину, да так громко, что в ней начинает звенеть. – Только от нас, - повторяет он многозначительно, подводит к красному кожаному дивану, усаживает рядом с собой и, даже не оборачиваясь, делает Маритт знак рукой занять кресло неподалеку. - Великое искусство – ладить с людьми! Профессионал обязан сполна владеть им. Даже я, Джозеф Папп, далеко не всегда позволяю себе лезть напролом. А ты? Полез. Да еще в такой стране, как твоя. Выходит, не профессионал.

После такого неожиданного приема, разговора о работе в американском театре можно и не заводить. Для Паппа я – не только «бывший», я – потерпевший *фиаско*. Проигравший. Неважно кому, почему, как? Гораздо важнее то, что не сумел противостоять кому-то (чему-то), а такие паппам неинтересны.

Плевать! Главное, сам не считаю себя проигравшим. Мои творческие возможности – в полную силу, а это означает, я на плаву, что бы там ни думали джозефы паппы.

- Видел видеозаписи российских спектаклей, - продолжает рассуждать Папп. - Они достаточно специфичны, мы называем их «of Broad Wey», то есть некоммерческое искусство, которое делается малыми антрепризами. Они могут быть интересны избранной части интеллигенции, однако не станут популярны у фермерского населения, а США – страна фермеров. Странно, что в вашей стране любят такое искусство.

Пытаюсь объяснить свои позиции, что американский мир мюзиклов приносит лишь психологическое удовлетворение, когда нашему зрителю нужна происходящая на сцене острая конфликтная ситуация.

Папп усмехается:

- У меня шесть театров, и все они играют только для зрителей.

- Мы тоже играем для зрителей, но, видимо, у нас разные потребности.

- Ошибаешься, потребности у всех зрителей одинаковые, - возражает Папп. – После рабочего дня они хотят отдохнуть.

Передо мной опытный менеджер, отлично понимающий жизнь своей страны и специфику американского зрителя.

- Итак, Юрий, с чего начнешь в Америке? –, обескураживает он.

- Не знаю...

- Зачем же приехал, если не знаешь?

- Три недели ждал вас, – отвечаю, чуть повысив голос.

- Дела! Все время в разъездах. Назначая тебе встречу, я был просто сумасшедший.

Вспомнились, слова Андрея Гончарова: «Ох, и удивительная уловка руководителей: «вчера был сумасшедший», то есть *это* он сказал вчера, а сегодня он думает иначе».

- Хотел бы работать у вас в театре. Вы же сами писали, что «Америка мой рай», - говорю жестко, уже ни на что не надеясь.

- Не знаю...не знаю... - раздумчиво отвечает Папп. - Может где-нибудь в Бруклине, на Брайтоне и есть еврейский театр? Ты б съездил туда.

- Там что, рай для евреев? – вспыхиваю я.

- Хорошо, хорошо...Это на будущее. Но, советую, в театре в таком клоунском пиджаке не появляйся. Американцы тебя не поймут. И, знай, в наших театрах работают не так, как у вас: занял место и сидишь на нем до старости. У нас спектакль идет, пока он приносит доходы. Ровно столько и работают в театре худрук и все остальные занятые в спектакле. – Папп вдруг встрепенулся, словно нашел подходящее решение: - Слышал, ты отличный музыкант. Хоть сейчас дам тебе место пианиста в моем театре. Будешь играть балетный класс. Помнится, ты как-то писал, что окончил хореографическое училище?.

- Аккомпанировать артистам на занятиях?! – возмущаюсь.

- Кто?! Я ?!

- А что?.. Девять долларов в час, не так уж и плохо поначалу. Но если хочешь обязательно режиссером, найди спонсоров, организуй свой театр. Возможно, и помогу.

Неужто, он и впрямь думает, что стану ходить с протянутой рукой по меценатам и вымаливать у них деньги на создание театра?! Да, мне доводилось доставать деньги для КЕМТа, но никогда не просил, «выбивал» их, требовал, ссылаясь на правительственные и партийные постановления, и не у благотворителей, а у министров и партийных боссов.

- Искать спонсоров?! В Америке?!... - почти выкрикиваю я.

- И это предлагаете мне вы?..

- Как ты хорош во гневе, Шерлинг! – Неожиданно восклицает Папп и добавляет: - Я так и не понял тебя, Юрий. Поезжай-ка на Бродвей к Макс, послушай, что он предложит. – И звонит по телефону этому самому Макс.

Наш разговор с Максом короток, но конкретен:

- Ты наш? – спрашивает тот сходу.

- Разумеется, - отвечаю уверенно. – Семь лет был худруком Камерного еврейского музыкального театра, в одном из ведущих московских театров – имени Маяковского поставил спектакль «Человек из Ламанчи»...

- Да не о том! - перебивает Макс, - Попка твоя работает? Не знаешь? Иди, подумай! Ты сексуальный мальчик, твоими кудряшками приятно поиграть. Станешь *нашим*, приходи, будет тебе и театр, и балет, и опера.

Идиот, только сейчас, догадался, что означает поцелуй в ушко, объятия за плечики, плотное бедро, притиснутое к моему безответно холодному. Гомосексуалисты, «голубые», «наш» и «чужой» - ненужный. Мать вашу...! Чтоб вы сдохли!

Разумеется, мне было известно об особях нетрадиционной сексуальной ориентации. Даже знал кое-

кого из них. Но в нашей стране этот, уголовно-наказуемый разврат, тщательно скрывался. А здесь, в свободном мире, «однополая любовь» уже в те годы была настолько дозволена, что ее жрецы (жрицы) объединялись в сексуально-нетрадиционные замкнутые касты, в которые «посторонним» (читай – нормальным) вход воспрещался.

Категорически не пожелал пополнять ряды жрецов подобного «монастыря»! И даже не простившись с Джозефом Паппом, о знакомстве с которым еще недавно мечтал, покинул Америку, так и не ставшую, как предсказывал он когда-то, «моим раем».

Был ли я огорчен, улетаю? И да, и нет. Да – потому что нуждался в работе и надеялся получить ее. Нет – потому что, прожив в Нью-Йорке три недели, понял: к жизни, творчеству в этой незнакомой стране не готов. Что мне, «первому парню на российской деревне», в Америке предстоит лишь встать в очередь за именитыми профессионалами.

На меня свалился огромный чуждый, западный мир, иная, значительно более высокая, культура, и я с великим трудом переваривал ее. Возвращаясь из Америки, не найдя там работы, однако, увозил оттуда осознание тех требований, на которые должен ориентироваться, чтобы достичь уровня этой культуры, навсегда избавившись от совковой провинциальности.

...Я часто бываю в Америке. Мы с Олесей, и нашей дочкой Шурочкой неоднократно выступали там с концертами в «битковых» залах. Совсем недавно «Миллениум» вновь стоя приветствовал меня. Каждый мой приезд американские

СМИ не обходят вниманием. Здесь, - парадокс! - режиссера, артиста, композитора Юрия Шерлинга, пожалуй, помнят и чтят больше, чем в моей России. Но жить в Америке постоянно, принять ее в свое сердце, я так и не смог. Что-то необъяснимо «славянское» постоянно тянет домой. Возможно, это привычная с рождения мелодика русского языка. Возможно, привычный с детства менталитет народа. Но факт остается фактом: по натуре своей я – россиянин.

С проб. 48168

Гл. II-9

ПРОЩАЙ, ОСЛО!

Как мало, оказывается, нужно человеку, чтобы он почувствовал себя счастливым! Понял это, когда, простившись в аэропорту «Джона Кеннеди» с Маритт – она возвращалась в Москву, поднялся в «Боинг» рейса на Осло и оказался в одиночестве среди незнакомых пассажиров. Я безумно устал от сумасшедшего ритма «Города Мира».

Устала и Маритт, не зная ранее тягот семейного быта, с рождения привыкшая к комфорту. Ее глаза уже не выражали восторженности своим «гением», которого, отдавая дань прошлым заслугам, оставляли не востребуемым и на сегодня, и на завтра...

Вернувшись в Осло, с раннего утра до глубокой ночи мотался на машине по стране. Так, в движении, легче и жилось, и думалось. А думать было о чем: будущее скрывалось за густым непроглядным туманом. Бесспорно одно: чтобы творить в чужой стране, надо прежде всего бескомпромиссно *принять* ее, впустить ее кровь в свои

сосуды, сплестись жилами. Я не был готов к этому. Сравнивая два мира в восьмидесятых, - рваный мир России с завернутым в красочную обертку миром западным, я отдавал предпочтение первому. Отчетливо сознавал, как трудно а, порой и невозможно, человеку, насильно согнанному с родного места, найти себе другое пристанище, когда корни его остаются на родной земле. Разумеется, ради живота своего и модных джинсов можно эмигрировать в любую страну, но как эмигрировать от самого себя? Жизнь на Западе казалась настолько искусственной, что я чувствовал себя в ней маугли, вырванным из джунглей, живым человеком, в музее восковых фигур. Окружавшие меня люди, как раз и представлялись мне этими фигурами, а их отношения – голливудскими сюжетами, далекими от реальности.

Я уже стоял на пороге решения вернуться в Россию, взяться за организацию театра где-нибудь в провинции, надеясь, что обновленная Горбачевым власть позволит мне это, но телефонный звонок Маритт из Москвы смешал мои планы:

- Встречай нас завтра в аэропорту, - и назвала номер рейса и время.

- Кого это - «нас»? - удивился я.

- Увидишь. Встречай! – односложно приказала Маритт и дала отбой.

...На трап самолета она, расплываясь в счастливой улыбке, ступила с тремя маленькими девочками на руках. В средней, под летящим белым пропеллером-бантом, тотчас узнал Анечку. Доченька моя! Вот это сюрприз! А две другие?

Господи, куклы! Анечка наотрез отказалась расстаться с «Барби», подаренными ей Маритт.

Выяснилось, девочке снова стало худо, и Тамара, ранее передумав отправить ее на лечение в Осло, позвонила Маритт и сама попросила об этом.

Наутро Маритт определила девочку, как члена своей семьи, в одну из лучших клиник Осло.

За всю жизнь я дважды побывал в советской больнице. Стараясь спастись от реальной гибели во время службы в армии, с помощью мамы и Власовой сумел симулировать шизофрению и оказался в сумасшедшем доме, где меня и комиссовали (подробно об этом в первой книге). Дни, проведенные в этом медицинском учреждении для «бессловесных животных», и по сей день не могу вспоминать без дрожи. Вторично, уже солист балетной труппы театра им. Станиславского, попал в больницу, симулируя боль в коленке. Стремился оказаться по соседству с палатой, где лежала Элла Власова, повредившая во время выступлений спину, чтобы круглосуточно ухаживать за любимой женщиной. Хотя эта больница была уже для «животных словесных», и медперсонал оказывал максимальное внимание известной балерине, мама купила и принесла Элле две смены постельного белья.

В норвежскую больницу приносить чистое белье не требовалось. И не только «белье»... Дай-то Бог, чтобы сегодняшние московские дорогостоящие коммерческие больницы и клиники были хотя б наполовину оснащены такой техникой, укомплектованы такими высококласными

специалистами, имели такие комфортные условия, как норвежские в конце восьмидесятых.

Не прошло и двух дней, как нас пригласил профессор.

- Поверьте, мы приложили максимум усилий, чтобы обнаружить у вашей дочки хоть какой-нибудь гепатит, - сказал он смешливо.

- Как это?! – возмутился я, когда Маритт перевела мне эти слова. - Московские врачи...

- Что подделаешь: нет у ребенка ни «А», ни «В», ни «С», ни даже «Д» - ни одного!

Посчитав на этом разговор с родителем законченным, он обратился к Анечке:

- Скажи, детка, не стесняйся, что б тебе хотелось сейчас съесть? Бутерброд с лососиной? Бифштекс? Пирожное?

И мое дитя, рожденное «великим режиссером» и русской «кинодивой», ответствовало:

- Черняшку с горчицей.

Маритт вопросительно взглянула на меня, затрудняясь с переводом.

Я подсказал:

- Черный хлеб с горчицей.

- Да, да, – обрадовалась Анечка, - с горчицей.

И пока Маритт пыталась объяснить профессору, что же это за «блюдо» такое русское, спросил дочку:

- Ты-то откуда про «черняшку» знаешь?

- Как это «откуда»? – искренне удивилась она. - Сама мазала. Дед им чарочку закусывает.

- Дед и тебя угощал? – допытывался я.

- Чем, чарочкой? Попробовала разок, да не понравилось. Горькая, тьфу, горло дерет, выплюнула.

Хорошенькое дело: шестилетней девочке водку!..

А профессор, меж тем, сообразив наконец, какую еду предпочитает его маленькая пациентка, рассмеявшись, воскликнул:

- Так дайте девочке *черняшку-горчицу!* – так и сказал, произнеся по-русски два последних слова.

Забрав Анечку домой, Маритт пригласила к ней опытную няню и вернулась в Москву.

Скажем так: в том, что у нас с Тamarой Акуловой не сложилась семья, виноваты мы оба. Пострадала же от этого наша дочка – моя горячо любимая Анечка. Ее воспитанием с малых лет занимались не мы, а примитивно-деревенские родители Тamarы из Новой Усмани, куда она сбaгрила девочку. Ничего хорошего ждать от этого не приходилось. В лучшем случае, вырастет еще одна «супер»-Лариска, сестра Тamarы, которая вовремя вышла замуж за состоятельного немца и припеваючи живет в Германии. Однажды, уже после того как мы с Тamarой разъехались, я даже выкрал дочку из деревни, рассчитывая, что смогу самостоятельно растить ее. Какое-то время таскал с собой в КЕМТ, где мои актрисы опекали малышку, оставлял на попечение сердобольных подружек, но вскоре вынужден был спасовать перед непосильной затеей. Я часто навещал Анечку, следил, чтобы она ни в чем материально не нуждалась. И от раза к разу отмечал с тревогой, что она становится непослушной, порой даже неуправляемой деревенской девчонкой. Противостоять этому на расстоянии не мог. К тому же бабка требовала, чтобы я приезжал нечасто, каждое расставание со мной оборачивалось для ребенка трагедией с неутешными

рыданиями: Анечка с младенчества любит меня какой-то особенной самоотверженной любовью.

С моим отъездом из Москвы наши свидания, естественно, прервались. Не видел дочку почти три года. И вот теперь передо мной стояла шестилетняя девчонка-сорванец, говорившая «морква», «свякла», «иттить», «черняшка», не умевшая открыть в ванной комнате душевой кран, бегавшая по квартире босиком, за столом признающая лишь ложку... Я, было, растерялся, стыдясь няню (не говоря уже о моей чопорной теще), но Аня легко решила все проблемы: любя меня, все замечания мгновенно впитывала, как губка.

Первые дни она, боясь поскользнуться на полиролванном паркетном полу, неслышно бродила по нашим с Маритт апартаментам, отделенным от тещиных прихожей, и замирала, рассматривая картину, горку с антикварными безделушками, мраморную статуэтку. Часы, вмонтированные в позолоченную бронзовую композицию ангелочков на виноградной лозе, привели ее в такой экстаз, что она прибежала ко мне, схватила за руку и потащила за собой смотреть:

-Золотые! – прошептала в восторге и, обведя рукой гостиную, добавила: - Дворец! А королева – это Маритт?

Чтобы не разочаровывать девочку, я ответил уклончиво:

- Дворец - не дворец, и не королева. Точнее: личные покои принцессы.

- Покои... знаю, было в сказке.

- Сойдет?

- Сойдет, - подтвердила моя принцесса.

Вечерами мы смотрели цветные мультики про отважного викинга, ведьму и заморскую красавицу. Пристроившись рядом со мной в глубоком мягком кресле, Анечка требовала, чтобы я переводил ей реплики героев. Пришлось сочинять собственную сказку, не мог же признаться, что понимаю немногим больше ее и тем самым подорвать незыблемый отцовский авторитет. Сказка в моем изложении нравилась, а вот персонажи – нет:

- Наша бабка-Ёжка добрее, - заключила Анечка, - а у царевича такие огромные лапища не бывают.

Забравшись ко мне на колени, проворковав еще что-то про царевну с противным лицом, как у «тетки Клавки», девочка засыпала у меня на груди, крепко обхватив мою шею своими тоненькими ручонками. «Белый пропеллер», с которым она не расставалась, словно он должен был унести ее в доброе царство, щекотал мне нос. Но я продолжал сидеть, боясь чихнуть и разбудить доверчиво прильнувшее ко мне дитя.

К черту театр, сцену, славу, любовные интриги! Вот для кого надо жить! Для этой крохи, моей обездоленной кровиночки! Не просто жить, а сделать ее счастливой. Но для этого надо работать, занять достойное место в обществе. Где?.. Как?.. Что умею? Что знаю, помимо театра?.. Проститься с мечтой о нем? Заняться бизнесом? И это - творчество, и это – театр. Театр, сцена которого – реальная жизнь.

Мы облазили, кажется, все магазины Осло, в которых продавали модную детскую одежду. Купили шубку, платьица, кофточки, трусики, брючки, обувь... Девочка, привыкшая к простенькой одежде, по-крестьянски обстоятельно

осматривала каждую вещицу и непременно советовалась со мной. Стоило мне недовольно нахмуриться, тут же отказывалась от покупки. А я с восторгом смотрел на дочку, когда она, примеряя обновки, красовалась перед зеркалом, как грациозны были ее движения. Ни одной балерине мира не повторить этой детской грациозности!

Моим кабинетом в квартире Маритт завладели игрушки. Чего здесь только ни было: куклы, звери, птицы, стилизованный под норвежскую старину домик, мебель и мальчишечьи игрушки – разных марок автомобили, страсть к ним дочка унаследовала от меня. И все это не валялось в куче, а располагалось в каком-то определенном, ведомом только ей порядке, участвовало в игре, куда подчас приглашался и я. В хорошую погоду моя маленькая женщина – каждый раз в новом наряде, – вдоволь покрасовавшись перед огромным зеркалом, важно усаживалась рядом со мной на переднем сидении машины и мы отправлялись на прогулку. Любовались в порту кораблями, поражавшими красотой и размерами. В Фронгер-парке Анечка, облазив вместе с гулявшими там детьми все скульптуры, на которые можно взобраться, подбегала ко мне, молча брала за руку и вела к машине. Это означало: пришло время обеда, пора ехать в ресторан. Как и я, она старалась увильнуть от чопорных трапез и блюд из морепродуктов за столом моей тещи.

Вечером мне разрешалось присутствовать при купании, которым заведовала няня. Они с Аней каким-то удивительным образом понимали друг друга, к тому же запас норвежских слов у девочки уже намного превосходил мой.

По правилам игры, я, зайдя в ванную, должен был сделать вид, что под туго взбитой мыльной пеной не могу

найти дочку. Сколько же бывало каждый раз радостного смеха, когда я «находил» и, схватив за яркую резиновую шапочку, «извлекал» на свет божий востроносенькую мордашку с голубыми глазищами.

Анечка заливалась веселым смехом, а я с трудом сдерживал слезы.

Пройдет немного дней, и ванна-джакузи сменится полусгнившей баней по-черному; ароматизированный, стерильной чистоты клозет – сортиром над вонючей выгребной ямой; изысканные ресторанные блюда – «черняшкой с горчицей»... Что делать?.. Выстроить деду новый дом с удобствами я не в силах, да это и не выход. Отдали бы девочку нам с Маритт, она так любит детей! И Анечка к ней привязалась. Тамара не согласится. Даже своей бездетной сестре Лариске в удочерении отказала. (Можно подумать, согласился бы я). И теперь вот уже звонит в Москве Маритт, обвиняет меня во всех смертных грехах, уверяет, что мне взрослого человека нельзя доверять, не то что ребенка. Грозит скандалом в посольстве, требуя вернуть дочь А нужна ли она ей?..

То, что «не нужна», Тамара поняла, когда Анечке исполнилось двенадцать. Собрав ее нехитрый гардероб в чемодан, выгнала из дома: «живи у своего любимого папочки». И она жила в моей новой семье, воспитывалась женой Олесей, немногим старше ее. Когда же окончила институт, начала работать, купил ей двухкомнатную квартиру. Мы по-прежнему любящие отец с дочкой, друзья. А тогда, в Осло, я, сославшись на необходимость повторной консультации профессора, сумел продлить дочке жизнь в комфортных условиях еще на месяц.

Однако, вскоре нашу счастливую жизнь нарушил новый телефонный звонок Маритт:

- Встречай нас в аэропорту.

На этот раз она привезла Великую Шарлотту. Мама давно страдала артрозом тазобедренного сустава, хромала, ходила с палочкой, мучилась от боли. Требовалась сложная хирургическая операция, каких в СССР тогда не делали. Российская хирургия, издавна славившаяся умными, умелыми руками, была бессильна перед многими недугами, когда речь шла о медицинском оборудовании, которым в то время уже были обеспечены западные клиники.

Уложить бесплатно в муниципальный госпиталь Осло не имевшую медицинской страховки негражданку Норвегии Шарлотту, как еще одного члена семьи Маритт, оказалось невозможно. В частной же клинике такая операция стоила баснословных денег, которых ни у меня, ни у Маритт не было. И я предложил воспользоваться хорошо отработанным в России методом - обращением за помощью к «царю-батюшке, единственному нашему заступнику и благодетелю»... Мы сочинили и отправили письмо - слезную мольбу о помощи королю Норвегии приблизительно следующего содержания:

«Дорогой товарищ король Норвегии Олав Пятый! Гражданка из известного Вам Советского Союза (такая-то) молит Вас, Помазанник Божий, о помощи. В том государстве она когда-то была первой в его истории женщиной дирижером-симфонистом с консерваторским образованием; теперь же дирижерскую палочку даже поднять не может, так болят ее несчастные косточки, и потому ее вытурили с работы, сделав нищей. Ее бедные

ножки, когда-то садившиеся на «шпагат», считавшиеся самыми стройными в Питере и такими красивыми, что все мужики старались заглянуть ей под юбку, теперь же с трудом дошли до Осло. Она, моля Вас, Всесильный монарх, о помощи, упала перед Вами на колени, но из-за повреждения тазобедренного сустава, подняться не может и вынуждена так стоять, пока не сделают операцию, оплатить которую ей, человеку бедному, одинокому, нечем. А потому она просит Вас, дорогой король Олав Пятый...» И так далее.

Представьте, не прошло и трех дней (не год, как у нас, или вообще никогда) позвонили из министерства социальной защиты, и тамошний клерк (хорошо, что Маритт оказалась дома!) сообщил: король Олав Пятый сочувствие фру Александре Шерлинг в постигшей ее беде. Сам он оказать ей помощь не имеет права, а потому обратился в министерство с просьбой сделать это. А министерство, выполняя просьбу любимого короля, готово помочь фру Шерлинг.

- Как это «не имеет права»?.. Король?.. – опешил я. – Да у нас любой секретарь райкома полновластный хозяин в своей епархии! А ваш король...

Маритт рассмеялась:

- Представь, король! Норвегия – конституционная монархия, где, как говорится, каждому своё. Управленческие функции - у правительства, законодательные – у парламента, а у короля – верховная власть.

То ли Олав Пятый действительно сердобольный правитель, как гласит молва, то ли он побоялся, что в его благополучной стране будет где-то до самой смерти стоять на коленях, моля о помощи, несчастная, больная старуха-

беженка, но факт остается фактом: «советский метод» сработал! Маму уложили в муниципальный госпиталь. Сложнейшую операцию сделали бесплатно, да так удачно, что через несколько дней, еще опираясь на костыли, она, как и следовало Великой Шарлотте, уже обучала медперсонал канкану, аккомпанируя себе на пианино в конференц-зале. А в санатории, куда ее направили на реабилитацию, взялась обучать персонал русскому языку и, надо сказать, у нее это здорово получалось.

Казалось бы, все шло хорошо. Однако сильная доза наркоза, к которой пришлось прибегнуть во время операции, вскоре сказалась на ее и без того неуравновешенной психике. Мама стала заговариваться, начались провалы в памяти, и хотя после приступов она вновь приходила в себя, положительная динамика ее состояния была маловероятна. Моей же перспективой становилась жизнь с тяжело больным инвалидом на руках, требующим постоянного ухода. Неприглядная, прямо скажем, судьбина! Единственным солнышком в этой трагической ситуации оставалась Анечка – пополневшая, порозовевшая, набиравшая силу на благодатных норвежских хлебах, в руках спокойной, заботливой няни.

И снова сюрприз: по приглашению Маритт в Осло прилетели Армен Джигарханян с супругой Татьяной; следом – мой давний приятель, сын композитора Исаака Дунаевского и сам талантливый композитор Максим Дунаевский с очередной молодой женой. За обеденный стол садилось теперь девять человек и веселая, беспечная трапеза длилась часами. Но за этой «беспечностью» мне явно виделось

начало конца. Маритт словно торопилась напоследок порадовать меня. Ее было не узнать, будто проснулась в ней какая-то не знакомая ранее женская сила. Я вдруг заметил, что из Москвы ей по нескольку раз в день звонит какой-то мужчина, и она по-девичьи краснеет, когда ее подзывают к телефону. И однажды, застав ее плачущей, спросил:

- Он честный человек?

- Не знаю, не знаю... - Она схватила мои руки и с мольбой проговорила сквозь слезы: - Помоги мне... убереги...

Но разве есть сила, способная убереечь сорокапятилетнюю женщину от страсти, обуявшей ее впервые в жизни?.. Что мог я предложить ей взамен? «Стакан воды»?..

Как раз в тот день Джигарханян, а они с Маритт души друг в друге не чаяли, сказал мне:

- Хорошая у тебя жена, друг, сохрани ее, Юра. – И когда я промолчал в ответ, добавил: - Ноги не от ушей? Толстая? Ну и что? Хорошего человека должно быть много.

В моем просторном «мерседесе» отлично умещалась вся наша компания, включая Анечку, она устраивалась на коленях у кого-нибудь из сидевших на заднем сидении. В девять вечера девочку, как требовала строго соблюдавшая режим няня, завозили домой. И каждый раз это кончалось горькими слезами. Если и Маритт увязывалась за нами, то ей приходилось садиться за руль своей машины и сманивать кого-то из гостей.

Как-то вечером, проезжая мимо «The Norske Theatrets», я увидел афишу «Гетто».

- Смотри-ка, спектакль дают уже три месяца!

- Это тот «Гетто», где ты – балетмейстером?- поинтересовался Джигарханян.

- Тот, тот...

- Но три месяца на сцене не срок!- удивился Армен.

- В Москве, не в Осло. Здесь спектакль живет в лучшем случае три-четыре недели.

- Ничего себе! Мы только репетируем по три-четыре года! – И попросил: - Зайдем, а? Если не очень накладно. Никогда не бывал в европейском театре.

А где же, помимо СССР, бывал, видел ли мир ты, замечательный, редкостного дарования советский артист Армен Джигарханян?!

Билеты стоили недешево, но разве я мог отказать друзьям? Пока они осматривали театр, восторгаясь его строгим современным дизайном, успел пересказать им содержание пьесы.

Зал был полон, зрители внимательно следили за развитием сюжета. На моих гостей первое действие особого впечатления не произвело, публика занимала их больше, чем происходившее на сцене. Зато второе – то, что я окрестил «вальпургиевой ночью», увлекло так, что, не понимая слов, они не отрывали от сцены глаз. И когда спектакль закончился, Армен аплодировал, кажется, громче всех, даже выкрикивал «браво!», чем поверг в недоумение зрителей, не привыкших к такому бурному выражению эмоций.

- Замечательно, Юра, превосходно! – он обнял меня за плечи. Из его уст услышать подобное – редкость.

- Ты превзошел самого себя! – поддержал его Максим. - Ничего подобного в твоих кемтовских спектаклях не видел. Что-то необычное, новое.

А я был огорчен:

- Спасибо, друзья, - ответил глухо. – Не то, не то... Хотел и мог поставить спектакль так, что никто из этих ледяных викингов не ушел бы из зала с сухими глазами.

- Ну, и...

- Фру не позволила...

- Фру? – не понял Максим.

- Режиссер-постановщик, хозяин спектакля. «Мы ходим в театр за развлечением, а не за головной болью, - разъяснила она мне. – Нашему зрителю завтра на работу, у него должна быть ясная, спокойная голова». Это мы стремимся сделать каждый спектакль потрясением. Им же «потрясения» не нужны.

Поздним вечером, когда все улеглись, мы с Джигарханяном, расположились в глубоких креслах у растопленного камина:

- Почему тебе бы не попробовать силы в другом театре, не всюду же такие «фру»? – спросил Армен

- Ошибаешься. Всюду. Вот скажи, что - для тебя театр, в котором играешь? – В сам же ответил: - Главный дом, где проходят лучшие минуты, часы, годы жизни. Труппа – твоя семья; ее членов любишь, ненавидишь, уважаешь, презираешь. Но все-таки семья! Режиссер? Старший друг, Мастер, как минимум на голову выше тебя в творчестве, познании мира, и ты готов следовать за ним. В ином случае тебе нечего с ним делать. Закулисье: любовь, страсть, ненависть, интриги – повседневная жизнь, где формируется артист, и никакие рыцарские доспехи не помогут ему скрыть его бездарность, если он – ничто. – Я осёкся на полуслове: - Будто ты и сам этого не знаешь...

Моя горячность рассмешила Армена:

- Благодарю за поучительную лекцию. Но какое отношение она имеет к норвежскому театру?

- Прямое! Здесь не знают любви, страсти, ненависти, закулисья! Отрепетировал, отыграл, точнее, *отбыл* время, предусмотренное контрактом, и good by! Что б сделал с артистом Гончаров, если б тот на его репетиции хоть раз нетерпеливо взглянул на часы!

- Ни часов, ни артиста! – рассмеялся Армен, видимо, представив себе разгневанного Гончарова.

- А кто б из наших девочек додумался сказать балетмейстеру спектакля такое, что ляпнула мне на репетиции балеринка – ходячий, прости Господи, скелет. Хотел поставить небольшой номер целомудренной любви, он интересным диссонансом вклинился бы в бесовский разгул «вальпургиевой ночи». Что заявила мне «скелетиха»? «Предлагаемые вами па нам станцевать нетрудно, но они относятся к разряду стриптиза, а потому вдвое дороже». Обалдев, я кинулся к фру.

- Поддержала?

- Что ты?! «Такие вульгарные телодвижения «The Norske Theatrets» не подходят». Хотелось убить ее вместе с Маритт, которая эту чушь перевела.

- Шерлинг без возлюбленных?.. Не верится...- хитровато прищурился Армен

- Здесь так – трахнешь разок – и бери на содержание. А я, того гляди, сам попрошусь на содержание к Маритт. Едва артисточки учуяли, что я гол, как сокол, разбежались куда подальше...

...До глубокой ночи просиживали мы с Джигарханяном в креслах у камина. Армен был единственным человеком,

другом, перед кем я мог исповедоваться, чтобы этой исповедью разобраться и в себе самом.

- Заядлый антисоветчик, я, спасая собственную жизнь, бежал из страны, казавшейся мне адом. *Но моей родной страны.* Знал почему, от кого и от чего бежал. Но куда прибежал? Да, власть закона. Да, порядок, достаток, спокойствие. Никто не откладывает жизнь «на потом», «во имя строительства коммунизма», «не догоняет Америку». Замечательно! Но мне предлагают святая святых - Баха, Моцарта, Бетховена слушать в «современном» - джазовом исполнении. Вместо остроумной молодежи, соревнующейся в КВН, на ТВ - конкурсы женских задниц. Жюри - респектабельные джентльмены и дамы – с серьезнейшим видом фиксируют их размеры и конфигурацию, решая, какому заду отдать предпочтение. Я мечтал, чтобы хоть одна актриса из занятых в «Гетто» разок исполнила пассаж не так, как велел я, а по-своему. Никто. Ни разу. О какой индивидуальности? О какой романтике вы говорите?! Деньги – время – налоги – деньги - профессионализм... Ни одна не полюбит, точнее, «не даст» за просто так.

- Ты не нравишься мне, Шерлинг, - осадил меня Армен. – В Норвегии было и есть много талантливых, интересных высокообразованных людей...

- Знаю, знаю, - перебил в сердцах. – Но где они, и где я? Язык! Вот барьер. Нужно прожить здесь годы, чтобы преодолеть его. Могу поговорить с продавщицей, банковским служащим, дать указание горничной, прочесть с помощью словаря статейку в норвежской газете, но даже диктора ТВ или радио не пойму как следует. Не зная мелодики, оттенков, иносказаний, тональности, не научившись *думать*, как на

родном, - невозможно интегрироваться в чужеродную среду, стать ее полноправным членом, понять и принять *другой* менталитет *другого* народа. Я, режиссер, воспитанный по системе Станиславского, могу поставить на сцене норвежского, - или другого европейского театра - балет, оперу, но это будет *русский* балет, *русская* опера. Ставить же драматический спектакль на чужом языке не осмелюсь, не честно. Как бы ни старался, норвежский спектакль (английский, французский...неважно) у меня, режиссера русского, родиться не может.

- Отсюда вывод, - констатировал Джигарханян, - возвращайся-ка домой, пока бургерское брюшко не задавило твое творческое «Я». Или устраивайся матросом на рыболовецкий сейнер, но не сиди в халате без дела.

- А дома, дома что?

- Нет его сейчас - «дома», - мрачно признался Армен. - В верха рвется криминальное отребье, стремится к сговору с властью. Не долг час, эмиссаром страны станет пахан одной из криминальных группировок, хозяином – доллар, а наши девки, за пачку жвачки выполняя команду «ложись», продадут вместе с собой и Россию.

- А театр? – с надеждой спросил я.

- А сегодня в театре не происходит **ни-че-го**. Половина помещений сдается в аренду ресторанам, под офисы, а нам, актерам, уготована жизнь скоморохов на жалкие гроши. Звездами же станут те, кто согласится работать на потребу «новых русских». Слышал о таких?

- Что же в перспективе?

- Верить. Ждать. Помнишь крыловскую басню о ягненке, который «зашел к ручью напиться» и повстречал волка. Так и

наш народ: ринулся за воздухом демократии, за свободой, но «надобно беде случиться», повстречался с криминалитетом. Оболванивая народ, он наставляет: «как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое?/ За дерзость такову/ я голову с тебя сорву!» Но при всем при том dj верю: страна переболеет и выйдет из тупика, куда ее сегодня загнала нечистая сила. А я и ты, и иже с нами, должны быть с Россией во время этого кризиса, именуемого нынче «перестройкой».

Все мои гости улетали одновременно. Вместе с ними Маритт увозила в Москву и Анечку с мамой, у них истекала виза, продленная уже дважды.

Тамара, требуя вернуть дочку, устроила мне по телефону дикий скандал. Оказалось, она согласилась на предложение Ларисы отослать Анечку к ней в Германию. «Не могу же после твоих королевских покоев поселить ее в бабкиной избе!» - кричала она, поняв, наконец, что это стало бы издевательством над ребенком.

Как ни печально мне было расставаться с дочкой, и я понимал разумность такого решения. Пожертвовать карьерой киноактрисы во имя дочки Тамара не собиралась. Мое же будущее настолько неопределенно, что брать на себя ответственность за судьбу ребенка я попросту не имел права. Да и Тамара, в пику мне, не согласилась бы на это.

Заботила и судьба мамы, оставлять ее одну было нельзя. После нашей свадьбы она жила с Маритт. Теперь же Маритт сказала мне:

- Не беспокойся, мама пока поживет у меня.

«Пока». Это сколько? Раньше она и не заикалась о том, чтобы мама вернулась к себе. Не распространяется ли это «пока» и на меня?..

Дождавшись, когда взлетит самолет с самыми близкими, самыми дорогими мне людьми на борту, вернулся в машину и, бессильно опустив руки на баранку, продолжал неподвижно сидеть, пока не подошел полицейский и не поинтересоваться, не нуждаюсь ли я в какой-либо помощи. Поблагодарив, включил зажигание и поехал куда глаза глядят. Возвращаться в опустевший дом не хватало душевных сил. Не помню, как оказался в порту. Оставив машину на стоянке, подошел к пирсу. Остановился, опершись на перила. Промозглый мартовский день угасал. С мрачного предштормового моря надвигался туман, злой ледяной ветер безжалостно трепал полы плаща, срывал кепку. В свете фонарей привычно кипела работа порта. Кажется, я, единственный, не был включен в ее обыденный трудовой ритм. Сторонний наблюдатель, чужой и одинокий в толпе трудяг, занятых своим делом. Я был им не интересен и не нужен, как и они мне.

Что успел я за годы, прожитые на чужбине? Создал новое, значительное? Нет. Но узнал мир, иной, нежели тот, где прожил сорок с лишним лет, других людей, другие отношения. Познакомился с творчеством, ранее мне неведомым, обогатился им. Израиль, Англия, США... Чужие страны... Я им не нужен. А своей?.. Ее, несправедливо отторгшую меня, переживающую душевный кризис, продолжаю любить, как любят израненного, борющегося за жизнь, слабого, но гордого дорогого человека.

В мозгу настойчиво звучали слова, сказанные мне на прощанье Джигарханяном: «Ты должен вернуться в Россию! Должен, Юра! Тебе есть что сказать зрителю, отлично умеешь делать это. Здесь ты не нужен. Никому! В Москву, Юра, в Москву! Капельдинером, билетером, гардеробным, - но в театр, домой! Пускай все сначала! Но только дома! Таким, как ты, как я, на чужбине делать нечего. Ты, еврей, я, армянин, - духом оба мы россияне».

Почему не внял совету Джигарханяна, не уехал с ним вместе в Москву? Боялся? Возможно... Но не «министерства любви», времена изменились, его волнуют куда более серьезные проблемы. Нищеты? Но и здесь, в Норвегии, разве что сыт и одет, собственных денег с гулькин нос. Заработать? Тапером в дешевеньком ресторанчике? Грузчиком в порту? Не возьмут. К тому ж я - супруг Кристенсен Ларсен! В Москве, на худой конец, буду, как когда-то, сочинять песенки, ставить хореографию эстрадным мальчикам. Мой давний друг Эдик Смольный, директор театра массовых представлений «Темп», всегда поможет. Возобновлю и отношения с Москонцертом. Короче, с голода не помру.

*Отчего ж не уехал? Во-первых, понял, что Норвегия вошла в мою жизнь и не так-то легко расстаться с этой культурной, спокойной, обеспеченной страной, где мне комфортно, где не обременен бытовыми заботами, проблемами выживания. Но разве спокойствие для меня? Душа гаснет, умирает, рвется туда, где борьба, суматоха, интриги. Где творчество, сцена, театр – полноценная жизнь, **моя** жизнь. Так, уезжай! Дорога открыта! Открыта...*

И тут я понял, наконец, что стоит у меня на пути. *Люблю* страну Россию. И *ненавижу* ее лживую, насквозь прогнившую, проворовавшуюся власть, для которой так называемый «советский человек» - червяк в навозной куче, его легко растоптать сапогом, в лучшем же случае безликий, бесправный винтик, командовать им труда не составляет.

Не хочу, не могу жить в таком государстве! Остаться в Норвегии «никем»? Погибну. Покончу с собой...

Метался всю ночь. Тягостные мысли спорили друг с дружкой, доказывали, оправдывали, восставали. Забылся под утро. Разбудил пронзительный международный телефонный звонок. Нехотя снял трубку.

Из Москвы звонил Миша Шатров.

- Приезжай, Юра! Будет тебе театр!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ШКОЛА МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

НЕНАВИЖУ ЛЮБЯ

Самолет в Москву через двое суток. Ждать?! «Оседлал» свой спортивный «мерседес» и в путь. На пароме из Осло в Финляндию; далее через границу в Питер и в Москву. Преодолев расстояние в две с лишнем тысячи километров, среди ночи ввалился в квартиру Маритт, до смерти напугав маму с Анечкой. Чтобы успокоить своих женщин, пробормотал на ходу «назначен руководителем театра», прямиком протопал в кабинет и рухнул на диван, правда, на этот раз, мне достало сил скинуть ботинки.

Утром с трудом продрал глаза. Большая стрелка часов подползала к десяти. Схватился за телефонную трубку:

- Привет, Шатров!
- Шерлинг?! Ты...
- В Москве.
- В двенадцать сможешь?
- Разумеется...

Маритт уже уехала, избавив меня от объяснений. Убедив маму потерпеть с «где, когда, почему?», глотнул на ходу черного кофе, вышел на улицу. И оказался в праздничной Москве, хотя был обычный мартовский день 1988-го.

В Москву пришла весна! Предполуденный час школьных и вузовских занятий, а на «Ленинск-стрит», облюбованной для прогулок и тусовок, полно молодежи. Всё ей в радость – и веселое солнце, и барабанящая по тротуару с карнизов домов капель, и радуга в лужице от последней горстки снега, и

безмятежная улыбка любимой... По фигу сейчас экзамены, зачеты, родительские наставления, грызня коммунистов и демократов за власть, глобальные заботы страны... И мне по фигу. Потом, потом разберусь, пойму. Сейчас и я просто счастлив! Не «бывший», не «проситель», не «потерпевший фиаско», а худрук и директор нового театра, куда, быть может, вскорости придут на спектакли эти парни и девушки!

Заехав на автомойку, чтобы навести марафет на своего любимца по уши в дорожной пыли трех государств, направился на Тверской бульвар. Там, в правлении СТД РСФСР, меня ждал Шатров.

С Мишей Шатровым (Михаилом Филипповичем Маршаком) мы познакомились, когда я только начал выстраивать КЕМТ, и сразу сошлись. Встречались не так уж и часто, каждый занятый своим, но если дорывались друг до друга, то надолго.

Старше меня на добрую десятку, отмеченный лауреатским званием, Шатров был вхож в самые высокие совпартийные круги, тонко и точно умел подсмотреть и проанализировать изнаночную сторону происходящих в стране политических процессов. К известной формуле – «свита делает короля» добавил бы «положение – внешность персоны». Далеко не Жан Марэ, эталон мужского совершенства для наших леди в конце восьмидесятых, Миша умел нравиться женщинам, особенно тем, которые интересовали его. А таких было немало. Любвеобильное Мишино сердце пыталось вместить в себя сразу всех хорошеньких и непременно молоденьких претенденток на его известность и богатство. Вряд ли он в состоянии перечислить всех своих пассий, и даже жен. Во

всяком случае, сексуальный допинг своему творчеству получал сполна.

Вот и теперь Шатров вышел мне навстречу, как всегда вальяжный, в костюме «от Армани». Мы обнялись, и Миша, заметив, что мое внимание привлекли эскизы каких-то башен и архитектурных проектов на стенах кабинета, спросил неожиданно:

- Ты бывал в «Центре Помпиду»?

- Ни в «Помпиду», ни в Париже, к сожалению.

- Но в «Карнеги-холл» в Нью-Йорке?

- Разумеется.

- Такой же центр, где будут соседствовать все сферы человеческой деятельности в науке, культуре, бизнесе мы выстроим в Москве.

- Кто это «мы»? Ты что, переквалифицировался в прорабы и бросил писать?

- Писать? Для кого? Народ растерян, ограблен, лишен идеи. Ему не до зрелищ, хлеба бы вдоволь. О чем писать? О братве, проститутках, бандитских разборках, казнокрадах, коррупционерах, которым нет противодействия?! Не хочу! Не стану!

- Но ты так любил эту страну?!

- И сейчас, как прежде, люблю. Но ... Ненавижу, ненавижу... любя. Формула ясна? Ненавижу не только за причиненную мне боль, за политическую беспринципность и трусость. Но люблю только ее, мою Родину, жить, творить могу только здесь.

- Тогда объясни ты, поруганец советской власти: твоего отца расстреляли, мать репрессировали, тебя с братом, мальчишек, бросили на произвол судьбы. Эта система

долбанула на полную катушку. Как же после всего этого ты писал о Ленине, коммунистах с их «чистыми руками», призывал к победе преступного строя? Неужто ты...

- Остановись, Шерлинг! – сурово перебил Миша. – Я писал не о преступном «сталинизме», - а о социализме.

- Все еще веришь в утопию Карла Моора?

- Причем здесь Моор? - возразил Шатров. - Социал-демократия - единственная верная дорога России, убежден в этом. Да, герои моих пьес коммунисты с «чистыми руками», на их фоне отчетливо видны растоптавшие идею социального равенства скурвившиеся политики, которых, к сожалению, сегодня большинство во власти. Неужели ты не понял, что всеми доступными мне средствами я боролся с этой преступной властью.

- Что-то не припоминаю Шатрова на баррикадах, - съязвил я.

- У каждого свои баррикады, - отрезал Миша. - Да, не Марат, да, не на баррикадах. Я своими пьесами звал зрителя не только понять, но и восстать против зла, способного погубить Россию! Я написал их свыше тридцати, свет увидели лишь немногие. В цензуре сидят люди значительно умнее и хитрее, чем мы считаем.

Но твои пьесы сходят со сцены...

- Распахни глаза, Юра! Посмотри, что делается в стране! Бардак! Кому они нужны сейчас?! К примеру, «Так победим!», когда победила попса и криминал?! Чтобы выстоять, обнищавшие театры, коммерциализуются, а на пьесах Шатрова не заработаешь. Сегодня со сцены должен звучать мат, демонстрироваться секс, проститутки, бандитские разборки. Я не по этой части.

- Неужто все так страшно? – физически оторванный от родины, я в общих чертах знал о ее театральной жизни, но и думать не мог, что все обстоит так трагично.

- Позор, Юра! Музыканты симфонических оркестров, получающие три доллара в месяц, чтобы выжить, работают на попсу, а самые известные эстрадные певцы ублажают братву на их гулянках. Артисты в погоне за заработком первыми сдали свои позиции и пошли в услужение к «воровизму». К «воровизму», а не капитализму, как наши политологи пытаются определить путь, на который, якобы, становится страна. О какой «рыночной экономике» может идти речь, когда в стране процветает фарца, спекулянты, комки, ублюдочные кооперативы? Когда в стане силовиков, призванных защищать государство и меня, его гражданина, деградация и лавинообразный рост коррупции.

- Когда-то я наивно считал, что искусство способно изменить мир к лучшему, - с грустью заметил я. – А красота, как утверждал Достоевский, спасет мир.

- Не сегодня! – отрезал Шатров. – Но хватит об этом! - И он подвел меня к висевшему на стене эскизу мудреной высотной башни:

- Таких будет две. Красавицы! А это – «Дом музыки». В нем два концертных зала, кинозалы и твой театр, Юра!

- Уверен?

Шатров смерил меня шутливо-высокомерным взглядом:

- Господин Шерлинг! Вы имеете честь беседовать с председателем совета директоров ЗАО «Красные холмы»! А не с каким-то там драматургом.

- ЗАО? «Красные холмы»? Чертовщина какая-то!

И Шатров, воодушевляясь собственной идеей, стал рассказывать, как осенила его мысль об этом строительстве. Как его поддержал Александр Яковлев из ЦК КПСС, Михаил Горбачев и Борис Ельцин, в ту пору первый секретарь МГК КПСС. Однако денег дать не смогли, и только Борис Николаевич помог бесплатно получить под строительство такой огромный участок на Красных холмах вблизи Павелецкого вокзала.

- Я начал искать инвесторов. Нелегкое оказалось дело, - Шатров вдруг помрачнел, видимо, вспомнив что-то недоброе.

- Но ты же накоротке с Березовским, помнится, твоя последняя жена - его секретарша...

- Была ... и женой, и секретаршей... - Шатров подошел к окну и, не оборачиваясь, стал рассказывать, помрачнев: - БАБ первым предложил мне инвестиции. Но при условии: используя свои связи в верхах, он достанет не 300 миллионов долларов, заложенных в проекте, а пятьсот. Их зачислят на его счет, откуда часть БАБ переведет нашему акционерному обществу, что-то подкинет лично мне, а остальное положит в свой карман.

- И ты? Отказался?

- В «воровизме» не участник!

- Или в «страховизме»? Признайся, струсил? Ты обеспечил бы себя на всю оставшуюся жизнь.

Шатров не дал мне договорить:

- С самого начала официально оговорил свое неучастие в финансовых делах акционерного общества. И послал БАБ`а к... ..

- И что БАБ? – рассмеялся я, мысленно представив себе матюгающегося Шатрова.

- Пошел. Но... прихватил с собой мою Лену, - с грустью проговорил Миша. И только когда, совладав с собой, обернулся, я заметил, как он сдал, постарел и обрюзг. Привыкнув бросать женщин первым, Миша долго и трудно переживал разрыв с молоденькой красавицей. Его и без того не очень здоровое сердце стало давать опасные сбои. Пришлось лететь в США на операцию по шунтированию аорты, а после этого еще два года пробыть там, проходя курс реабилитации.

Но это случится позже. А в тот знаменательный для меня мартовский день 88-го, Шатров, прервав тягостное молчание, наступившее после его признания, рассказал:

- Нашел отличного инвестора и делового партнера - турецкую фирму «Энка», передал ей 58 процентов акций ЗАО на очень выгодных условиях. Когда она приступила к строительству, позвонил тебе и позвал в Москву. Вот, для твоего театра попробую, пожалуй, написать.

- Но мой театр будет музыкальным, - возразил я и рассказал о своей задумке поставить мюзикл «Помилуй, Господи!»

- Назови спектакль, просто «Помилуй!..» - посоветовал Шатров. – И так ясно: помиловать может только Всевышний. Расскажи-ка подробней.

- Слышал ли ты о старинном русском обряде «Опахивания»? Нет?

Я достал из кейса тетрадь, и Миша, водрузившись на свое должностное кресло, приготовился слушать.

«Живет село испокон века заведенной жизнью.

Встает и заходит солнце.

Зиму сменяет весна, весну – лето. Потом осень, и опять зима.

Живут люди: рождаются, взрослеют, трудятся, веселятся, стареют, умирают.

И весь мир – как на ладони, и жизнь в нем – светлая, размеренная,

неторопливая.

Выбрала девица себе жениха.

Радуются люди – скоро свадьба.

Но не знает еще Невеста, что ее Жених под венец с другой пойдет... А как узнала – почернел весь мир.

Радость обернулась горем, горе стало отчаяньем...

Раз не могут помочь люди, пусть поможет темная сила.

И позвала Невеста Беса себе на помощь.

Так человек открыл дорогу Скверне, впустил ее в душу, дал власть над собственной жизнью.

Веселится, гуляет народ на свадьбе.

А Скверна уже за плечами стоит, наблюдает...

И уже зашумела, забродила в голове медовуха.

Перемешалось все. Властвует Бес над душами, и не ведают люди, что творят.

И перестали они слышать и понимать друг друга.

Заплутали в дремучем лесу страстей низких и темных.

И тянули друг к другу руки, ища помощи, но не находили.

Пошла Смерть разгуливать, не находя преграды.

Опустели поля.

Застонала земля.

Взвыл от горя люд.

Звонят, звонят колокола по всей земле.

Пошли бабы обездоленные по земле бродить, Смерть заклинать.

Но не отступает Смерть, не смиряется...

В безумной пляске уничтожает она все – и землю, и людей.

Взмолились тогда люди, вспомнив о грехах своих, о зле, о лжи, о корысти.

Но не могут совладать они с Бесом.

И приносит себя в жертву та, что первой призывала его на помощь.

И были людские слезы по ней очищением.

И опомнились люди.

И пали ниц.

И обратили свой взор к небу с мольбой и надеждой.

Господи, помилуй,

Помилуй...».

- Молодец, Шерлинг! – похвалил Шатров, выслушав притчу. – Отлично придумал. Как нельзя кстати, современно. Иносказательное предупреждение людям о нависшей над ними угрозе, спасение от нее только в их руках.

- Благословляешь?

- От души! Подведем итог. Театр документально существует, деньги, задумка пьесы есть, и ты налицо. А помещение? Ждать, когда выстроят?..

- Ну, уж нет! – возмутился я. – Попробую поговорить с Гончаровым, филиал «Маяковки» на Хмелева пустует. Согласимся временно стать студией театра. Старику это польстит, и нам выгодно начинать под его эгидой.

Шатров идею одобрил. Обсудив конкретные проблемы - финансирование, штаты, зарплата и т.п., я, не откладывая, отправился в «Маяковку».

Гл. III-2

ФИЛИАЛ «МАЯКОВКИ»

Андрей Александрович, ненавидя жополизов, однако, привечал их и, разумеется, уже знал о решении СТД открыть новый театр и отдать его мне. Услышав, что я приехал, тут же повелел препроводить меня в зал, где проводил репетицию, усадил, как бывало, рядом и, как бывало, тут же забыл обо мне. Я молча принял «на грудь» порцию его окриков, оскорблений, истерических выкриков (слава Богу, не в мой адрес), покорно ожидая, когда вихрь эмоций иссякнет, а Мэтр вспомнит обо мне. И момент настал. Не спросив ни о чем – жизнь человека вне «Маяковки» его не интересовала вовсе, констатировал:

- Итак, строим новый театр.

- Строим, - подтвердил я.

- Снова еврейский? Шолом-Алейхем, гевалт, азохен вей? – Гончаров не был антисемитом, но в том, как произнес эти идишские слова, мне послышалась оскорбительная насмешка. Он, видимо, почувствовал это: - Не обижайтесь. Должны понять: из «еврейских штанишек» пора выскакивать. А вы и в Норвегии – «Гетто», снова спектакль на еврейскую тему...

- Выскочил. Сделал для своего народа все, что мог, и очутился голый задницей на раскаленной сковороде.

- Что и закономерно в нашей стране, - продолжил он мою мысль. - Предвидел это. Но когда небезызвестный всем нам генерал Бобков из КГБ поинтересовался моим мнением о вашем назначении худруком Биробиджанского еврейского театра, ответил: «Лучшего не найдете!!»

- Вы?!

- Удивлены?.. Кричу, ору, оскорбляю, но никогда, никогда! не предаю своих выучеников. Однако, требую всегда помнить, кто вы, и творческую планку «гончаровца» держать выше собственной головы. Но, хватит сентенций! Рассказывайте, что за театр собираетесь соорудить?

- Театр мюзикла.

Гончаров забарабанил пальцами по деревянному подлокотнику кресла – знакомый жест, означавший его настороженность:

– Не лихо ли? Сколько мы мучились с «Человеком из Ламанчи»!. Повторить нечто схожее по жанру не рискнул.

«Мы мучились», «мы пахали» - одним росчерком пера Мэтр превратил меня тогда из режиссера спектакля в его балетмейстера. Не выяснять же сейчас отношения!

- А я рискнул. И с «Тощим призом» в Таллиннском русском, и у Завадского, «Уздечкой», и «Тевье из Анатовки» в еврейском...

- Видел вашего «Тевье».

- Не знал...

Гончаров хитровато улыбнулся:

- Зачем же вам было знать?! Молодец! – похвала для Мэтра редкость. - Кстати, «Тевье» еще дают?

- Ничего они не дают! – в сердцах воскликнул я. – Вместо театра балаган «Тум-балалайка»!

Гончаров рассмеялся:

- Название-то какое: «Тум-балалайка»! Все, как говорится, ясно. – И, посерьезнев, раздумчиво проговорил: - Да, разрушать - не строить... А жаль, интересный был ваш театр еврейский. Но то, что вы задумали сейчас... Естественно, насмотрелись в «заграницах» всякого-разного... - Помолчав, произнес нелегкие для него слова: - Да, я консерватор..., да, член большевистской партии, но...с крестом на груди и потому всегда готов принять разумное, новое. Допускаю, вы, возможно, правильно критиковали нашу актерскую школу. Понял это, побывав в Европе. Артиста-универсала, да такого мастерства, как там, у нас нет. Почему? Парадокс: да потому, что Россия несметно богата талантами. На этот природный Божий дар и рассчитана современная психологическая школа «российских гениев». Дескать, недоученное, нереализованное, недополученное талант восполнит сам. А таланту, как драгоценному камню, необходима огранка, в данном случае – школа, особенно, если готовишь актера... тьфу, - слово-то какое отвратительное – «синтетического», материал что ли, сорочка?! Где ж найти в России таких «синтетических»?

- Воспитаю.

- «Воспитаю», - ворчливо передразнил Гончаров, но тут же добавил: - Но вы не ответили на вопрос о вашей страсти к мюзиклу. Этот жанр никогда раньше не существовал в России.

- К сожалению. Или к стыду. Точнее, из-за отгороженности от цивилизованного мира. Когда он уже был покорен «Вестсайдской историей», Россия и ведать не

ведала, что же это такое – мюзикл. Действительно ли этот современный жанр нам не нужен и недоступен? Неужто мы обречены всю жизнь пользоваться только собственными изобретениями, или теми, что можно за них выдать? Да, в американских, английских мюзиклах слышна музыка из земли, но кто мешает нашим композиторам писать мюзиклы, в которых звучала бы музыка земли нашей?

- А ставить на сцене этот ваш «жанр»? Не каждому дано самому спеть, станцевать, сыграть и научить этому других. Это у вас и курица затанцует, запоеет. - И Андрей Александрович, вновь становясь «Гончаровым», спросил: - Так как будет называться театр ваш новый?

- Театр-студия «Школа музыкального искусства»

- Школа?! – с ехидцей переспросил Гончаров. – И замахнулись же вы, голубчик! У вас что, уже есть *собственная* школа?..

- Полагаете, я должен быть «как все»? Но я же ваш ученик, Андрей Александрович! – польстил Мэтру.

И он ответил:

- Школа... То, что я видел в вашем еврейском театре, действительно, новое. Очень новое... И потому многие не понимают вас. Да, нелегкая вам уготована судьбина. – Он резко встал: - Говорите, зачем пришли? Без дела и не вспомните, - в голосе Мэтра прозвучала плохо скрытая обида.

Что ж, он прав: у меня, его ученика, никогда не возникало желания позвонить ему и просто спросить о здоровье. Виной тому, поверьте, его, а не мой паршивый характер.

- Пришел с предложением, Андрей Александрович. Возьмите наш новый театр с собственным бюджетом и

штатом под свое крыло, как музыкальную студию «Маяковки».

Гончаров смерил меня как бы оценивающим взглядом:

- Вас?.. Возьму. – Взглянув на часы, заторопился: - Располагайтесь на Хмелева. Распоряжусь. Как-нибудь зайду посмотреть.- И пошел из репетиционного зала...

Гл.III-3

КОНКУРС

У театра-студии им. Маяковского - «Школы музыкального искусства» (ШМИ), как мы отныне назывались, не было ни предшественников, ни наследодателей, ни «вешалки», с которой, как принято говорить, «начинается театр». Все заново. На пустом месте. Как некогда КЕМТ, но и с серьезным отличием: его труппу я набирал с трудом. Узнав, что КЕМТ театр не только еврейский, но, к тому же, и Биробиджанский, конкурсанты тут же «рвали когти». Этих «коварных» приставок ШМИ не имела.

По моему заданию Алексей Аржанов, заведующий постановочной частью (завпост) ШМИ, поместил в газетах и расклеил на городских стендах объявления о конкурсе. И к нам рванули безработные артисты, а их было не счесть: доперестроечный «идейный» театральный репертуар свернулся, а нового не было, театры пустовали, нищенствовали, становились банкротами.

В первый же день конкурсная комиссия, то есть я, Элла Власова, балетмейстер и Шарлотта, концертмейстер,

посмотрели около тридцати конкурсантов. Кого только ни было среди них: молодые и великовозрастные, стройные и толстые, красотки и мордовороты, бездарные, способные, талантливые... К вечеру в моей бедной голове образовался винегрет из чужих лиц, рук, грудей, женских ножек и волосатых мужских копыт. Вечером, пытаясь вспомнить приглянувшегося мне конкурсанта(ку), присобачивал в памяти женскую головку к мужской шее, стройные ножки к жирной заднице, девичью грудь к торсу атлета.

А ночью мне снились полотна Сальвадора Дали; у его персонажей были лица, головы, конечности моих конкурсантов.

Почему Дали? Почему постоянно тянет к этому художнику, которого еще при жизни считали сумасшедшим? Иное, нежели у большинства людей, видение мира? Увы, я не Дали, но нечто подобное испытываю по отношению и к себе, особенно от моих коллег-режиссеров. Меня, как правило, не понимают, не хотят понять, я всю жизнь остаюсь в одиночестве, от которого страдаю, смертельно устал.

...Мы легко набрали в труппу парней. А вот с девушками получалась загвоздка, словно сгнули в момент все московские красотки.

- У нее суставы уже не гнутся, - отвергал одну. - Прокуренный барабан, - возмущался другой. - Мордашка славная, а ноги - колесом, я ж не костоправ...

Я-то и слонику превращу в трепетную лань, но стоит ли напрягать силы, когда за дверьми толпа претенденток?..

Одна за другой показывались явно не пригодные труппе певички. Не слушая их, я размышлял, мысленно

утверждаясь в решении дебютировать спектаклем «Школа музыкального искусства».

Зрителю всегда любопытна закулисная кухня. Вот и покажем ему, как готовится спектакль, обучаются артисты, командует режиссер... А музыка? Что-то собственное... народные мелодии... А если Шёнберг?.. Но как, какими зримыми средствами раскрыть суть диссонансных звуков великого композитора?.. Сделать аранжировку?.. Пригласить Жору Гаряняна?.. Согласится ли?..

- Смотри, какая хорошенькая, - негромко сказала Элла, нарушив ход моих мыслей.

На сцене стояла миловидная, несколько полноватая блондинка.

- Кто? Эта?! – отмахнулся я. – Да у нее ж лицо как луна в полнолуние.

А «хорошенькая», выдержав паузу, пока мы с Эллой умолкнем, произнесла с достоинством:

- Анна Агапова. Выпускница Щепкинского училища, драматическая актриса.

Сильный, необычного тембра голос привлек внимание:

- Прочтите нам что-нибудь, Анна, - попросил, уже с интересом и надеждой глядя на девушку.

И она стала читать отрывок из Чехова. На моих глазах молоденькая простушка преобразилась в зрелую актрису. Я с упоением слушал ее, смотрел на нее. Она напоминала мне кого-то... Нет, не лицом, - общим обликом, силой актерского мастерства. Вспомнил: Анна Маньяни! И эта – Анна, Анна Агапова, будет исполнять главную роль будущего спектакля!

Но в мюзикле надо танцевать, петь. Голос разовью, научу, поставлю. А ножки?.. Длинная широкая юбка скрывала их.

- Поднимите, пожалуйста, юбку, Анна! - попросил, скрывая волнение. Она приподняла ее чуть выше колен, обнажив тонкие, стройные лодыжки.

А выше, выше что? Женские ножки непредсказуемы, от колен могут дать такой «икс», что и футбольный мяч проскочит.

– Выше, Анна, выше!

Прищурясь, глядя на меня с презрением, она еще ненамного приподняла юбку.

Чтобы окончательно убедиться, что «икса» нет, попросил снова:

- Еще выше Анна, не сердитесь...

Злостью вспыхнули глаза, скривился пухлый рот, Анна рванула юбку вверх так, что стали видны ее розовые трусики, и мгновенно опустила.

- А теперь станцуйте.

Продолжая злиться, она спросила норовисто:

- Здесь что, в балет набирают? Это не для меня!

Боясь потерять ее, ответил по-отечески умиротворяюще:

- С твоим телом, милая Анечка, красивой грудью и стройными ножками, ты должна стать не только драматической, - актрисой мюзикла. Но для этого надо владеть труднейшим видом сценического синтетического творчества – умением сочетать в едином действии вокал, хореографию, пантомиму и драматическое искусство.

- Тогда, почему б вам не пригласить артистов оперетты? – задиристо парировала Агапова. – Они и поют, и танцуют, и монологи произносят.

Вопрос не внове:

- Но они *не мои* артисты. Они не способны освободиться от стереотипов венской оперетты. Актеров же для мюзикла у нас нет. И не потому, что все так бездарны, а потому, что не владеют языком этого жанра. Судите сами, Анна, может ли самый талантливый поэт написать самое плохое японское стихотворение, не зная японского? Дело здесь не в таланте, а в языке. Постараюсь обучить ему вас.

Посоветовавшись для вида с членами комиссии, объявил Агаповой, что она принята в труппу ШМИ и просил прийти завтра же, так как решил одновременно с проведением конкурса начать занятия с артистами, уже зачисленными в труппу КЕМТа

Гл. III-4

О Л Е С Я

Конкурс уже заканчивался, когда на прослушивание в зал вошла высокая, полногрудая, с распущенными по плечам волосами вокалистка. Ее, с нотами в руках, сопровождала хорошенькая, на вид лет шестнадцати, девочка-подросток в миленьком розовом платице с рюшками и пышной юбкой, прикрывавшей чуть выше колен ровные полненькие ножки. Ни следа косметики, густые каштановые волосы стянуты на затылке в «хвост». «Барби», да и только! «Барби» села за рояль, подняла головку, и на меня взглянули два сине-синих глаза.

- Прошу, - сказал я.

Конкурсантка запела, но я и не слушал ее – «не мой контингент». Вниманием целиком завладели маленькие ручки с сильными пальцами, уверенно бегающими по клавиатуре.

- Благодарю, - сказал певице. – А вы, - обратился к «Барби», - останьтесь, пожалуйста.

Мог ли я тогда предполагать, что просил это розовое создание остаться со мной навсегда?! Что она – моя судьба, моя Олеся, любимая, друг, жена, подарившая мне трех замечательных детей!

- Вы... простите, вы... - спросил ее тогда.

- Нет, нет, - два синих глаза встретились с моими и растаяли в моем сердце. – Я аккомпанировала подруге.

Впрочем, пусть о нашей первой встрече Олеся расскажет сама:

«В музыкальной школе им. Гнесиных, где я училась в 5-м классе, «ходила» пластинка рок-оперы «Черная уздечка белой кобылице». «Ходил» и буклет с портретами на обложке Глазу, Власовой, Ильи Резника, Хаима Бейдера, Глазунова и удачным головным портретом ЮБШ с длинными волосами. Смотрела и думала: «Надо же, какой светский лев!». Мне очень нравился этот портрет Шерлинга, я по-девчоночьи влюбилась в него, чего не могу сказать о музыке его оперы. По тем временам она казалась странной, ни на что другое не похожей. Но в школе говорили, что в России это первая такая опера, что в театре Шерлинга она потрясающе поставлена.

Я уже была студенткой Московской консерватории, когда вновь услышала о Шерлинге. Моя сокурсница-вокалистка Рита решила попытать счастья на конкурсе в музыкальную студию при театре им. Маяковского, которой руководил Шерлинг, и попросила меня аккомпанировать ей.

Было довольно тепло, и я надела свое выпускное с пышной юбкой, «летающее» розовое платье с рюшками из шитья. Самое

нарядное из моего небольшого гардероба, все говорили, что оно очень идет мне.

Много позже Шерлинг раскритиковал его, сказав, что оно чудовищно безвкусно – полный облом! Все, что мне нравилось, нравится, не нравится ему, и он всегда это «поливает».

Жаждающих попасть на конкурс оказалась целая толпа. Мы с Ритой заняли очередь и стали ждать. За это время услышали уйму сплетен: Шерлинг недавно вернулся из-за границы..., женат на норвежской принцессе... все актрисы КЕМТа его любовницы... он «голубой» и много других «подробностей».

Все это было мне в новинку. Я выросла в совершенно другой среде. Бог миловал меня от сплетен и необходимости их выслушивать. Вообще, мало ими интересовалась – наверное, это моя такая сущность.

Наконец, мы с Ритой вошли в зал. Увидели комиссию во главе с какой-то бабусей с сиреневыми волосами и огромных красных очках, в тельняшке, с палкой и в голубых кроссовках – Шарлотта привезла их из Норвегии. Увидели, как потом узнали, Власову в брючках. Я чуть не испугалась – не привыкла к таким членам комиссии. Но самым интересным персонажем был сам Юрий Шерлинг, уже начинавший сидеть, средних лет, в ярко красном свитере, розовых очках и зеленых клетчатых брюках. Все трое походили на каких-то феллиниевских персонажей.

- Ну, что вы можете, что вы умеете? – спросил Шерлинг Риту. Я села за фортепьяно, и Рита пропела-пропищала два каких-то романса.

- Спасибо большое, - проговорил Шерлинг, и мы направились к выходу. - А вы подождите, - обратился он ко мне.

- Вы зачем пришли сюда?

- Помочь подруге.

- Вы музыкантша?

- Студентка консерватории.

- Студентка? Консерватории? – переспросил он удивленно.-

Вы что, вундеркинд? Сколько же вам лет?

- Скоро двадцать, - рассмеялась я, привыкнув к тому, что мне часто не дают моего возраста. И Шерлинг попросил:

- Сыграйте нам что-нибудь.

Я сыграла сонату Шумана.

По выражению лица Шарлотты поняла, что она в восторге, и с того дня эта энергичная женщина прониклась ко мне уважением

- А что еще вы умеете?- спросил ЮБ

- Все умею, - ответила нахально.

- Ладно вам, так уж и всё? Джаз играете?

- Не то, что бы джаз... Но что-то неклассическое умею.

Шерлинг заставил меня вернуться за рояль, подсел, и мы стали играть в четыре руки. Он предлагал мне различные темы. Сначала у меня ничего не получалось, но, освоившись, стала уверенно вторить ему. Еще в школе и в консерватории играла все заданное с лету. Но времени на такую музыку не оставалось; Гнесинка – школа тяжелая, своих дел невпроворот, только на дорогу тратила три часа, уроки делала в вагоне метро.

В общем, мы с Шерлингом хорошо пообщались, и я увидела, что ему понравилась. Он понял, что многое умею: и по слуху играю, и тут же могу мелодии гармонизовать, и что легко обучаема. По-видимому, он решил, что буду полезна его новому театру и пригласил стать музыкальным руководителем КЕМТа.

Закончив прослушивание конкурсантов, Шерлинг неожиданно спросил:

- Как ты думаешь, где есть зал с двумя роялями?

- Думаю, в любом консерваторском классе.

И мы на его машине, какой раньше не видала, поехали в консерваторию.

Юра взял ключ от одного из классов, и мы провели в нем несколько часов, играя, импровизируя, в том числе и на темы дуэтов из спектакля «Я родом из детства», который Юра когда-то исполнял с Глузом. Юра начинал играть, а я продолжала его

мысль. Способность быстро схватывать предлагаемую музыку и тут же адаптировать ее, привлекли Юру ко мне. Ранее никогда этим не занималась, а еврейскую музыку не знала вовсе. Она не была близка мне, хотя моя бабушка со стороны мамы еврейка, что почему-то тщательно скрывалось.

Всё, связанное с Шерлингом, мне было крайне интересно, совершенно ново. Повидимому, и ему было интересно со мной. В своем творчестве, которому посвятил большую часть жизни, он чувствовал себя совершенно одиноким. С моим появлением как бы ожил. Мы стали что-то ненавязчиво репетировать. Он уже набрал труппу ШМИ, стал давать «класс», в нем принимала участие и я, сидя за инструментом. С ходу меня «образовывала» Шарлотта. Продолжая учебу в консерватории, два-три раза в неделю приезжала после занятий к Шерлингу на репетиции.

Я рассталась со своим женихом, который ухаживал за мной уже три года. На фоне Шерлинга он казался мне страшной занудой.

Начался наш роман.

Мы находили друг в друге много общего, и, казалось, вместе горы свернем. Многие по-дружески предостерегали меня от близких отношений с Шерлингом. Я всячески скрывала их от родителей. Что могло понравиться им в этой новости? Они-то хорошо были наслышаны о Шерлинге, старше меня на 23 года, женатом вторично, с дочкой от второго брака! Но я и не думала о замужестве, не собиралась иметь от него детей.

Наши любовные отношения были достаточно свободными. Мы жили отдельно. Соединиться с ним тогда мне было морально трудно. Я очень домашняя и не могла себе позволить жить у него. Простите, в качестве кого?! А он относился ко мне, как к какому-то сверхъестественному явлению природы! С восторгом, будто я спустилась на землю из заоблачных миров! Казалась ему самым воплощением творчества! Что бы он ни просил в музыке, тут же делала. Думаю, если была бы обыкновенная, он бы на меня и внимания не обратил. Я же воспринимала его как человека, а не как гения, влекло к нему

его обаяние. У нас были только точки соприкосновения, касающиеся общей работы. Честно говорила ему о его творчестве, в противоположность подхалимам, и его это восхищало. Я влюбилась в Шерлинга. И на этот раз не по-девчоночьи в портрет артиста, а в настоящего, «во плоти».

Так в мою жизнь вошла Олеся. Навсегда.

Гл. III-5-11

НОВОЕ ВИНО В МЕХАХ ВЕТХИХ

Дай возможность, я б дневал и ночевал в филиале «Маяковки», где рождался мой новый театр. Сцена, зрительный зал, звуко - и светотехническое оборудование делали это помещение вполне пригодным для показа спектаклей. Надеялся, так оно и будет, мы же студия «Маяковки»! Увы, Гончаров к нам и не заглянул. Хорошо зная Мэтра, и не ждал его. Зато повадились его жополизы-завистники и принялись науськивать на меня мнительного и ревнивого «хозяина», убеждать в моем намерении оттяпать филиал, а, следом и всю «Маяковку». Под различными предложениями нам все чаще и больше сокращали время занятий, пока вдруг не объявили о срочном ремонте зрительного зала и предписали немедленно освободить помещение.

Позвонил Шатрову, хотя заведомо знал, что он помочь не сможет.

- Ищи! – посоветовал Миша, чертыхнувшись в адрес Гончарова. – Ревнует хитрый лис, боится конкуренции. Но больших денег на аренду помещения не жди, их нет, - и

Шатров назвал такую мизерную сумму, что за нее и сараюшку не арендуешь.

Не одно помещение арендовал я в свое время для КЕМТа, пока ни нашел пустующий дом на Таганке и получил на него ордер. Однако, размер арендной платы для КЕМТа не ограничивали. Только теперь, организуя ШМИ, финансируемый общественной организацией – СТД РСФСР, понял, насколько КЕМТ в тот момент был нужен властям, что они тратились на него с невиданной щедростью.

С утра до позднего вечера мотались мы с Алексеем Аржановым по Москве в поисках помещения. Не распускать же труппу на каникулы, не прекращать же репетиции, рискуя утратить с таким трудом наработанные новые для артистов знания! Побывали в клубах, ведомственных домах культуры некогда арендуемых КЕМТом. Арендная плата – запредельная. Забыв мудрое «В одну и ту же воду...», проехал, чуть притормозив, мимо своего дома на Таганке, который объезжал все эти годы стороной: грязные, забитые досками окна ... Пустует?.. Сделав круг, остановился, как некогда, у Болгарской церкви, сказал Алексею:

- Разведай, кто там сегодня?..

Алексей ушел, а я, опершись локтями на руль, прикрыл глаза, и мгновенно в ушах зазвучали голоса; они пели, смеялись, спорили... Колокольчиком залилась звонкоголосая Ира Климова... что-то жарко зашептала мне в ухо Танечка Карасик... бархатный голос Яши Явно проник и заблудился в извилинах мозга... Вылепленные моими руками ученики – результат моего творения, они останутся со мной навсегда. Но только такими, какими были при мне, а не сегодняшними, без меня.

Вернулся Алексей, спугнул воспоминания:

- В той части дома, где зрительный зал и сцена, – еврейский театрик какого-то Певзнера, а большую часть здания арендует казино.

- Казино?! – не поверил. - Как это, «казино»?..

- Арендатор - бизнесмен-англичанин Бочер. Там идет ремонт и ...

Аржанов хотел посвятить меня в какие-то подробности, но я отмахнулся, мол, не интересно, рванул машину и поехал по Садовому кольцу. Проезжая мимо Парка культуры и отдыха, вспомнил, что когда-то там работал пользовавшийся большой популярностью у «совинтеллигенции» танцзал. Поторговавшись с директором парка и обязавшись выматываться к 18.00, арендовали этот зал - огромное помещение с деревянным полом, почерневшим и стоптанным донельзя тысячами ног танцоров. Естественно, никакой звуко- и светотехники: спасибо за рояль и вполне приличную акустику. Это, последнее, важное обстоятельство: артисты ШМИ пели «вживую», не танцевать же, путаясь в шнурах электро-микрофонов, а радио-, в ту пору редкость, стоили дорого и были нам недоступны.

Я не мог успокоиться, как это: вместо театра-храма искусства - казино?.. В угоду азартной страсти фанатиков «золотого тельца»?! С согласия властей!.. В стране определенно что-то неладно. Не раз задумывался над этим, проезжая по Москве: бесчисленные комиссионки, торговые палатки, охраняемые «братками»... интеллигентные продавщицы явно не торговой династии... частные

ресторанчики... Такая вот «перестройка»? Русская «рыночная экономика»?

Происходит что-то непонятное. Видимо, за время моих странствий я утратил близость с родным домом, и теперь мы живем с ним поврозь, не знаю, что делается в его стенах. Увлёкся созданием театра, и все остальное побоку. А должен и знать, и понимать, чем живет страна, иначе, какой я, к черту, режиссер, худрук?!

С Шатовым обсуждение темы о проблемах современной России исчерпано, он дал мне понять это при первом же разговоре. Джигарханян на съемках где-то в Крыму. Игорь Ицков – вот кто сейчас мне нужен! Ни телефона, ни адреса. Тщетно пытался выяснить у общих знакомых. И отправился в ресторан ВТО. Если не объявится там, кто-то да подскажет, как его найти.

Вернувшись в Москву, еще не появлялся в этом «высшем свете», где по укоренившейся традиции вечерами продолжал собираться «творческий бомонд».

Припарковав автомобиль неподалеку, вошел, поздоровался за руку со стариком-швейцаром, приветствовавшим меня почтительным «милости просим», неспешно пересек вестибюль, успев краем глаза заметить на доске объявлений красочную афишку о конкурсе в ШМИ, и вошел в зал. Метрдотель, работавший здесь целую вечность, дружески пожал мне руку «С приездом!», проводил к моему столику у окна и, позволив себе поинтересоваться, надолго ли в Москву и еще чем-то дежурно-банальным, подозвал официанта.

Голодный, яко пёс, я заказал обильный ужин и, достав портсигар (копеечный, но американский!), чиркнул подстать ему зажигалкой, закурил сигару (естественно, кубинскую).

Знал, за мной исподволь уже следит добрая половина зала, и играл свою роль, памятуя, что я - генерал КГБ, с легкой руки Ицкова миллионер, наследник «дядюшки Сэма», супруг норвежской принцессы, которая, неровен час, станет королевой, объездил полмира, вернулся в Москву, чтобы возглавить стоивший мне много тысячечей долларов новый театр, куда, как свидетельствует о том объявление в вестибюле, объявлен конкурс.

Знакомые, проходя мимо, раскланивались со мной, но не вскользь, как несколько лет назад, когда я пришел сюда разбитый и «списанный», а с приветливо-заискивающей улыбкой, всем своим видом выказывая готовность отозваться на приглашение за мой столик. Не приглашал. Веря в свою звезду, ждал Ицкова. И вот он возник в дверях! Мгновенье порыскал глазами и напрямик ко мне.

- На своем месте?

- Всегда на своем, - ответил значительно, поднимаясь ему навстречу. И рассмеялся: - Я ж миллионер, забыл?

Заказав какую-то еду и всего сто граммов коньяка («душа просит, а нутро неймет»), указал кивком головы на появившегося в дверях импозантного вида сидящего мужчину, известного киносценариста К.

- Надо же, с какой гордостью несет свои лауреатские бронзулетки! Грудь колесом – чтоб на расстоянии видать. За что получил? Превозносил до небес советскую власть и товарища Брежнева с его «Малой землей». Теперь поносит и Брежнева и его «Землю». К демократам притерся – модно

нынче. Но бронзулетки? Не снимает! И от «советских» благ не отказывается. Эта гоп-компания *числящихся и считающихся* коммунистами, но идущих по капиталистическому пути во главе с котом Леопольдом и его дебильным рефреном «ребята, давайте жить дружно!», одним миром мазана.

- А ты не «прославлял»? – спросил с подначкой. - И у тебя бронзулетка.

- Не носил, не прославлял, не пользовался. Вручили за компанию с остальными авторами «Великой Отечественной». И к демократам-перестройщикам не присобачивался.

- Что ж так? – добивался я, зная его оппозиционное к советской системе отношение

- Слабы демократы-интеллигентики. Не верю. Примкнувшие к ним комсомольские и партийные перебежчики не по душе. Смолodu привыкнув командовать, они и здесь загодя прибирают к рукам власть заодно с заводилками, фабричками и нефтяными вышками.

- А Горбачев?

- Горбачев, Горбачев... - недобро проворчал Ицков. – На двух стульях сидит твой Горбачев. Поносит коммунистов, но расстаться с ними не спешит: боится, не одолеет. И правильно боится - ему не по зубам. «Социализм с человеческим лицом»... О каком «лице», когда страна гибнет от нищеты, коррупция во всех властных структурах, - Ицков налил себе коньяка и, помедлив, произнес значимо: - Запомни, Юра, этот майский день 1988-го. Сегодня Верховный Совет принял «Закон о кооперации».

- Мне-то он на хрен? – пожал плечами.

- Дурак! – отрезал Ицков. - И ты не понимаешь? Закон этот - отправная станция не только для российского бизнеса, но и для легализации организованной преступности, *как социального феномена*. «Плох тот бандит, который не мечтает стать бизнесменом и министром» - таким отныне станет лозунг экономической и традиционной преступности. А ты: Горбачев, демократы...

- Что же ждет Россию? – нарисованная Ицковым картина ужасала.

- Предсказывать будущее государства, не имеющего национальной идеи, пораженного болезнью вседозволенности и безверия? Управляемого людьми, в чьих головах вместо ценностных ориентиров, мировоззренческий хаос? Людьми, которые пытаются влить новое вино в мехи ветхие? Нет, не берусь. Ты, старый еврей, читал когда-нибудь Евангелие от Марка?

- Читал. И не раз.

- Прочти еще. Как мудро там сказано о нашем сегодня: «Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи и вино вытечет, и мехи пропадут, но вино молодое надобно вливать в мехи новые».

Гл. III-6

«ПОМИЛУЙ!...»

В ту ночь я не ложился. Писал пьесу для народной вокально-хореографической оперы-балета «Помилуй!...», в которой отсутствовало одно из трех основных синтетических выразительных средств – разговорная речь. Музыкальной основой временно служила фонограмма спектакля «Когда

песок взойдет», написанная для Нади Бабкиной; хореография же абсолютно иной стилистики: от простого - к сложному, от характерного национально-русского - к джаз-модерну, джаз-стриту, фолку, року... Тысячи слагаемых присутствовали в этом метафорическом спектакле - народной симфонии, в которой предсказывалось будущее России.

Утром рассказал труппе и сразу же увлек артистов. Вот они уже беззвучно подпевают мне, пытаются повторить мои движения... Они смогут, смогут, понимают, чувствуют!

Едва закончил показ, артисты сорвались с места, окружили меня, возбужденные, радостные, готовые «в бой», каждый говорил что-то свое. Не дав им опомниться, включил фонограмму, скомандовал:

- Танцевать всем! - И повел хоровод.

- Как, Юрий Борисович?! Мы не умеем, - отговаривались вокалисты и драматисты. Но я уже схватил одной рукой руку Анны Агаповой, другой – Марины Гура, балетные парни последовали моему примеру и, набирая скорость в такт музыке, мы закружились в танце. И вдруг зазвучал сильный грудной женский голос - запела наша русская красавица Галя Сарапина.

Думается, со стороны было забавно смотреть на этот импровизированный хоровод, исполняемый профессиональными танцорами и неумехами, выделявавшими несусветные па. Но впервые все вместе, взявшись за руки, мои артисты ощутили, не могли не ощутить, чувство единения, столь необходимое труппе, которой теперь и море по колено.

- Ну, как Юрий Борисович, мы справились? – с надеждой спрашивали «неумехи». Раскрасневшимся, запыхавшимся от непривычного стремительного танца, им очень хотелось, чтобы я похвалил их первый опыт. И я похвалил:

- Отличный танец... слоних на бутылках. – И осёкся, вспомнив, что передо мной не кемтовки, привыкшие к моим шуточкам и острологии, а новые, еще не знающие меня актрисы, они могут обидеться.

Не обиделись. Шутку приняли, рассмеялись, а я возрадовался: мои люди!

Мне удалось сколотить труппу из молодых, с театральным образованием талантливых артистов, готовых следовать за мной, подчиняться моему режиссерскому диктату, не боюсь этого слова. Отбирал артистов не по славной мордашке, стройным ножкам, накачанному торсу, а искал в каждом творческую индивидуальность и одновременно способность воедино слиться с коллективом, ощущать друг друга яйцами, спиной, ушами – всеми частями тела. Однако, чтобы играть в мюзикле, артистам еще предстояло пройти мои «университеты». Помнится, Таня Масликова, превосходно исполнявшая в спектакле «Школа музыкального искусства» отрывки из американских мюзиклов, разоткровенничавшись, как-то сказала:

- Что ж выходит, я закончила факультет музыкального театра ГИТИСа, а петь научилась только у вас?! И у вас получила современное хореографическое образование. В ГИТИСе оно безбожно устарело.

Не прекращая ежедневных занятий (вокалистам следовало познать азы балета, балетным – вокала, драматистам – то и другое, а всем вместе искусство

театральной драмы), мы приступили к репетициям сразу двух спектаклей: «ШМИ» и «Помилуй!...». Одновременно репетировали и две балетные миниатюры: на музыку 4-го струнного квартета Шёнберга (исполнители – выпускники МАХУ Леонид Мухин, Стас Федотов, Наташа Чичерова, Марина Квитка) и танго Астора Пьяцоллы, где была занята вся труппа. Обе - в стиле Тулуз Лотрека: негрубый гротеск с резкой неклассической, современной русской лексикой. Я мечтал поставить их еще в КЕМТе.

Пьесу для спектакля «Школа музыкального искусства», в котором хотел рассказать зрителю о титаническом труде артиста мюзикла, не писали, она рождалась во время репетиций, как мастер-класс. Спектакль был сделан так: актеры поочередно берут первую ноту, потом вторую, третью, звучат аккорды... Поют трезвучие хором на два голоса, на три... Учатся технике профессиональной речи. Под музыку Оскара Питерсона разучивают скороговорки. Например: «В четверг, четвертого числа, в четыре четверти часа четыре черненьких, чернявеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж чрезвычайно чисто...». Затем эти скороговорки на разные голоса... И получается многоголосый хор. Артисты выполняют первые экзерсизы у станка, затем на середине сцены, различные вращения... На сцену выхожу я и начинаю бить степ, вся труппа двигается мне в унисон. Это мастер-класс, неожиданно превращающийся в спектакль-мюзикл, к которому я, педагог-режиссер, веду артистов. И сам становлюсь участником спектакля, то «Котом» из мюзикла «Кошки», то «Иудой » из «Иисус-Христос суперзвезда»,

героем других мюзиклов, фрагменты из которых образуют финальную часть спектакля.

Спектакль получался интересный, оригинальный и, что немаловажно, выявлял индивидуальные творческие возможности каждого артиста и труппы в целом.

Недавно мы с друзьями смотрели видеозапись спектакля «Помилуй!..». В нем две главных роли: Смерть и Невеста. Первую исполняет моя кемтовская выученица талантливая танцовщица Наташа Чичерова; вторую – Анна Агапова.

- Кто эта балерина? – спросили меня, указывая на Анну,

- Агапова.

- Она же драматическая актриса?

В спектакле Аня едина в трех ипостасях: драматическая актриса, танцовщица и певица. С первого дня ждал от нее многого. Но уникальные способности, которые удалось раскрыть в ней и развить, стали сюрпризом. Аня, безусловно, Звезда. Равной ей в труппе не было. Видимо, нет и сегодня в театре на Таганке. Не зря же Юрий Любимов не ищет ей замены в роли Лары в «Докторе Жеваго», и Анна каждый раз прилетает на спектакль из Лондона, где живет сейчас.

Рассказываю об этом эпизоде, как об иллюстрации того, как в ШМИ артисты одного жанра становились артистами «синтетическими» - артистами мюзикла.

С первых же репетиций я требовал от актеров импровизаций, которые бы «работали» на спектакль. Роли создавались не мной одним, а совместно с актером. Товстоногов и Гончаров «делали» роли сами, даже голосом показывали, как следует играть, я же требовал, чтобы артист

вкладывал в пьесу собственные переживания, но подводил его к роли с позиций собственной театральной школы. У нас был единый сценарий, но никогда двух одинаковых спектаклей.

Артистов, которые раньше были *около* музыки, *рядом* с ней, танцевали *на* музыку, *под* музыку, но не *в* музыке, учил слышать и чувствовать каждый ее нюанс. Раскладывал голосовую партитуру так, что из песни возникала картина. К примеру, в песне «На речке, на речке....», где вроде бы ничего не происходит. Девушки в кружевных юбках, присаживаясь, как ромашки на лугу, запевали: один голос, другой, все вместе и глубокий вздох: а-а-ах! А мужчины в это время создавали фон: мяукали, хрюкали, блеяли, заигрывали с девушками. И получалась сельская картина. Песня приобретала порой такое сильное драматическое звучание, что в зале воцарялась напряженная тишина. Фольклор уступал место художественному произведению.

- Своими спектаклями, поставленными в ШМИ, - скажет мне позже Армен Джигарханян, - ты опередил время лет на пятнадцать. И если тогда тебя понимали далеко не все, то это не твоя вина, а наша беда.

Репетиции нередко посещали артисты и режиссеры других театров. Новое, незнакомое, порой, не понятное привлекало людей творческих, порядком окостеневших в клетке театральной школы с устаревшими и строго соблюдавшимися традициями. Когда-то да должны они уступить место современным новациям! Я не делал из нашей работы тайны, наоборот, приглашал на мастер-класс, репетиции режиссеров, актеров, театральных критиков.

Во время одной из таких репетиций, когда я находился среди актеров, заканчивавших играть песню «Мыла Марусенька белые ноги», услышал одиночные аплодисменты и голос Шатрова:

- Bravo, Шерлинг! Bravo, артисты!

Бросив на ходу артистам «продолжайте репетировать», подошел к Мише:

- Ну, молодец! – восторгался Миша. - Ждал необычного, но такого?! Хоть сегодня на сцену в Кремлевский дворец! – Он взял меня под руку: - Поговорить надо. Пойдем к тебе.

- Куда? Стула собственного нет... Где помещение для театра? Ты ж обещал...

- Будет. Строим.

Мы отошли в глубину зала, остановились у окна.

- Короче, - сказал Миша, - выступаете в театре имени Ермоловой на «Подиуме-89»...

- А это еще что?

- Первый Московский международный фестиваль театральных школ. В нем участвуют: Великобритания, Франция, Голландия, Израиль, Болгария, Польша, Дания и вы - от СССР.

- У нас нет костюмов! – перебил я.

- Сколько? – спросил Шатров.

- Что, - «сколько»? Костюмов?

- Денег.

- 200 тысяч, приблизительно, - с ходу брякнул я.

- Рублей, надеюсь?

- Не надейся, долларов.

Шатров на мгновение задумался:

- Художник?

- Ольга Власова.

- Оля?.. Дам.

С замечательным художником Ольгой Власовой мы не раз обсуждали модели костюмов для спектакля «Помилуй!..» Ольга предложила связать их вручную из шерстяной суровой пряжи. На сцене, освещенной прожекторами разных цветов, они станут то красными, то черными, зелеными... Такого еще не было ни у кого!

- И второе, - продолжил Миша, - к тебе зайдет американский продюсер и композитор Уильям Перри, покажи ему свой театр. Речь идет о гастролях в США.

- В США?! Не ослышался?!

- В Биробиджан захотелось? – съязвил Миша. Его вниманием уже целиком завладели прервавшие репетицию артисты, а точнее, артистки: - Слушай, не будь сволочью, познакомь вон с той, высокой, - указал на Агапову.

- Перебьешься. Самому нужна, - я взял Мишу под руку, намереваясь увести из зала. Не тут то было:

- Да у тебя здесь целый гарем! – он высвободил руку. – Какие девки! Вот эта, маленькая, - указал на Марину Квитку, - тоже «самому нужна»? Ты что, всех и сразу? .. – пылливо заглянул мне в глаза.

- Всех. И сразу. Не желая пускать «козла в огород», я решительно повел Шатрова из зала.

- Друг, называется, - проворчал он и скучным голосом добавил: - Завтра приезжай. Обсудим твои дела.

Разумеется, «все и сразу» были мне не нужны. Но все же умудрился нарушить данное самому себе обещание не заводить интимных отношений со своими актрисами, памятуя об интригах кемтовских дам, объектом которых стал, сам того

не желая. Однако сдержать такую жестокую клятву оказалось сверх сил: за мной началась банальная для театрального мира охота представительниц женской половины труппы. Все просто: путь к заветной роли через постель режиссера.

Железной воле не устоять против такого соблазна! Я не «сексуальный монстр», а просто в полную силу мужик, к тому же порядком *изговевшийся* в «заграницах». Там, как уже рассказывал, не так-то легко завести однодневную интрижку. Позволишь себе провести с миледи пару-тройку жарких ночей, так тебя захомутият материальной или моральной ответственностью, что мало не покажется. У нас же все проще: получили удовольствие - и разбежались; понравилось – сбежались снова, и никакого спроса друг с друга. Для меня любое психологическое насилие, слово «должен» – смерти подобно.

До Олеси я принадлежал целиком лишь двум из всех моих многочисленных женщин: Элеоноре Власовой, и трагически погибшей накануне нашей свадьбы, Энэ Леусс. В минуты самых пылких объятий с другими, гнетущее чувство одиночества не оставляло меня.

На «Подииуме-89» мы впервые сыграли на сцене Дома актеров «Школу музыкального искусства» и «Помилуй!..». Оба спектакля еще нуждались в доработке, но зрители приняли их, как готовые новаторские художественные произведения, долгими аплодисментами, выкриками «Браво!» и цветами. Поэт Евгений Евтушенко в рецензии «Актеры поют: «Помилуй!..», опубликованной в газете «Советская культура», писал:

«Театр музыкального искусства поражает редким в нашей стране уникальным сплавом вокального,

танцевального, пластического мастерства блистательной труппы, собранной и выпестованной Юрием Шерлингом. Спектакль этого театра, построенный на мотивах древнеславянских песнопений, являет картину потенциального апокалипсического распада, ожидающего человечество, если оно не остановится на краю гибельной бездны антибратства. Одновременно в вихре красок и свободно льющихся в воздухе мелодий и тел мы можем увидеть, если, конечно, окончательно не «ослепли», невидимую, хрупкую фигурку Девочки-надежды, бродящей по окровавленной земле, которой грозит исчезновение, с трепещущим лепестком пламени над беззащитной, но все-таки бессмертной свечей.

«Чарочка моя!» - радостная, звонкая, светлая, величальная песня звучит у Шерлинга угрожающе, страшно. Ведь по сюжету свадьба – начало адской свистопляски. А озорная, задорная «Брязнули рюмки-тарелки» закручивает героев в дьявольском водовороте, наводя ужас. Вспоминаю, как звучала у Шерлинга старинная еврейская застольная песня «Ломир але инейнем». Устремляясь ввысь, заполняя духовное пространство спектакля с таким названием. «Давайте все вместе!» - доносились со сцены слова гимна, поминальной молитвы, обращенной к сердцу каждого.

Мне кажется, что этот спектакль по пластике не уступает лучшим мировым мюзиклам, а в философской основе значительно их превосходит. У этой труппы, возглавляемой таким режиссером, как Шерлинг, мне кажется, бескрайние возможности для создания произведений, жанр которых я определил бы так – пластическая поэзия.

Театр возник на пустом месте. Театр, в котором актеры должны одинаково профессионально петь и танцевать, не имеет творческой лаборатории: репетиционного зала, мастерских, акустической аппаратуры, да что там, элементарных приборов, чтобы осветить режиссерскую идею. Понятно, что театру, работающему на

хозрасчете и не имеющему сцены, чтобы показать свои спектакли публике, грозит гибель.

Труппу надо спасти, предоставить помещение, ибо она уже сейчас даже одним спектаклем завоевала свое место под солнцем».

Аналогичные этой были рецензии и в других СМИ. Короче, успех. Шатров, Джигарханян, Дунаевский и другие друзья и знакомые поздравляли меня. А я растерян.

- Объясни, Армен, - спросил Джигарханяна когда, отметив премьеру по традиции в ресторане ВТО, повез его домой, и мы, наконец, остались одни, - что происходит со мной? Почему не ощущаю радости, подъема, ликования, как бывало после каждого спектакля в КЕМТе? Что-то надломилось, исчезло.

Гл. III-7

РОКОВАЯ ОШИБКА

На полпути от Нью-Йорка к Ниагарскому водопаду - неизменному объекту туристского маршрута, - на границе с Канадой, расположен небольшой уютный городок Элмайра. Каких-нибудь лет двадцать назад он значился в туристских картах как место кратковременного отдыха. Его главной достопримечательностью были несколько муниципальных туалетов и маленьких частных кафе.

Проезжавшие по автостраде автобусы обязательно останавливались здесь, и пассажиры разбегались по туалетам, а оттуда в кафе перекусить. Никого не интересовали ни заброшенный куполообразный спортивный стадион, ни полуразрушенный монастырь «Святой Екатерины». Но вдруг кто-то вспомнил, что в Элмайре когда-то жил Марк Твен, и здесь написал свои лучшие

произведения. Слух этот пришелся на руку весьма посредственному композитору, но предприимчивому бизнесмену Уильяму Перри. Он скупил у муниципальных властей все туалеты вкупе с землей, на которой они стояли, арендовал за гроши стадион, договорился с монахами о реставрации монастыря и перестройке части его келий под гостиничные номера, а с турагенствами о включении в туристический маршрут городка Элмайра, как исторической достопримечательности, связанной с биографией Марка Твена. Но не это было конечной целью бизнесмена. Он организовал антрепризу, написал мюзикл «Марк Твен» и по двадцать долларов за билет показывал его туристам на сцене отремонтированного стадиона.

Половину труппы предприимчивый композитор набирал из американских артистов, включая в нее, для пущей рекламы, и звезд, сошедших с бродвейского горизонта. Остальных - за границей, где этот «товар» стоил намного дешевле. Приехал и в Россию. В нашей стране труд простого актера никогда не оплачивался достойно. В конце восьмидесятых ежемесячная зарплата 200 – 250 рублей, то есть 3 - 4 доллара в день, считалась наградой (ежедневное минимальное пособие американского бомжа – девять долларов). Да вот беда, советские артисты и знать не знали, что такое мюзикл! Американец готов был не солоно хлебавши, вернуться восвояси, когда Эдик Смольный рассказал ему о нашей ШМИ.

И однажды мистер Перри, типичный американец – высокий, энергичный, лет шестидесяти, появился в сопровождении своего переводчика у нас на репетиции

«Помилуй!...». Шатров, предупреждая о его визите, наставлял:

- Меньше, чем на двадцать долларов в сутки каждому артисту, не соглашайся. Проживание и питание за его счёт.

О том, что американец уже в зале, мне сообщили, но репетицию я умышленно не остановил: пусть убедится, что «не пальцем деланы»!

- Браво, мистер Шерлинг, браво! - прихлопнул ладонями Перри, когда я подошел к нему. - Америка умрет от восторга!

С помощью переводчика Перри рассказал мне об Элмайре, о своем мюзикле. Похвалив моих артистов, «работающих в американском стиле», что прозвучало комплиментом, сказал, что с удовольствием пригласил бы труппу на гастроли в США на летние месяцы. Я, естественно, поинтересовался, условиями. Переводчик-американец не предполагая, что я понимаю английский, упредил его с ответом:

- Смотрите, сэр, в каких условиях они работают! Пятнадцать долларов в сутки для них награда!

«Ах ты, сука!» – подумал я и ответил жестко:

- Двадцать пять долларов, и ни цента меньше!

- Господин Шерлинг говорит по-английски? – смутились американцы.

- Говорит! – И добавил: - Обдумаю ваше предложение, господин Перри. Завтра в 16.00 встретимся у господина Шатрова.

- Oll right! – согласился Перри и, кивнув в сторону Марины Квитки, проходившей по залу, поинтересовался:- А это, скажите на милость, кто? Ребенок?

- Балерина.

- Надо же! – удивился Перри. – И она поедет с трупой?

- Если поедет труппа, - отрезал я. Ох, и не любил я, когда кобели, особенно старые, засматривались на моих актрис! А еще подумал: что они в этой Квитке нашли? Не женщина, а маленькая крыска. Опедофилились мужики, что ли?

Не случайно взял тайм-аут, прежде чем ответить Перри. Сомнения терзали меня.

Труппе еще предстоит серьезная работа, чтобы достичь задуманной мной высоты. Гастроли... Америка... Все это вскружит головы молодым артистам. Они ведь другой жизни и не видели, нежели та, в которой мыкаются сегодня. Четыре месяца сказочной жизни в богатейшей стране... Отказаться?... Что взамен? Танцзал с протертым полом? Репетиции... и репетиции?.. С успехом дебютировали на «Подиуме», нас превозносят в СМИ, но нет ни собственного помещения, ни хотя бы временной чужой сцены. Соответственно, и в гастрольных планах мы не числимся. Отказаться?.. Но что скажу артистам: боюсь, мол, от вашего головокружения развалится театр? Боюсь новой измены? Но это я – боюсь, а они?..

- Что ты психуешь?! – увещевал меня Джигарханян.- Быть может, эти гастроли - реальный шанс твоему театру прославиться на весь мир?! О ваших спектаклях узнают видные американские продюсеры, сам Джозеф Папп, вас пригласят на Бродвей и...

- Размечтался! – приземлил я друга. – Плохо представляешь себе Америку. Там с Бродвея надо *начинать*, а не наоборот. Провинциальной сенсации никогда не выйти за пределы провинции. Она так и останется провинциальной.

- Но чем ты рискуешь?

- Театром, Армен, театром... О такой профессиональной труппе мечтал целую жизнь. Не хочу ее потерять.

Сказал, и в то же мгновение мысленно увидел счастливые лица моих актеров – такими они станут, узнав о предстоящих американских гастролях. Не мог, как Гончаров, не заботиться о внетеатральной жизни своих актеров, впускал их в душу, «усыновлял», а они, быть может, в том и не нуждались. И СТД с моего согласия подписал с Уильямом Перри контракт о гастролях – *смертный приговор моему театру*.

4 июня 1989 года в небольшом, окруженном высокими холмами зеленом городке Элмайре, в четырехстах километрах от Нью-Йорка, высадился театральный десант: восемнадцать артистов, балетмейстер (Элеонора Власова), концертмейстер (Олеся Шелудько), завпост (Алексей Аржанов), представитель СТД, художественный руководитель театра – я, Юрий Шерлинг и, со своим руководителем, пятеро детей (среди них моя Анечка) – участников спектакля «ШМИ». На их включение в гастрольный контракт особо настаивал Перри, но только позже я понял, почему.

То было время заметного потепления между США и СССР, и американцы приняли нас тепло, гостеприимно, но и с плохо скрываемым удивлением: у русских ни папах с красной звездой, ни валенок, ни кинжала за поясом... Обыкновенные, как американцы, люди, с одной лишь разницей – не знают английского языка и общаться с ними приходится через переводчика. Нас поселили кого - в отеле,

кого - в переоборудованных под гостиничные номера кельях монастыря.

Дав артистам передохнуть с дороги и привыкнуть к смене часового пояса, я, как и в Москве, вызывал всех в 10 утра на класс в прекрасно оборудованный репетиционный зал. О таком зале и, главное, театральной сцене, нам можно было лишь мечтать! Сравниться с ней в России могли, пожалуй, лишь сцены Большого театра, ЦКЗ «Россия» и Кремлевского дворца съездов.

В начальной мизансцене, в «хороводе», финале задеваю всю труппу. Договорюсь с Перри и привлеку к спектаклю американских артистов. Неделя репетиций - и они введутся. Элла поможет.

Мысленно уже выстраивал новую хореографию, менял, обогащая, мизансцены, когда в репетиционный зал вошел Перри:

- Зачем же класс? – удивленно пожал он плечами. - Артисты отлично подготовлены и не нуждаются в нем. Приступим к репетиции.

- У нас каждый рабочий день начинается классом! – возмутился я.

Кто смеет вмешиваться в узаконенный мною распорядок дня?!

- А у нас порядок другой, господин Шерлинг, - возразил Перри тоном хозяина, не терпящим возражений: «кто платит, тот и заказывает музыку». И указав на стоявшего рядом с ним молодого мужчину в джинсах и яркой футболке, добавил, обращаясь к моим артистам: - Вот Денис Розе, господа, ваш режиссер.

Выслушав переводчика, артисты растерянно и удивленно уставились на меня. Но Перри не дал возможности ни им, ни мне произнести ни слова. Властно взяв меня под руку, словно приказал:

- Пойдемте, господин Шерлинг, надо поговорить.

Выходя из зала, я услышал, как переводчик произнес слова «приступим к репетиции», повторив их вслед за человеком, которого Перри представил труппе режиссером.

Режиссером?.. Мне в помощь?.. Но я не нуждаюсь в ней... Вместо меня?!

Все разъяснилось, едва мы с Перри вошли в его шикарно обставленный кабинет.

- Отныне, господин Шерлинг, все артисты вашего театра, согласно контракту, начнут вводиться в мой спектакль «Марк Твен».

- Какой «Марк Твен»?! – Я отказывался понимать. – Наши спектакли - «ШМИ» и «Помилуй..!». Готовы играть их, как только придут декорации.

- Декорации задержаны брокерской конторой. Оплатить их хранение и доставку в Элмайру ваша проблема, - сухо пояснил Перри.

- Но...

Перри перебил:

- Контрактом эти расходы не оговорены. Следовательно, возложены на вашу сторону.

- Сколько? – я заподозрил недоброе.

- Тысяч пять, - бесстрастно ответил Перри, а я, как дурак, переспросил:

- Долларов?

- Не советских же рублей. Как вы их там, в Москве, называете? Вспомнил! «Деревянные», - рассмеялся Перри.

Таких денег у меня, естественно, и близко не было. СТД оплатил наши авиабилеты из Москвы в Нью-Йорк и обратно, и выделил в долларах какие-то хилые командировочные на кока-колу и хот-доги

- Не огорчайтесь, господин Шерлинг, - успокоил Перри. – Как я уже сказал, наш режиссер введет ваших артистов в мой спектакль, а мы пока подумаем, как выволить и доставить сюда ваши декорации.

Он что, за идиота меня держит?!

- Будем играть только свои спектакли! – возмущенно выкрикнул я. – И никакого «Марка Твена»!

Перри молча придвинул мне контракт, подписанный им и СТД РСФСР:

- Здесь найдется хоть одно слово, что на «Фестивале Марка Твена», на который вас пригласил я, его продюсер, ваш театр будет играть «свои» спектакли?

Я впился глазами в контракт:

« стороны договорились:

«Фестиваль Марка Твена» приглашает театр-студию «Школа музыкального искусства» под руководством Ю.Б. Шерлинга на гастроли в Соединенные Штаты Америки на период с 4 июля по 5 сентября 1989 года в следующем составе... в рамках «Фестиваля Марка Твена»... Суточные оплачиваются в размере 175 долларов в неделю для взрослых участников и 75 долларов в неделю для детей...»

И никаких упоминаний о наших спектаклях.

- Но здесь и не сказано, что мои артисты должны играть в вашем спектакле! – уцепился я за спасительную соломинку.

- А это уж позвольте решать мне, – жестко ответил Перри.

- Нет, решать буду я! – категорически возразил. - Увожу труппу домой.

*Мудак! Что ты рыпаешься?! Ты же не в своей советской берлоге, где еще можно воззвать к чьей-то совести. Другой мир, чужая «стая». Жесткие правила игры, не знающие пощады. Разбежался! Это **ты** хоть сейчас можешь исчезнуть! «Баба с возу, кобыле легче» - ты никому здесь не нужен. А твои артисты?.. Добровольно покинуть Америку?.. Канул в Лету порядок, когда группой командовал сопровождавший ее сотрудник КГБ. Прикажет: марш в самолет и обратно в Москву! – попробуй не подчинись. Иное время. Другие – свободные люди. «Уезжай-ка себе на здоровьице мы въехали в страну по контракту, и никто нас не тронет. Только попробуй - защиты попросим у американцев, а то и политического убежища».*

- Пожалуйста, - развел руками Перри, оставаясь невозмутимым. – Уезжайте, воля ваша.

Сволочь, прекрасно понимает, что я уже не властен распоряжаться судьбой моих артистов.

- Пожалуйста, - повторил он и, словно читая мои мысли, добавил: – Но вам придется заплатить мне неустойку. – И назвал такую сумму, что похолодело сердце.

Перри ничем не рисковал, если мы и уехали бы: авиабилеты в оба конца оплатил СТД, и в убытке останется он же. Да и свои расходы на рекламу, автобусный проезд из Нью-Йорка в Элмайру, проживание труппы в гостинице, взыщет по суду с того же СТД.

Ловушка захлопнулась.

Собственными руками я отдал своей театр в чужие руки, пустил его в жизнь, от участия в которой отстранен. Уильям Перри переиграл, перехитрил меня. Я жестоко наказан за непростительную доверчивость к

людям бизнеса, с которыми впервые вступил в деловые отношения. И это станет мне горьким уроком на всю жизнь.

Позвонил в Москву Шатрову, матерно обложил его:

- Какой хер составлял контракт с Перри? - Изложив ситуацию, пригрозил: - Возвращаемся в Москву!

- Не дури! – взмолился Шатров. - Хочешь нас обанкротить?! Посчитай, сколько стоят одни ваши авиабилеты...

Да, кругленькую сумму. СТД рассчитывал вернуть ее с доходов от наших спектаклей у Перри.

Больше не спорил с Перри, не «качал свои права» - бесполезно. За ломаный грош продан в рабство.

Ненавидел себя, Перри, Шатрова, метался в поисках выхода. И не находил его. Без всякого к тому повода набрасывался на Олесю. Избегал Власову, а точнее, ее вопросов «отчего, почему?». У меня обострились отношения с Аней Агаповой – актрисой, на которой, не скрою, строил свой театр. Видя ее на сцене, безумно влюблялся в нее, но она становилась мне безразлична, едва уходила за кулисы. И это не могло не ранить самолюбие гордой женщины.

Я не посетил ни одной репетиции «Марка Твена», куда вводились мои актеры. Избегал их. Перестав удивляться тому, что меня, «всесильного Шерлинга», каким был для моих актеров, «какой-то Перри» отстранил от работы, они уже увлеклись его спектаклем. Не осуждал их за это: артисты призваны играть на сцене перед зрителем. Что смог дать им в Москве? Бесконечные репетиции в жалком танцзале Парка им. Горького? Единственное за целый год выступление на Подиуме? Они стосковались по зрителю, аплодисментам,

успеху, поклонникам. И теперь, получив все это, жалеют меня. Жалеют?.. Меня?.. Что может быть унизительнее?!

Рядом со мной прозябали без дела Власова – у Перри свой балетмейстер и Олеся – к чему концертмейстер, когда есть фонограмма?.. Вскоре из труппы изгнали за баловство мою Анечку. Нас стало четверо особей, никому не нужных на перриевском Фестивале. Жизнь моих артистов текла без меня и помимо меня. У них появились поклонники и поклонницы. Это теперь на улицах крупных американских городов то и дело слышна русская речь, но в то время русский человек в многонациональной Америке был еще диковинкой и удивлял своей абсолютным несовпадением с образом, созданным американской пропагандой в годы холодной войны. Случалось, американцы специально приезжали в Элмайру не на спектакль «Марк Твен», а чтобы поглазеть на русских, знакомились с моими артистами, приглашали их в гости, в выходной день устраивали им экскурсии по Америке, одаривали подарками. Завязались дружеские отношения между нашими и американскими артистами, игравшими в спектакле.

Меня не приглашали. Никуда не возили. Я словно бы и не существовал.

Арендовав машину, стал мотаться по Америке. Только бы не сидеть в Элмайре. Иногда брал с собой трех своих женщин, истомившихся от безделья. Иногда ночевал в кемпинге. Подчас, отчаявшись вконец, ездил в Нью-Йорк, смотрел там Бродвейские мюзиклы и по сохранившейся с детства гадкой привычке грыз от досады ногти:

Театр... теряю театр, он сыграет эти мюзиклы не хуже американцев.

Вряд ли в Перри проснулись остатки мертвецки спящей совести, скорее его мучила необходимость оплачивать непродуктивное пребывание за его счет в Америке трех русских: мое, Эллы и Олеси. По прошествии месяца он неожиданно пригласил меня в свой кабинет. Я, было, воспрял духом: декорации вызволены... начнем играть свои спектакли... Но Перри и не заикнулся об этом.

- Меня осенила идея, господин Шерлинг, - сказал он миролюбиво, словно между нами не существовало ни разногласий, ни возникшей из-за них неприязни. – Мой спектакль, мой «Марк Твен», который, как сами видите, пользуется у зрителей огромным успехом, не сходит со сцены уже четвертый год, надо обновить. И я придумал вставной номер: Едет Марк Твен, по дороге ему встречаются русские, и они танцуют для него свой национальный танец. Здорово, не так ли?!

Перри не сомневался, что его придумка приведет меня в восторг. Но я ответил сухо:

- Мне трудно судить, не зная вашего спектакля.

И привел его в замешательство:

- Вы... не знаете... не видели «Марка Твена»?

- Представьте...

- Как же так?! – возмутился американец. - В нем играют ваши артисты...

- И на здоровье, - усмехнулся я. – Не мой спектакль, не моя режиссура, пусть делают, что хотят. Не интересно.

Перри приумолк.

Понял, наконец, что пред тобой не простой орешек, который можно, легко раскусив, сплюнуть за ненадобностью?

- Обижены, господин Шерлинг? – заговорил он, наконец, стараясь придать своим словам максимально доброжелательный тон. – Понимаю вас: ваши спектакли - ваше детище. Но и вы поймите меня, как бизнесмена. Видел в Москве фрагменты из «Помилуй!..» - перед режиссером и композитором Шерлингом снимаю шляпу. Ваша работа не хуже, а порой интересней бродвейских. Поймите и вы: если сегодня дать ваш «Помилуй!..», завтра никто не придет на «Марка Твена», и я разорюсь.

Разоткровенничался... запел соловушка... Будто и сам не понимаю, где собака зарыта ...

- «Марку Твену» необходима новая, живая кровь – ваши артисты способны ее влить. Но без вас... Прошу вас, сэр Шерлинг...

- Подумаю, - милостиво согласился я. А Перри вскинул на меня удивленный взгляд.

Удивляешься?.. Думаешь, купил меня за три серебреника? Стану выполнять все твои прихоти? Ошибаешься, «хозяин»...

Но не успел среагировать, Перри заговорил еще более елейным тоном:

- Приглашаю вас вместе с мисс Власовой и мисс Олесей на сегодняшний спектакль. Буду вам очень признателен. А после спектакля все обсудим за ужином. Итак, до вечера!

Я сдержанно кивнул и направился к выходу.

Уже в дверях Перри остановил меня:

- Кстати, две новости...

- Ну?!

- Хорошая и плохая. С какой начинать?

- С плохой.

- Ваши декорации...

- Понадобились вашему «Марку Твену»? – съязвил я. – Мне-то они здесь зачем?

Перри рассмеялся, приняв мою реплику за шутку:

- Скажите, господин Шерлинг, вы сможете играть без декораций? Насколько знаю, театральные костюмы у артистов с собой.

- Сможем, - я боялся поверить, что...

- Тогда новость вторая... Два дня до окончания контракта вы будете играть на моей сцене свои спектакли.

Вот за эту цену сможешь и купить!

- Черт с ним, поставь ему русский танец, - посоветовала Элла, обрадовавшись работе. По магазинам она не бегала, ее «женская покупательная способность» была давно удовлетворена в магазинах Европы, Японии и той же Америки, где в свое время гастролировала знаменитая русская балерина Элеонора Власова.

А вечером, когда мы вернулись со спектакля, отказавшись от ужина с «гостеприимным Перри», сославшись на усталость, она сказала:

- Придется всерьез поработать над нашими спектаклями. Иначе артисты сыграют такую разудалую Русь, что ее и Владимиру Красно Солнышко не узнать.

Я приступил к постановке русского танца в спектакле «Марк Твен».

Вместо моих артистов, которых я настойчиво учил переживанию на сцене духовной жизни своих героев, передо мной стояли ожившие стандартные американские манекены, добросовестно и высоко профессионально отрабатывающие свои еженедельные 175 зеленых, чтобы в очередной понедельник вновь ринуться опустошать здешние магазины. А насытившись трусиками, бюстгалтерами, кофточками, брючками, приступить к новой «экономической фазе» - накопительству, экономя каждый цент и порой шатаясь от недоедания (Перри кормил труппу лишь раз в день).

Мое появление в их напряженной, но уже устоявшейся жизни, не сулило им ничего отрадного. И когда я, прежде чем начать репетиции, вызвал артистов на балетный класс, рассчитывая этими занятиями вернуть их в свою школу, они дружно взроптали:

- Ну, зачем нам этот класс, Юрий Борисович?! Отлично справляемся и без него...

- Мы могли бы поспать еще часочка два...

- Лучше сдохнуть, чем снова ваши бесконечные репетиции...

- Покажите нам этот танец, и мы сходу станцуем его. Думаете, американские бабушки-дедушки поймут, если что-то не так?..

- Гореть бы этому танцу вечным огнем! Мы и без него смертельно устаем...

Действительно, за нищенское, по американским меркам, вознаграждение (американские артисты получали вдвое, а то и втрое больше), Перри безбожно эксплуатировал труппу: по шесть-восемь спектаклей в неделю. Физически это выдержит далеко не каждый. Я понимал своих артистов, но вместе с тем работать с «манекенами» не мог.

- Пожалей ребят, - вступилась за них Элла. Она отработывала с ними танец. – Они и так на пределе...

И, кажется, впервые в жизни я нарушил свой творческой принцип и выпустил «номер» в «полуфабрикатном» виде. Ребята оказались правы: зрители этого не поняли, и русский танец, прозвучавший диссонансом в сугубо американской пьесе, приняли «на ура», требуя бисирования, а газеты штата Нью-Йорк разразились хвалебными статьями, «Элмайра стар-газетт» 5 июля писала в частности:

«Танцы были восхитительны, костюмы – очаровательны. Спектакль зрелищный. Советские артисты пленили публику».

«Благодаря участию советской группы в спектакле, он имел еще больший успех».

«Шерлинг, движимый идеей, что театр может быть послом мира, считает себя не только хореографом, композитором, режиссером и руководителем труппы, но также и наставником и посредником между искусством и зрителем».

«Как заявил исполнительный директор Уильям Перри, он хотел бы оставить советскую труппу еще на 20 лет для выступления в американском театре»

Гл. III-8

«ПОСПЕШИЛ РОДИТЬСЯ...»

Контрактом предусматривалось приглашение на «Фестиваль Марка Твена» на десять дней турменеджера из СТД РСФСР. Договорился с Шатовым, что им будет Армен Джигарханян. И вот, по прошествии месяца нашего пребывания в Элмайре, он наконец-то приехал.

Армен впервые в Америке, и я старался показать ему ее *всякой*. Возил по Нью-Йорку, на Брайтон-бич и, разумеется, мы смотрели мюзиклы.

Очень хотелось услышать мнение Армена, который до этого с мюзиклом был знаком лишь по «Человеку из Ламанчи», а больше понаслышке. Но он вдруг заговорил не о спектаклях, а обо мне.

- Я все понял, Юра, - сказал он тогда, - ты поспешил родиться. Твоя режиссура и хореография опережает современные советские лет на тридцать и даже американские - лет, эдак, на десяток. Обыватель тебя не понимает, не может понять, а коллеги к тому же боятся, а потому недолюбливают и не *пускают*. Прямо скажу, незавидная перспектива.

- Замолчать?! Отступить?! Стать ординарным? Стандартным? Постричься под одну с коллегами гребенку?..

- А сможешь? – усмехнулся Армен.

- Не смогу! И не хочу!

Вспомнил об этом разговоре, прочитав недавно в американском еженедельнике «Форвертс» интервью народного артиста СССР Армена Джигарханяна, ныне директора и художественного руководителя носящего его имя театра, что на Ломоносовском проспекте в Москве. На вопрос корреспондента, почему он не приглашает меня постановщиком в свой театр, хотя спектакли там ставят приглашенные режиссеры, Армен ответил:

« - Шерлинга? Юру? Помнится, когда в театре Маяковского они с Андреем Гончаровым начали ставить «Закат» по Бабелю, Юра рассказал, как он представляет себе спектакль, и показал какой-то еврейский танец. Мне стало страшно от его эрудиции. Скажу честно, я опасаясь пригласить его в свой театр режиссером, потому что не знаю, чем это может закончиться: праздником или катастрофой. Он в силах создать

и то, и другое. Но, что самое страшное, создать талантливо! Быть может, это сегодняшняя патология, что нельзя быть таким талантливым, как он, во многих областях. К примеру, если взять аквариум и поместить туда кита, ничего хорошего от этого не произойдет. А Юра – кит, он как селевой поток. Неизвестно, куда повернет, что разнесет на своем пути. В его жизни я был тому свидетель. Он явно перенасыщен талантами. Перенасыщен, и это может быть вредно. Он такой, как есть, таково его внутреннее содержание, его «химическая реакция» на окружающее. Единственное, что остается, просить Бога, чтобы он его уберег, потому что Шерлинг – такой – нам нужен.

Мы будем восхищаться им потом. Потом. Как всеми людьми такого типа. В жизненном быту они неудобны. А потом скажем: ай-ай-ай!».

Армен, друг, как никто другой понимает мое творчество и все же, опасается. Не парадокс ли? Нет, не парадокс. Армен сомневается, что меня не поймет его заурядный зритель, как правило, из близлежащих городских кварталов, не пойдет на спектакль, и это принесет театру убытки.

Но он, видимо, был прав, когда в Америке, четверть века назад, сказал, что я «поспешил родиться». Задумался над этим, посмотрев недавно, как уже рассказывал, видеозапись своего спектакля «Помилуй!...». Смотрел его глазами постороннего зрителя и понимал: хотя российская театральная школа и шагнула далеко вперед, преодолев барьеры многих архаизмов, ей еще нужны годы и годы, чтобы достичь высот, на которые сумели когда-то подняться спектакли театра-студии «Школа музыкального искусства».

М А М А

Армен улетел, и я впал в глубочайшую депрессию. Мне сделалось морально еще труднее, чем до его приезда, никогда не чувствовал себя таким одиноким и ненужным. Безо всякого видимого повода набрасывался на Олесю, будто не я сам, а она виновата в моем вынужденном безделье. В ответ Олеся удивленно, с укором молча смотрела на меня, впервые увидев *такого* Шерлинга. Ругал Анечку, цепляясь за самую малую провинность, и девочка принималась реветь во весь голос. Вдрызг сломал отношения с Агаповой. Режиссер-американец распознал в ней талантливую актрису, дал ей какую-то роль в спектакле, а Перри повысил гонорар, и теперь ей хватало центов на дополнительный тюбик помады. Мне казалось, она радуется реваншу, который якобы взяла надо мной, Только Эллу не осмеливался тронуть, сознавая, она настолько самодостаточна, что в любой момент сложит свой чемоданчик и рванет из порядком опостылевший ей провинциальный Элмайры. А мне этого не хотелось. Во-первых, не хотелось, да и все! Во-вторых, она была нужна для возобновления «Помилуй!...»; для возвращения в лоно моей школы вышедших из-под моего влияния артистов.

Нечеловеческое нервное напряжение не могло пройти бесследно. Врач с подозрением на микроинфаркт уложил меня в больницу при монастыре «Святой Екатерины». Олеся, встревоженная больше, чем я сам, не отходила от меня. То и дело прибегала дочка, один за другим навещали мои артисты. Парни предлагали помощь (чем они могли

помочь?), девочки кидались целовать, игнорируя предупреждение врача не волновать больного. И все в один голос успокаивали:

- Не волнуйтесь, не переживайте, Юрий Борисович! Сыграем наши спектакли так, что американцы вместе с Перри обалдеют, а Марк Твен воскреснет! По-шерлинговски сыграем!

Смотрел на своих артистов и, вместо того, чтобы радоваться их искренней тревоге, желанию подбодрить, помочь, занимался самоедством.

Сочувствуют... Жалеют... А как темпераментно отплясывают под бездарную музыку американца, поют нудные шлягеры? Ну да, он им платит, я столько не смогу...

Но не они тебя, а ты их привез в Элмайру. Злись на себя, они перед тобой не виноваты. Не верю ни одному их слову! Просто сообразили: после гастролей – куда?.. К Шерлингу?.. А если уволит? На улицу? Но такие артисты, какими ты сам же сделал их, на улице не валяются. Да, «не валяются»....

Навещал и Перри, заверял, что его обещание дать два спектакля «Помилуй!..» в силе, могу не сомневаться.

Стихли за грудиные боли, я несколько успокоился, явно шел на поправку. Врач обещал, еще денек-другой - и он разрешит подняться с постели.

И однажды, когда пришла Олеся, хотя она и очень старалась выглядеть спокойной, вскрикнул:

- Что?!

- Понимаешь, ... - попыталась она начать издали.

Перебил:

- Говори! Что?! – Тревога, ужас переполнили сердце: - Что?! Что?! Анечка где? - Первая мысль о дочке: попала под машину, сбежала, убили: - Где Аня?!

Олеся не успела ответить, в палату вбежала Анечка и с ревом бросилась мне на грудь.

- Бабушка... бабушка умерла...

- Кто?... - прошептал еле слышно.

- Мама... Телеграмма от Ады из Питера, - подтвердила Олеся.

Десять часов полета... Скорей бы Москва! А самолет словно завис над облаками, не летит, - замер на месте. Вокруг чужие люди, надо держаться.

- Не плачь, папа, не плачь, - утешает Анечка и утирает мне платочком слезы. – Люблю тебя, никогда не оставлю одного.

Прижимаю к груди доченьку, единственное родное существо на всем белом свете. И клятвенно обещаю Всевышнему всегда быть рядом с ней.

- Вам плохо, сэр? – заботливо спрашивает по-английски стюардесса.

- У нас бабушка в Ленинграде умерла, - объясняет Анечка по-русски.

Стюардесса не понимает ее. Но видит, нам обоим очень плохо и приносит девочке кока-колы, а мне рюмку коньяка.

Свернувшись калачиком в кресле, положив голову мне на колени, Анечка засыпает. И я остаюсь один на один со своими мыслями, раздумьями, угрызениями совести.

Мама... Невозможно... Вся жизнь вместе. Подчас физически врозь, но все равно - вместе... Вся моя творческая жизнь – вместе. Обо мне она знала все...

Дышала, жила в унисон... Протяни руку, позови – и вот она, мама, как данность.

«А ты, ты любил ее?»- этот голос – моя совесть.

Часто не замечал, как и чем она живет... Пыталась приласкать – отстранялся. Так с детства. Иногда просто не любил.

«За что? Ты же был ее жизнью...»

Зачем отнимала банку с кукурузой за неусердие, когда хотелось есть? Больно била линейкой по пальцам, угодившим мимо клавиш? Заставляла играть на рояле, когда хотелось играть под ним в свои мальчишечьи игры? Таскала за собой по квартирам, где учила чужих детей музыке?... Почему вся моя детская нищая жизнь пропитана ложью? Не знал отца, меня «нашли в капусте». Когда подрос, выяснилось, «отец погиб на фронте героем». А позже: отец – авантюрист, потому-то и дала мне свою девичью фамилию «Шерлинг». Зачем же выбрала мне такого?

«А когда отец объявился и оказалось - никакой он не «авантюрист», ты кинулся ему на шею?».

Поздно... Восемнадцать... Сыновье чувство не проснулось. Но потребовал у мамы ответа: кто дал ей право разлучить нас?

Недавно спросил, зачем с детства убедила меня в моей неординарности?

«А тебе, признайся, это не льстило?»

Льстило. Но, в первую очередь, ей – «мать вундеркинда»!

«Ищешь себе оправдания? Виновников неудач? Будто и не упиваешься своей неординарностью...»

Мне трудно, я одинок. Меня не понимают...

«Вот теперь ты действительно одинок. А ей было легко?.. «Великая Шарлотта»... Почему так назвалась? Думал об этом? Какое беспросветное одиночество, боль скрывались под этой маской? Разудалым канканским весельем, как паяц с разбитой душой, она потешала людей... Что сломало ее, почему не сумела распрямиться, похерила свой редкий талант музыканта? Зациклилась на стремлении передать его тебе, своему ребенку? Измена отца? Разлука с другом?»,

Я часто видел его рядом с мамой. Известный дирижер, он долгое время опекал меня, а потом исчез.

«А, может, виной тому ты – непосильная ноша для одинокой женщины?..»

Никогда не вникал в мамину духовную суть, не интересовался ею. Теперь не вникнешь. Вспомнить бы мамино лицо, ее облик...

«Зачем? Чтобы мысленно пасть на колени и молить о запоздалом прощенье?».

Не вспоминается... Перед глазами не она – живая, а фотографии. И ее осуждающий, надменный взгляд из окошка вагона, увозившего ее в Питер к племяннице Аде на время моих американских гастролей.

... Похоронил маму на Пискаревском кладбище. В зале прощания звучала музыка разудалых еврейских танцев из моей оперы «Черная уздечка белой кобылице». Так завещала моя Великая Шарлотта.

Я был плохим сыном. Осознание этого, чувство вины, угрызения совести преследуют и мучат меня всю жизнь.

FINITA LA COMEDIA

Перри на этот раз сдержал слово: гастроли в Элмайре мы завершили нашими спектаклями «Школа музыкального искусства» и «Помилуй!..», а финалом стал дуэт «Я родом из детства», который исполнили на двух роялях и спели мы с Олесей. Американские зрители, обычно сдержанно выражавшие свои чувства («Понравилось? О, да, очень!», не скрывали восторга! «Элмайра стар-газетт» писала:

«...Зал, где проходили спектакли, был переполнен. Постановка привлекла внимание пятисот зрителей. Шерлинг – художественный руководитель театра в обращении к публике сказал о важности общения между людьми, а также о том, что уверен, музыка и искусство спасут мир от жестокости и насилия.

«Музыка стоит вне социальных, политических, национальных и других проблем. Музыка не переходит от правительства к правительству, но от человека к человеку», – такими словами Шерлинг обратился к американскому зрителю.

...Огни погасли, и первый показ спектакля «Помилуй!...» начался. Сценарий, режиссура и постановка танцев Юрия Шерлинга.

Вот несколько из многочисленных откликов американских зрителей, побывавших на спектакле:

«Они очень талантливые люди, и очень жаль, что больше американцев не смогли посмотреть этот спектакль», – сказала Анна Вернер из Элмайры.

«Они имели огромный успех», – согласился с ней Мюрай Вернер.

Несмотря на то, что спектакль шел без антракта в течение более чем 90 минут, публика следила за действием, затаив дыхание.

Вторая часть постановки была сделана в форме мюзикла. Труппа представила свое собственное понимание американского стиля.

Дуэт Шерлинг – Олеся Шелудько исполнил несколько джазовых зарисовок на двух фортепьяно, и к моменту, когда были взяты первые ноты русской песни «Не одна ты во поле дороженька», весь зал аплодировал».

Как бы обрадовалась моему успеху мама! По своему обыкновению, сидела бы в ряду четвертом, изображая собой обычного зрителя.

«Какой замечательный танец! Вам понравилось?» - спросила бы соседа.

«О, да! Очень!»

«Знаете, кто режиссер?»

Сосед открывал программку: «Юрий Шерлинг».

И она с гордостью: «Это мой сын!»

А мне все безразлично. Я вернулся в Элмайру мертвым. Порой месяцами не вспоминал о маме, когда она была жива, теперь и представить себе не мог, как жить без нее. Узы, связывавшие нас, оказались так крепки, - не разорвать. Отныне мама всегда незримо будет жить во мне, критически оценивая мои поступки.

В Москву - неожиданный сюрприз! - возвращалась вместе со мной вся труппа. Знал о жарких романах с американцами и американками моих актеров и актрис, о посещениях Элмайры продюсерами, предлагавшими артистам контракты. Сейчас они стали доступны, и никто не возбранял артистам подписать их, остаться в Америке.

Я не знал, что втихаря такие контракты уже подписывались с тем же Перри на следующий летний сезон, и снова на «Марка Твена». А пока радовался: артисты мне не изменили, театр сохранился!

Имея опыт заграничной жизни, подсказал им, как приумножить заработанные деньги (по две с лишним тысяч долларов), казавшиеся им миллионным состоянием. Послушав моего совета, они оплатили в Америке стоимость компьютеров, бывших тогда в России в новинку, но вместо них взяли сертификаты. Предъявив их в Москве, получили по ним по сорок с лишним тысяч рублей – баснословная в те годы сумма! Тем, кто решил купить в Америке автомобили, посоветовал отправить их в Ригу, откуда перегнать в Москву, избежав, тем самым, таможенного сбора.

Месячный отпуск использовал на оформление развода с принцессой Маритт. Вскоре она вышла замуж за своего азербайджанского красавца, а я стал «вольным казаком».

...И вот мы снова в танцзале Парка им. Горького. Унылое, прямо скажем, зрелище! Но другого помещения нет, и вряд ли скоро появится. Понимаю это и я, и артисты.

Балетный класс, репетиции – сколько же можно?!

Ушел Миша Турецкий, артист и хормейстер, организовав мужской хор при Московской хоральной синагоге. Перешел в другой театр Стас Федосов и распался квартет Шёнберга... То и дело опаздывает на балетный класс Марина Квитка. Куда девалась ее эмоциональность, танцует, словно отбывает временную повинность. Нет, не тянет больше моих артистов в танцзал с серым протертым полом. Еще недавно они и не замечали этого, увлеченные творчеством.

Удивляешься? Им тогда не с чем было сравнивать. Профессиональная сцена в Элмайре - и этот «дворец» с засраными мухами лампочками.. У твоих артистов, разлюбезный Юрий Борисович, тяжелое похмелье. Вместо успеха, оваций, поклонников, цветов – репетиции, которые обрыдли им. Вместо шикарных автомобилей – холодный трамвай, набитый алкашами и

торговками; вместо супермаркетов - пустые магазины; вместо поклонников – оголодавшие мужики в драных носках, целые-то купить негде. Американские трусики с кружавчиками, бюстгальтеры на косточках и показать некому... Еще немного – и Finita la comedia.

Поехал к Шатрову:

- Дай мне площадку, театр должен играть.

- Где ж возьму ее?! Строительство затягивается.

- Пока возводишь свои сказочные дворцы, мой театр даст дуба, потеряю труппу.

- Наберешь другую, - морщась от боли в сердце, Шатров положил под язык таблетку нитроглицерина.

- Другую?! – возмутился я. – Это тебе не лениных с бухариными играть! Другую...

И у мамы вот так же болело сердце...

- Оставил бы ты меня, Шерлинг, не до тебя и театра твоего. Не отпускает, сволочь! – он потер ладонью грудь. – Не избежать операции, придется лететь в Нью-Йорк.

Может, и маму спасла бы операция, но я был далеко...

- Береги себя, - я «сбавил обороты».

- Постараюсь. А ты, пока я жив, сочини-ка письмо Лужкову. Я передам. На Бахрушина есть бесхозное здание, вполне пригодное под театр. Потом подумаем о ремонте.

...Бахрушина... Здание... Ремонт – отлично.. Но площадка для спектаклей нужна сейчас, безотлагательно.

И я направился на улицу Герцена к Эдику Смольному в его офис.

- Два спектакля в Перми сыграешь? – предложил он мне. - Вполне приличный театр.

- Хоть в Тьмутаракани!

- Там в другой раз, - рассмеялся Эдик. – Оформляй гастроли. И прими совет: готовь новый спектакль.

- Хочу поставить «Ломир алэ инейнем». Вспомни, каким он пользовался успехом!

-«Ломир»?!

- Что удивительного? Я, еврей, поставил два истинно русских спектакля «Когда песок взойдет» и «Помилуй!...»; теперь хочу рассказать о своем, еврейском народе.

- Но у тебя русская труппа! - усомнился Эдик.

- В КЕМТе была еврейская?

- Наполовину, вспомни. Главное – другое. Русские артисты шли к тебе, заведомо зная: идут в театр еврейский. И не по идейным соображениям. Примитивные, не подготовленные, плохо обученные, они никуда не могли устроиться. Интересно им стало с тобой позже, в процессе работы.

- А этим со мной «неинтересно? Кто сделал их такими, что американские продюсеры бегают за ними? ..

- Все это так, но... не знаю, Юра, не знаю...,- проговорил Эдик. – На твоём месте я б серьезно подумал. Прежде чем заводить с «Ломиром».

...Мы отыграли в Перми два спектакля. Отыграли с успехом. Настолько по душе пришелся «Помилуй!...», что директор театра даже повел со мной разговор о дополнительных спектаклях. Но узнав об этом, артисты взмолились:

- Ни в коем случае!

- Ни часа в этой глуши!

- По подушкам в гостинице тараканы шастают...

- В таких условиях? Увольте!

Да, Пермь далеко не Элмайра! Каких-нибудь шесть-семь лет назад мне приходилось гастролировать здесь с КЕМТом. Тогда это

был провинциальный, чистенький городок с уютной гостиницей и рестораном, где кормили вкусными уральскими блюдами. Как изменилось здесь всё! На улицах кучи неубранного мусора, тараканы в гостинице, в ресторане гороховый суп. Что ж удивляться? Город живет, как и обнищавшая страна. Страшнее было другое: словно в унисон с ней играли на сцене мои обнищавшие творческим духом артисты. «Отбывали» спектакль. Вместо танца со смысловой нагрузкой, американское дрыганье ногами, вместо нормальной русской песни – модный шлягер. Нет, подобному я их не учил, с подобным не смирюсь!

Результатом американских гастролей стал болезненный шаг назад всей труппы. Однако, критики заметить этого не смогли, и в СМИ появились восторженные отзывы. Позволю себе процитировать один из них журналиста-театроведа Ирины Горюновой в журнале «Театр»:

«...Первый спектакль театра «Помилуй!..» рождался трудно, как и положено первенцу. Режиссер поставил перед собой непростую задачу. На материале русского песенного фольклора он выстраивает музыкально-хореографическое действо, обладающее и глубоким философским смыслом, и современным звучанием. Из глубокой древности, когда Русь, приняв христианство, не разорвала окончательно с язычеством, дошел до наших дней обряд «Опахивания», имеющий глубокий смысл. В давние времена обряд этот справляли в годы больших эпидемий. Сделав это действо основой спектакля, режиссер как бы предлагает зрителю соотнести в своем воображении далекое прошлое и современность, восстановить связь времен, задуматься об утраченном чувстве, общности, соборности, которое одно способно спасти людей от страшной, внезапно пришедшей беды... Своеобразие замысла повлекло за собой и необычность эстетических средств. В соединении бытового и духовного начала ярко и рельефно проступает символический смысл образов...

Этот спектакль свидетельствует о том, что Шерлинг намеренно избегает какой бы то ни было публицистики, Точнее, поверхностной публицистики... Хотя, в процессе репетиций, тому что происходит сегодня в политике, экономике, социальной жизни режиссер уделяет достаточно большое внимание.

...Весной этого года на Первом Московском международном фестивале театральных школ «Подиум-89» представители Голландии, Болгарии и Израиля,

Дании, Великобритании, Польши, Франции имели возможность познакомиться с молодым музыкальным театром, методами режиссерской работы с актерами, на примере продемонстрированных отрывков из спектаклей «Помилуй!..» и «Школа музыкального искусства»... Под аплодисменты зарубежный коллега, дружно скандирующих «Браво, Шерлинг!», «Браво, артисты!» - молодой коллектив покинул сцену Дома Актера.

С тех пор прошло немного времени, а первые зарубежные гастроли театра уже позади... «Школа музыкального искусства» была приглашена в США для участия в совместном американо-советском музыкальном спектакле о жизни и творчестве Марка Твена... И так случилось, что первыми зрителями спектакля «Помилуй!...» стали американцы. В Москве театр неоднократно показывал этот спектакль - в репетиционных костюмах ..., в репетиционных залах... без настоящего света, без настоящего звука. Зрителям, а, как правило, это были коллеги – артисты, режиссеры, музыканты, даже секретариат СТД во главе с К.Ю. Лавровым, спектакль нравился, но...сыграть его «во всем блеске» на сцене, а не в репетиционном варианте, никак не удавалось.

Впервые это произошло в Элмайре... Слезы американских зрителей в финале «Помилуй!...», смех на спектакле «Школа музыкального искусства», аплодисменты в конце – все это означало, что зрители приняли ту сценическую эстетику, которую ищет Юрий Шерлинг вместе со своими артистами, и этот язык понятен и интересен всем.»

Эдик Смольный оказался прав: идею поставить «Ломир», хотя и с новой режиссурой, подобной еврейскому «Помилуй!...», мои артисты встретили без энтузиазма.

«Еврейский спектакль?..», «Еврейские народные песни?»... Учить тексты роли на еврейском языке?..» - пренебрежительно ухмылялись они. «Да, у Перри учили английские тексты ролей. Но то – английский! Всем языкам язык! Знать бы его!». А кому на фиг нужен ваш идиш?..»

Балетный класс... Занятия с учителем идиша... Занятия по еврейской народной песне и краткой истории еврейского народа... Репетиции «ШМИ» и «Помилуй!...» И ни одного спектакля! Постоянные задержки с выплатой зарплаты. Кому, скажите на милость, нужна такая жизнь?.. Какое нам дело до евреев с их историей и песнями?.. Видали мы их в белых тапочках! Не лучше ли на заработанные в

Элмайре деньги съездить на курорт, отдохнуть перед предстоящей летом работой у Перри?..

Примерно так рассуждали мои артисты и один за другим покидали ШМИ. Ушла и Аня Агапова. Улетела в стариковские объятия Перри Марина Квитка, ушли из театра и другие артисты

Труппа катастрофически быстро распадалась, не удержать. Артистам, получившим от меня солидный заряд творческой энергии и персонального мастерства, я оказался не нужен.

И, словно по закону подлости, из Московского горисполкома поступило распоряжение Лужкова о выделении ШМИ под долгосрочную аренду здания на улице Бахрушина при условии его капитального ремонта за наш счет.

На какие средства ремонтировать? Платить аренду? Кинулся за помощью к Эдику Смольному. Через его «Темп» проходили все финансовые операции с нашим театром. Денег нет. Шатров, улетаая в Нью-Йорк на операцию, посоветовал обратиться к Олегу Ефремову в то время сопредседателю СТД СССР. Поехал. Объяснил ситуацию:

- Теряю театр!

- А я причем? – пожал плечами Ефремов. - Нет у меня для вас денег.

И это равнодушие чиновника, каким он предстал передо мной, вывело меня из себя:

- Мне придется оставить театр. Расстаться с искусством!

- Ваши проблемы. Вас никто не неволит.

Продолжать разговор в тоне, которого не позволял себе со мной даже бывший министр культуры, злейший мой враг Мелентьев, бессмысленно. Не простившись, покинул кабинет.

И вдруг явственно почувствовал: больше не желаю расстрачивать себя на чужих, даже самых талантливых людей.

Не раздумывая, направился в танцевальный зал Парка культуры.

Собрал свои нехитрые вещички.

Вышел.

И запер за собой дверь.

Гл. III-11

СОВЕСТЬ

Наступали 1990-ые. Годы надежд и безверия, заманчивых проектов и сомнительных дел, переоценки и крушения ценностей, годы великого словоговорения, коррупции, бандитизма и воровизма, обнищания и бездуховности, и я...

- *А зачем, о чем, собственно, ты пишешь эту книгу?* - спросил Голос.

Я узнал его - мой собственный. Ловко бегавшие по клавиатуре компьютера пальцы споткнулись, замерли:

- *Как, «зачем»?* -

- *Это что – жизнеописание неудачника?* - допытывался Голос.

- *«Неудачник»?! Я?! Заслуженный деятель искусств?! Успешный бизнесмен! Признанный в мире режиссер, хореограф, композитор!*

- *Какой ты, к черту режиссер, когда у тебя нет своего театра?! В другие не приглашают. В книге жалуешься: злой рок, злой рок! Мало ли кого он преследует, не каждый же пишет об этом.*

- *Но, не каждому и дано Свыше столько, сколько мне.*

- *«Талант»! «Гений»! «Избранный»!,- издевался надо мной* Голос

- *Да, талант! Да, избранный! Да, не такой, как все!*

- Что ж мешает тебе? Гнусный характер? Неумение слышать людей, ладить с ними, уважать? Рядом с тобой – одни пигмеи?.. Представь, что произошло бы с человечеством, если бы оно состояло из одних «шерлингов»?!

- Смеешься? Тогда почему, объясни: десятки лет мне рукоплещут, говорят, - талантлив, и тут же обзывают «слоном в посудной лавке»? Что, не вписываюсь в обывательскую когорту? Поспешил родиться? Своим творчеством опережаю время? И потому, естественно, меня не понимают, меня опасаются, отвергают?..

- Сходил бы ты в синагогу или в церковь и спросил Его: за что, одарив так щедро, подвергаешь горьким испытаниям? Просил бы у Господа спасения. Пожаловался бы Ему. Как в книге...

- Моя книга, что - жалоба?! Стон, вопль о помощи, призыв к расплате за несправедливость?! Нет, я не слабак! Жаловаться людям?! Уповать на сочувствие?! Сам защищаюсь. Сам пробиваю дорогу! Могу все!

- Подумаешь, «Маккавей»!

- Да, Маккавей. Его кровь в моих жилах.

- Потому-то так отчаянно ринулся на помощь «своему народу»? Превосходный-таки советский лозунг!

- Да, да, да! Какой, к черту, лозунг?! Мой народ нуждался в помощи. Старался сделать все, что было в моих силах. Моими спектаклями помочь ему воспрянуть духом. Ощутить себя гордым, равноправным с другими народами, а не рабом в советских каменоломнях.

- Ну, ты прямо-таки «Мессия»! «Моисей»! И куда ты его «вывел», народ свой?

- Туда же. После моих спектаклей многие распрямили спины, отвоевали свое право жить на исторической родине, а не в антисемитском СССР. Разве этого мало?..

- И тебя поблагодарили за это?

- Еще как! Усадили голой задницей на раскаленную сковороду.

- Что ж, в порядке вещей. Созвучно времени. В России два главных раввина-антагониста. РЕКи, ФЕОРы, КЕРООРы, сотни общин и общинок, дерущихся между собой за доступ к карману еврейских олигархов, забывших урок «золотого тельца», погубившего древний Израиль. Раздирая сегодня на части златоносную тушу России, не думают, что расплачиваться за это придется не им, - они загодя забаррикадируются на своих испано-франко-английских виллах - а народу. А он, народ твой, спокойно взирает на происходящее и принимает нищенские подачки – тощие продуктовые посылки с барского стола.

- Но, это – другая история...

- Ошибаешься, одна, одна. Ты написал об этом, но недостаточно.

- Швырну-ка рукопись в камин и забуду о ней! Вон как пылает огонь, секунды – и пепел. Сыграю такой псевдо-гоголевский спектакль, чтобы потомки говорили: «восстановлена рукопись Шерлинга, найденная в его «Сарагосах»... Но я не Гоголь, а потомкам на фиг «восстанавливать рукопись Шерлинга». Имени моего не вспомнят.

- Хочешь, чтобы вспоминали?.. Славы? Букеровской премии? Не получишь ни того, ни другого. Станет бестселлером - и ты обогатишься? Но это не «Приключения Шерлока Холмса», не «Код да Винчи», не «Похождения бравого солдата Швейка». И не детективная

книжонка из произведений «М. и Ко», которыми взхлеб зачитывается в метро наш усредненный читатель. И не о том, как «...его рука нежно сползала ей в трусики» из «Рублевки Live».

- И, тем не менее, - детектив. Рассказ об ограблении. Об ограблении дорованного Свыше человеку бесценного интеллектуального и творческого богатства. Грабило его же государство, его же общество... А мало ли грабил себя сам?.. Безбожно, безмерно! И не только себя. Порой, сам того не сознавая, молчаливо потакал духовному ограблению своей страны. И сегодня ужасаюсь, проходя по вырубленному старому Арбату, превращенному в антикварную лавку для иностранцев; по Новому Арбату - сплошному казино. А переключая программы ТВ, вижу: чем меньше голос певицы, тем больше она оголяет свое тело. И вдруг с ужасом начинаю понимать шиитов и суннитов, требующих укрыть одеждами женское тело, чтобы оно вызвало возделение у мужчин. А когда по городским улицам шастают голые бабы, то мужики становятся импотентами.

- Почему ж ничего не написал об этом? О том как российское ТВ умышленно оболванивает народ, чтобы он не задумывался над тем, что происходит в стране и не восстал против власти? Разлагает, ведет к гибели целые поколения? Как оно превратилось в бесплатный высокопрофессиональный бандитский мастер-класс?! Потому-то и врываються в синагоги антисемиты, убивают, режут прихожан в момент их святого общения с Господом.

- Обо всем сразу не напишешь, к тому же время опережает воспоминания; а не ведающим прошлого, не понять сегодняшнего и не построить будущего. И об этом моя книга. Чтобы помнили: в

любой момент может наступить гетто. И не только для евреев, как ранее. Для любого народа. Для любой национальности. В первую очередь, для русских; сегодня «Мальборо» укладывает их навзничь, уничтожая русский дух, русскую ментальность и самобытность. С театральных подмостков я имел возможность не только громогласно говорить об этом, но и назидать.

- Кто ж дал тебе такое право - назидать?!

- На обложке моей первой книги цитата из «Торы»: «С небес дал Он тебе услышать свой голос, чтобы наставлять тебя, а на земле показал тебе великий огонь свой, и слова Его слышал ты из огня».

Файл: труппа ШМИ

Приложение №....

СПИСОК артистов ТРУППЫ
театра-студии ШМИ В 1990 г.

ВОКАЛИСТЫ

Агапова Анна Александровна
Вайс Алексей Геннадиевич
Королев Виктор Иванович
Крайтман Владимир Ихильевич
Масликова Татьяна Владимировна
Образцова Ольга Васильевна
Ревзина Татьяна Иосифовна
Цветкова Майя Анатольевна

БАЛЕТНЫЕ

Балашов Илья Васильевич
Валяева Елена Викторовна
Григорьян Рафаэль Гургенович
Гура Марина Павловна
Квитка Марина Васильевна
Кондрашова Ирина Эдуардовна
Малий Сергей Николаевич
Мухин Леонид Викторович
Радомская Светлана Петровна
Федотов Станислав Анатольевич
Чичерова Наталья Викторовна

СТАЖЕРЫ

Боровинских Валерий Семенович
Василюк Наталья Григорьевна
Елизарова Любовь Игоревна
Козырева Ирина Ивановна
Невская Аида Евгентовна
Сарапина Галина Викторовна
Толстова Татьяна Владимировна
Цитлидзе Майя Гурамовна
Черкасова Людмила Ивановна

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – ИСКУССТВО УБИВАТЬ ТАЛАНТЫ

Разорванное сердце
 Прощай КЕМТ
 Повестка
 Здравствуйте, господин Платонов
 Асоциальный тип
 Пустота
 Скитания
 А где твои барабаны?
 Миллионер Шерлинг
 Маритт
 стакан воды
 И песок взошел
 ФД

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Норвегия, Норвегия – чужая сторона
 Пробуждение
 Великий хореограф
 Не моя Москва
 Под небом туманного Альбиона
 На Земле обетованной
 В городе «Большого яблока»
 Прощай Осло

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ – ШКОЛА МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Ненавижу любя
 Филиал «Маяковки»
 Конкурс
 Олеся
 Новое вино в старых мехаха
 Помилуй
 «Поторопился родиться»
 Мама

Finita la comedia

Совесть

Приложение: Состав артистов группы ШМИ